

Теоретические проблемы региональной экономики

- Новоселов А.С. Теоретические аспекты исследования региональных рынков 3
- Мартышенко С.Н., Мартышенко Н.С. Оптимизация структуры инвестиций
в региональные туристические проекты 23

Региональная политика и экономические проблемы федерализма

- Клисторин В.И. Новый этап дискуссии о федерализме в России 33

Экономические проблемы развития регионов

- Воронов Ю.П. Рейтинги субъектов Федерации: методические проблемы оценки 46
- Алексейчук М.С. Чистые сбережения как индикатор оценки устойчивости
регионального развития 67
- Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Бияков О.А., Блам Ю.Ш. Оценка уровня согласованности
экономических интересов субъектов региональной промышленной политики 78
- Цветкова С.Н. Угледобывающий регион в постструктуризационный период 97

Региональное развитие и международное сотрудничество

- Липин А.С., Гайдук Е.А. Перспективы развития лесной отрасли Сибири в условиях
изменения внешнеэкономической конъюнктуры 104

Проблемы экономической социологии

- Бессонов О.Э. Роль государства в современной экономике в контексте общей
теории институциональных трансформаций 126
- Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографическая безопасность России и ее регионов:
факторы, проблемы, индикаторы 147
- Басарева В.Г. Взаимосвязь между уровнем жизни населения и развитием малого
бизнеса 168

**Региональные и межрегиональные аспекты структурной
и инвестиционной политики**

- Кисельников А.А., Курцев И.В. Экономико-статистический анализ аграрного
развития Сибири (по материалам переписей и текущей статистики) 183
- Шипилина А.И. Приполярная железнодорожная магистраль: анализ внутренних
и внешних эффектов 200
- Гальперова Е.В., Кононов Ю.Д., Мазурова О.В. Прогнозирование спроса
на энергоносители в регионе с учетом их стоимости 207

Проблемы местного самоуправления и муниципального развития

- Тамбовцев В.Л., Баснина Т.Д., Вигушина Е.П., Иванова С.А., Маньков В.С., Полян-
ская Е.Е., Суханова Н.В., Сысоев А.П. Принципы общественного аудита
органов местного самоуправления 220
- Кураченко Е.В. Оценка эффективности управления развитием муниципальных
образований (на примере Алтайского края) 233

Научная жизнь

- Лычагин М.В., Суслев В.И., Лычагин А.М. Новые направления региональных
исследований в англоязычной научной литературе 241
- Наши авторы 255
- Summary 258

Theoretical Issues of Regional Economics

<i>Novoselov, A.S.</i> Regional markets: theoretical issues of their study	3
<i>Martyschenko, S.N. and N.S. Martyschenko.</i> Regional touristic projects: optimizing their investment structure	23

Regional Policy and Economic Issues of Federalism

<i>Klistorin, V.I.</i> New stage of debates about federalism in Russia	33
--	----

Economic Issues of Regional Development

<i>Voronov, Yu.P.</i> Ratings of RF units: methodical issues of their assessment	46
<i>Alekseychuk, M.S.</i> Net savings as an indicator of the sustainable regional development	67
<i>Fridman, Yu.A., G.N. Rechko, [O.A. Biyakov] and Yu. Sh. Blam.</i> Regional industrial policy: assessing the coordination of economic interests of players	78
<i>Tsvetkova, S.N.</i> A coal-mining region in the post restructuring period	97

Regional Development and International Cooperation

<i>Lipin, A.S. and E.A. Gayduk.</i> Prospects in the development of Siberian forestry in the context of changing foreign market environment	104
---	-----

Issues of Economic Sociology

<i>Bessonova, O.E.</i> Theory of institutional transformations and role of a state in modern economy	126
<i>Soboleva, S.V. and O.V. Chudaeva.</i> Demographic safety in Russia and its regions: factors, problems and indicators	147
<i>Basareva, V.G.</i> Linkage between level of living and development of small enterprises	168

**Regional and Interregional Aspects
of Structural and Investment Policy**

<i>Kiselnikov, A.A. and I.V. Kurtsev.</i> Economic and statistical analysis of the agrarian development in Russia (on data of censuses and current statistics)	183
<i>Shipilina, A.I.</i> Circumpolar Trunk Railway: analysis of internal and external effects	200
<i>Galperova, E.V., Yu.D. Kononov and O.V. Mazurova.</i> Forecasting the demand for energy sources in balance with their prices	207

Local Self-Government and Municipal Development

<i>Tambovtsev, V.L., T.D. Basnina, E.P. Vigushina, S.A. Ivanova, V.S. Man'kov, E.E. Polyanskaya, N.V. Sukhanova and A.P. Sysoev.</i> Principles of public audit of local governments	220
<i>Kuratchenko, E.V.</i> Assessing the efficiency of the development management in municipal units (case-study for Altai Krai)	233

News Notes

<i>Lychagin, M.V., V.I. Suslov and A.M. Lychagin.</i> New in regional studies published in English	241
Our authors.	255
Summary	258

Регион: экономика и социология, 2008, № 3, с. 3–22

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ

А.С. Новоселов

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

Аннотация

В статье исследуются методологические проблемы формирования региональных рынков, их роль в экономике региона, рассматриваются воспроизводственные, пространственные и институциональные аспекты организации региональных рынков. В результате анализа различных теорий региональных рынков обосновываются подходы к разработке концепции развития региональных рынков, позволяющей обеспечить согласование интересов государства и бизнеса.

Ключевые слова: региональные рынки, экономика, регион, рыночная инфраструктура, рыночное пространство, конкурентная среда, региональный воспроизводственный процесс, концепция

Необходимость изучения теоретических проблем организации региональных рынков обусловлена стремлением к переходу к развитым рыночным отношениям, что требует глубокого анализа явлений и процессов, происходящих в экономике регионов, и закономерностей формирования рынков и рыночной инфраструктуры.

В настоящее время во многих странах структурная перестройка экономики регионов характеризуется приоритетным развитием сферы рыночных, финансовых и информационных услуг, основанных на инновациях. Первоочередное развитие этой сферы позволяет значи-

тельно увеличить объем ВРП, налоговых поступлений в региональный бюджет, обеспечить высокий уровень занятости населения и, как результат, повысить уровень жизни населения и конкурентоспособность экономики региона.

На территории развитых индустриальных стран формируются крупные межрегиональные торгово-экономические кластеры, которые выполняют функции торгового, финансового и информационного обслуживания регионов, входящих в рыночную зону. Перспективы формирования и развития таких кластеров обусловлены следующими объективными предпосылками:

- экономико-географическое положение региона в центре пересечения крупных торгово-экономических потоков;
- наличие развитой системы всех видов транспорта, позволяющей обслуживать межрегиональные торгово-экономические связи;
- наличие крупных логистических комплексов оптовой торговли и производственно-технического обслуживания, располагающих резервными мощностями;
- наличие развитого инновационного потенциала;
- формирование в регионе основных элементов рыночной инфраструктуры;
- обеспеченность региона квалифицированными кадрами и научно-образовательным потенциалом.

Интернационализация производственной, торгово-посреднической, финансово-кредитной, информационной деятельности, наблюдаемая в странах с развитой рыночной экономикой, закономерно приводит к тому, что практически все регионы вовлекаются в сферу глобальных экономических отношений, которые приобретают характер многосторонних связей между различными государствами. Эти явления сопряжены с усилением взаимозависимости регионов до такой степени, когда действия одного из них затрагивают интересы других регионов и региональных систем и становятся глобальными.

Ускорение научно-технического прогресса, проявляющееся в быстром распространении новых технологий в различных регионах мира, компьютеризация экономической деятельности меняют характер ведения бизнеса на региональных рынках и межрегиональные отноше-

ния. Глобальная информатизация усиливает интеграционные процессы посредством обмена коммерческой, производственной и научно-технической информацией. Резко возрастает роль знаний и инноваций в экономическом развитии и обеспечении устойчивой конкурентоспособности регионов. Все это имеет социально-экономические последствия для всех регионов, которые активно включаются в сферу международной конкуренции, и приводит к возникновению новых форм пространственной организации рынков товарных, финансовых, информационных и трудовых ресурсов [1].

В связи с этим возникает необходимость в новом подходе к исследованию проблем формирования рынков на региональном уровне и методов экономического регулирования процессов их развития. Цель таких исследований состоит в том, чтобы на основе анализа закономерностей формирования региональных рынков, соответствующего зарубежного опыта и региональных особенностей развития и преобразования отечественной экономики разработать теоретические основы функционирования региональных рынков с учетом нового экономического механизма в условиях перехода к развитым рыночным отношениям. Для достижения этой цели необходимо изучить структуру региональных рынков и объективные условия и предпосылки их формирования, разработать методологические принципы экономической диагностики процессов развития региональных рынков, исследовать влияние рынков на региональный воспроизводственный процесс, оценить современный уровень развития экономического потенциала рыночной инфраструктуры, изучить закономерности механизма взаимодействия хозяйствующих субъектов экономики региона, разработать методы экономического регулирования процессов формирования и развития региональных рынков.

Формирование региональных рынков объективно связано с конкретной территорией и во многом зависит от организации сферы обращения в каждом отдельном регионе. Наряду с решением организационно-экономических задач формирования новых элементов рыночной системы должен быть проведен анализ существующей системы с точки зрения ее соответствия современным требованиям рыночной экономики.

В переходный период практически для всех регионов России (за исключением столичного) характерно существенное отставание раз-

вития рыночной инфраструктуры от возрастающих потребностей в ее услугах для всей системы рынков. Но дело не столько в количественной характеристике обеспеченности, сколько в существенном отставании по уровню и качеству оказываемых субъектам рыночной экономики торгово-посреднических и кредитно-финансовых услуг, что в настоящее время является одним из сдерживающих факторов перехода к развитым рыночным отношениям. Отсутствие развитой рыночной среды, которую должны формировать предприятия и организации рыночной инфраструктуры, тормозит развитие деловой активности во многих отраслях экономики, а также не способствует развитию малого бизнеса и не стимулирует привлечение отечественного и иностранного капитала.

При общем недостаточном развитии региональных рынков и рыночной инфраструктуры имеет место несбалансированность их развития в каждом отдельном регионе, выражающаяся в различной степени развитости отдельных элементов. Основными закономерностями формирования региональных рынков и рыночной инфраструктуры в регионах России в условиях переходного периода являются

- одновременность преобразования созданных ранее элементов системы региональных рынков и формирования новых элементов, принципиально отличающихся от традиционной системы;
- трансформация функций субъектов региональных рынков, предприятий и организаций рыночной инфраструктуры в направлении их упорядочения и специализации;
- диверсификация видов деятельности в сфере финансово-кредитных, торгово-посреднических, внешнеэкономических и информационных услуг;
- образование региональных ассоциаций и союзов субъектов региональных рынков и сетевых организаций рыночной инфраструктуры;
- несбалансированность и неравномерность в развитии отдельных подсистем и элементов региональных рынков и рыночной инфраструктуры по регионам, обусловленные различиями в экономической структуре хозяйства регионов, различиями в стартовом уровне развития экономики и особенностями реализации экономических реформ в регионах.

Для выявления основных закономерностей организации региональных рынков и рыночной инфраструктуры рассмотрим теоретические концепции, которые сформировались в мировой экономической науке в процессе развития различных школ и направлений начиная с разработки основ теории размещения производства и сферы обращения и кончая созданием концепций геомаркетинга, институциональной и других современных концепций развития региональных рынков.

Процессы специализации и концентрации производства, происходившие в экономике капиталистических стран, вызвали необходимость изучения *пространственного аспекта производства, распределения, обмена и потребления товаров*. Создатели классической теории размещения производства одними из первых обратили внимание на пространственные особенности формирования рынка и необходимость выделения рыночных зон реализации различных товаров в зависимости от издержек производства и обращения. Во многих случаях авторы этой теории исходили из того, что рынки сбыта продукции представляют собой заданную величину. Но в реальности емкость соответствующего рынка может колебаться в значительных пределах.

Впоследствии изучение рынка в его пространственном аспекте выдвинулось на первый план и стало в первую очередь влиять на развитие и размещение производства. В целях оценки емкости регионального рынка были исследованы определяющие ее факторы: денежные доходы, численность и структура населения, состояние регионального платежного баланса, кредитные ограничения, косвенный спрос (потребности всех отраслей в продукции каждой другой отрасли), стремление к пространственному взаимодействию и др.

На основе изучения межрегиональных товарных и финансовых потоков был сделан вывод о том, что в любой стране существует не единый обширный рынок, а иерархия рынков: рынки местные, субрегиональные, региональные и национальные. В зависимости от расстояний и объемов перевозок различных товаров определяется, какие из них обращаются на местном уровне, а какие – на региональном или национальном. При этом проникновение на любой из этих рынков может быть затруднено как экономическими, так и политическими или социальными факторами [2].

В результате объединения анализа товарных и денежных потоков была разработана модель регионального платежного баланса, позволяющая дать комплексную оценку обращения товарных и финансовых ресурсов на региональном и межрегиональном уровнях.

Теория рыночных потенциалов и пространственного взаимодействия рынков. Исходным положением этой теории является «гравитационный» подход, согласно которому региональный рынок или регион в целом представляется в виде массы. Межрегиональные рыночные связи рассматриваются как взаимодействия масс, а частота и интенсивность рыночных взаимодействий подчиняются определенным законам, влияющим на поведение отдельных элементов (частиц) внутри каждой массы.

Первые идеи о рыночном взаимодействии в пространстве были высказаны немецким ученым А. Шеффле, который предположил, что существует взаимодействие торговли и промышленности, и предложил схему гравитационной модели. Американский ученый У. Рейли сформулировал «закон гравитации розничной торговли», согласно которому городской рынок притягивает покупателей окружающего рынка региона прямо пропорционально численности городского населения и обратно пропорционально квадрату расстояния от покупателей до города.

В дальнейшем сторонниками теории рыночных потенциалов и пространственного взаимодействия было обосновано понятие рыночного потенциала применительно к городам и другим территориальным образованиям и составлены карты рыночных потенциалов США. В 1990–2000-х годах эта теория получила дальнейшее развитие в работах, в которых рассматриваются расширенные варианты модели пространственного взаимодействия рыночных потенциалов с учетом влияния финансового капитала и методы прогнозирования региональных рынков на основе моделей пространственного взаимодействия [3].

Теория центральных мест. Еще в начале XX в., исследуя закономерности размещения городов, немецкий ученый В. Кристаллер предложил рассматривать города как центральные места, или рыночные центры, выполняющие функции снабжения окружающих районов товарами и услугами. В его основополагающей модели иерархия центральных мест строится исходя из «рыночного принципа», или «прин-

ципа сбыта». В соответствии с этим принципом центральные места должны находиться как можно ближе к потребителям товаров.

Наибольшее развитие эта модель получила в исследованиях Б. Берри [4], который обосновал применимость теории центральных мест не только к условиям «идеального экономического ландшафта», но и по отношению к регионам с неравномерной плотностью населения и неравномерным распределением спроса по территории. Модифицированная им модель позволила логически объяснить иерархию рыночных центров, которые в пределах городской территории эквивалентны центральным местам. Эта модель нашла практическое применение в США при прогнозировании развития и размещения торговых предприятий различного уровня (зональных бизнес-центров, региональных и локальных торговых центров, а также отдельных предприятий торговли).

Теория центральных мест получила распространение в странах Западной Европы, США и ряде развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Эта теория позволяет обосновать системы иерархии центральных мест и рыночных зон, в которых более высоким уровням иерархии соответствуют более специализированные и реже приобретаемые товары и услуги, а низким уровням иерархии соответствуют товары и услуги первой необходимости и массового потребления. Таким образом строится система вложенных друг в друга зон влияния рыночных центров разного уровня.

Исследования 1990–2000-х годов показали, что под влиянием научно-технического прогресса, быстрых темпов агломерации, интернационализации торговой и финансовой систем, интеграции функций оптовой и розничной торговли происходят определенные изменения в иерархии рыночных центров и рыночных зон, в размещении предприятий оптовой и розничной торговли. Создаются принципиально новые пространственные схемы размещения торговли с обширными зонами влияния мегаполисов, в которых располагаются центры управления крупных торговых фирм [5].

Предметом изучения *геомаркетинга* являются отношения между центрами бизнеса и тяготеющими к ним рыночными зонами. Эти отношения в пространственном аспекте рассматриваются как на уровне крупного региона, так и на уровне города и населенного пункта, а в от-

раслевым аспекте – для оптовой и розничной торговли, банковской деятельности, сферы услуг и других видов бизнеса.

В рамках геомаркетинга ведутся исследования пространственных характеристик рынков, размещения потенциальных покупателей. Проводится географическая сегментация рынков на основе выделения различных зон в целях разработки дифференцированной региональной маркетинговой стратегии. Такая стратегия опирается на гипотезу о зависимости рыночного поведения покупателей от региональных факторов.

Согласно концепции геомаркетинга региональный рынок рассматривается с позиции определения размеров рыночных зон и пространственных характеристик спроса и предложения товаров и услуг. При оценке параметров рыночных зон используются теория центральных мест и теория пространственного взаимодействия. Авторы концепции геомаркетинга к числу главных проблем развития регионального рынка относят территориальную организацию торговой системы, основанную на иерархии торговых центров и рыночных зон, размеры которых варьируют от сельских населенных пунктов до крупных экономических районов. Представители научной школы геомаркетинга, развивая эти идеи, используют теорию центральных мест и теорию пространственного взаимодействия для комплексного исследования региональных рынков, изучения территориальной структуры спроса и предложения товаров и услуг, определения оптимальных размеров и пространственных стандартов новых торговых центров, а также для прогнозирования развития региональных рынков, рыночных зон и размещения розничной и оптовой торговой сети, предприятий сферы услуг.

Новейшие исследования проблем развития регионального рынка в рамках концепции геомаркетинга связаны с изменениями в сфере торговых и финансово-кредитных услуг под влиянием распространения инноваций, информатизации общества, интернационализации сферы услуг, а также с изменениями в пространственной организации рынка [6].

Различные научные школы геомаркетинга исследуют, с одной стороны, широкий спектр проблем экономического взаимодействия между региональными рынками различного уровня и, с другой стороны, конкретные проблемы экономических отношений между отдельными фирмами и их клиентами.

Особенность американской школы геомаркетинга – исследование рынка на микроуровне, изучение размещения предприятий торговли, поставщиков и потребителей продукции в целях прогнозирования развития отдельных фирм.

Особенностью британской школы геомаркетинга является исследование региональных рынков на макроуровне, изучение общерегиональной системы спроса и предложения в целях регионального планирования и прогнозирования.

Концепция пространственного распределения товарных потоков. Согласно этой концепции под региональным рынком понимается совокупность распределительных процессов в региональной экономике, обеспечивающая движение товарных, финансовых, информационных ресурсов от производителей к потребителям, включая весь объем операций, осуществляемых коммерческими и финансовыми посредниками.

Ученые – специалисты по проблемам сферы обращения из США и ряда других стран обосновали, что рационализация распределения произведенной продукции, финансовых и информационных потоков позволяет снизить издержки обращения без значительных капитальных затрат. В данной области имеется значительный потенциал снижения издержек, сокращения времени доставки и, следовательно, повышения конкурентоспособности.

Развитие концепции пространственного распределения товарных потоков происходит по трем основным направлениям: 1) исследование торгово-распределительной системы региона в условиях возрастания конкуренции; 2) развитие регионального программирования распределительной системы; 3) изучение структуры каналов распределения и разработка вертикальных, горизонтальных и многоканальных торгово-распределительных схем (внутрирегиональных и межрегиональных) [7].

Исследования в рамках этих трех направлений, особенно последнего, внесли значительный вклад в разработку теории региональных рынков. Анализ экономических процессов, происходящих в сфере обращения региона, с позиций концепции пространственного распределения товарных потоков позволяет выявить основные закономернос-

ти, взаимосвязи и взаимозависимости региональных рынков, понять сущность материальных, финансовых, информационных и организационных связей, обеспечивающих взаимодействие субъектов региональной экономики в процессе реализации товаров и услуг.

Теория пространственной конкуренции. Конкурентная среда не может рассматриваться вне экономического пространства, без учета территориальных границ рыночных зон реализации различных товаров и региональных особенностей сферы производства и обращения. Впервые классическая модель пространственной конкуренции была разработана Х. Хотеллингом, а в дальнейшем она получила развитие в трудах Э. Чемберлина [8]. Проблемы формирования конкурентной среды региональных рынков исследовались также в работах А. Лёша, У. Рейли и других ученых, изучавших закономерности размещения рыночных зон, рыночных потенциалов и межрегиональных товарных потоков.

Отмеченные проблемы в дальнейшем разрабатывались представителями научной школы исследования структуры и организации рынков. Эта школа возникла на стыке двух научных направлений – теории конкуренции и теории антимонопольного регулирования и была ориентирована на изучение концентрации рыночной власти и ее влияния на конкурентную среду как на национальном, так и на региональном рынке. Представителями данной школы были разработаны методы определения емкости и географических границ рынков, исследована система факторов, определяющих структуру рынка (включая эффект масштаба производства, транспортные издержки, технологические изменения и др.), которые послужили основой для анализа конкурентной среды региональных рынков [9].

Наряду со структурно-организационным подходом к изучению конкурентной среды в западной экономической литературе широкое распространение получил маркетинговый подход. Его сторонники считают, что структурно-организационный подход к анализу конкурентной среды региональных рынков не учитывает региональные особенности развития оптовой и розничной торговли, систему каналов товародвижения, интенсивность товарных потоков и другие факторы, что является следствием неадекватно сформулированной концепции регионального рынка.

В соответствии с маркетинговым подходом региональный рынок определенного товара представляет собой систему фирм, вовлеченных в процессы купли-продажи и конкурирующих между собой за долю в рыночном потенциале в пределах соответствующей рыночной зоны реализации данного товара, используя систему каналов, обеспечивающих товарные потоки между фирмами. В рамках этого подхода изучаются поведение оптовых и розничных торговых фирм на региональных рынках, влияние конкурентной среды на пространственную структуру каналов распределения товарных потоков и другие аспекты территориальной организации сферы обращения.

В последние годы возникли новые направления в исследовании конкурентной среды, связанные с процессами глобализации рынков, структурными сдвигами в производстве и потреблении под влиянием научно-технического прогресса. Среди соответствующих проблем наиболее широко освещены в экономической литературе проблемы развития конкурентной среды региональных рынков в условиях экономической интеграции европейских стран, проблемы эволюции институциональной структуры региональных рынков под воздействием инноваций, а также под влиянием деятельности национальных и транснациональных корпораций, направленной на расширение территориальных границ рынков [10].

Согласно *институциональной концепции регионального рынка* региональный рынок представляет собой систему взаимодействующих субъектов сферы обращения региона, выступающих в различных организационно-хозяйственных формах и обеспечивающих торгово-экономические и финансовые связи между производством и потреблением. Сторонниками этой концепции разработана комплексная институциональная структура рынка, включающая в себя различные типы экономических агентов, предлагающих услуги по хранению, обработке и доставке товаров, финансированию и кредитованию, торговому посредничеству, рекламе, страхованию и т.д. Также предложены научная классификация агентов рынка и система критериев, в которую входят тип выполняемых операций, право собственности на товары, объемы продаж, степень полноты осуществляемых функций и уровень интеграции.

Для многих современных исследований характерна тенденция к расширению состава институциональных элементов рыночной сис-

темы, прежде всего включение в нее экономико-правовых и организационно-управленческих институтов. При этом наряду с чисто экономическим аспектом развития рынка большое внимание уделяется правовым, социально-психологическим и политическим вопросам [11].

Концепции внутриотраслевой и внутрифирменной торговли.

Процессы глобализации всех сфер экономической деятельности, происходящие в последнее время в экономике развитых стран, приводят к ослаблению традиционных преимуществ регионов в сфере территориального разделения труда, таких как наличие необходимых природных ресурсов, дешевой рабочей силы, выгодное географическое положение.

В развитии региональных рынков появились новые тенденции, связанные с трансформацией межрегионального и международного разделения труда, развитием технологического разделения труда на основе подетальной и пооперационной специализации предприятий различных стран и регионов. Формируются устойчивые технологические связи между предприятиями разных стран и регионов, во многом обусловленные деятельностью транснациональных корпораций, которые представляют собой крупнейшие многоотраслевые комплексы, располагающие сетью филиалов и дочерних компаний в различных регионах мира. Между звеньями транснациональных корпораций проходят крупные товарные, финансовые и информационные потоки, образующие относительно самостоятельную сферу внутриотраслевой и внутрифирменной торговли, в которую вовлечены регионы различных стран.

Для объяснения указанных процессов и явлений и оценки их влияния на межрегиональные связи были разработаны концепции внутриотраслевой и внутрифирменной торговли. Авторы концепции внутриотраслевой торговли отмечают, что если до середины XX в. межрегиональная и международная торговля имела в основном межотраслевой характер, то впоследствии стала расширяться сфера внутриотраслевой торговли товарами обрабатывающей промышленности. С увеличением номенклатуры выпускаемой продукции и расширением ассортиментной структуры рынка возросла потребность в межрегиональной специализации на производстве различных видов товаров в рамках отдельных отраслевых товарных групп. Многие регионы стали одновременно ввозить и вывозить товары одной отраслевой группы, что противоречит классической концепции международной торговли.

Сторонники концепции внутриотраслевой торговли утверждают, что развитие межрегиональных и международных связей зависит не от факторов производства, а прежде всего от условий спроса, определяемых величиной национального дохода на душу населения [12].

Авторы концепции внутрифирменной торговли считают, что классическая теория межрегиональной и международной торговли не может объяснить новые явления, связанные с интернационализацией рынков, так как не учитывает главных агентов рынка – коммерческие предприятия. В настоящее время значительная часть межрегиональных и международных экономических связей представляет собой внутрифирменную торговлю. Оборот внутрифирменной торговли составляют в основном полуфабрикаты, запасные части, используемые при сборке готовой продукции, а также разнообразные виды услуг: инжиниринг, лизинг, обмен информационными ресурсами. Особую роль в обороте внутрифирменной торговли играют транснациональные корпорации, развитие которых в последние десятилетия во многом определяет динамику и структуру межрегиональных и международных связей как на мировом рынке, так и на региональных рынках различных стран.

Развитие межрегиональных экономических связей существенно зависит от степени свободы перемещения товаров, капиталов, информации, рабочей силы между различными регионами. В процессе пространственного взаимодействия субъекты региональных рынков сталкиваются с различными барьерами – препятствиями, вызывающими нарушения рыночных связей. Известные регионалисты М. Генхузен и П. Нийкамп предложили следующую классификацию барьеров пространственного взаимодействия: 1) физические барьеры (пространственная удаленность, природные препятствия, перенаселенность, недостаток звеньев инфраструктуры и т.д.); 2) экономико-политико-правовые барьеры (высокие издержки, валютные ограничения, правовая система, торговые барьеры, таможенные формальности, регулирование отношений собственности и т.д.); 3) социокультурные барьеры (низкая квалификация работников, языковые, образовательные, культурные различия, социальная и идеологическая защита, высокий уровень преступности и т.д.); 4) временные барьеры (различные глобальные часовые пояса, пиковые и непиковые часы и т.д.) [13].

К условиям развития межрегиональных экономических связей региональных рынков, определяющих достижение субъектами рынка своих функциональных целей, относятся единая денежная и финансово-кредитная система, действующая в рамках экономического пространства страны; приоритетность развития системы межрегиональной инфраструктуры и создание резервов инфраструктурных мощностей; сбалансированность товарных, финансовых, трудовых ресурсов и потребностей при учете динамики спроса и предложения; совершенствование экономического механизма регулирования экономических связей. Исследование формирования эффективных межрегиональных и внутрирегиональных связей предполагает изучение размещения производителей и потребителей товаров и услуг; возможных зон реализации различных товаров; эффективности различных видов транспорта; территориального размещения товарных запасов и оптовых предприятий.

Сравнительный анализ основных теорий и концепций развития региональных рынков, разработанных в западной экономической науке в XX в., позволяет выделить содержащиеся в них положения, характеризующие основные направления развития, формы и методы организации региональных рынков, которые могут быть использованы при разработке концепции развития региональных рынков Российской Федерации и других стран СНГ. К ним относятся

- формирование экономического механизма, обеспечивающего эффективное взаимодействие рыночных институтов и хозяйствующих субъектов региональной экономики;
- выбор организационно-хозяйственных форм оптовой и розничной торговли, финансово-кредитного и делового обслуживания, а также организационно-правовых форм торгово-экономических внутрирегиональных и межрегиональных связей;
- формирование системы региональных рынков исходя из ориентации на приоритетное обеспечение интересов потребителей;
- определение эффективных каналов товародвижения для различных типов региональных рынков;
- рационализация транспортно-логистических процессов, материальных, финансовых и информационных потоков и развитие материально-технической базы рыночной инфраструктуры региона.

В отечественной экономической литературе начиная с 1990-х годов получил распространение *воспроизводственный подход к исследованию региональных рынков*, применение которого позволяет выявить систему экономических связей субъектов рынка, проанализировать роль субъектов в процессе воспроизводства в целом и исследовать воспроизводственные пропорции развития региональных рынков [14, 15]. В основу изучения роли региональных рынков в создании условий для реализации воспроизводственного процесса положены следующие методологические предпосылки:

- закономерности формирования рынков определяются системой экономических отношений в регионе и характером регионального воспроизводственного процесса;
- региональная экономика представляет собой систему взаимодействующих субъектов хозяйствования, функционирующих в сфере производства товаров и услуг, сфере обращения и финансово-кредитной сфере;
- воспроизводство производительных сил региона и всей системы экономических отношений осуществляется посредством материальных, финансовых и информационных связей между субъектами региональной экономики, которые реализуются через систему региональных рынков, обеспечивающих эффективное взаимодействие субъектов;
- региональные рынки формируют экономическую среду, необходимую для функционирования всего воспроизводственного процесса в регионе.

Постоянное возобновление производства предполагает реализацию на рынке ранее произведенных товаров через каналы сферы обращения. Поэтому сферу обращения региона, как в теоретическом, так и в практическом отношении, следует рассматривать в рамках всего воспроизводственного процесса, принимая во внимание место, которое она занимает в этом процессе и учитывая все ее взаимосвязи с другими сферами региональной экономики. В сфере обращения региона происходят не только доведение продуктов до конечного потребления, но и подготовка условий для следующего воспроизводственного цикла посредством закупок необходимых средств, предметов труда

и рабочей силы, а также выявление общественных потребностей (в форме платежеспособного спроса) в товарах и услугах.

Комплексная экономическая диагностика процессов развития региональных рынков предполагает выявление круга хозяйствующих субъектов, действующих на данных рынках, анализ основных факторов, влияющих на рыночные процессы, определение территориальных границ сфер влияния рынков, изучение межрегиональных связей, оценку уровня развития инфраструктуры, информационного обеспечения, форм и методов государственного регулирования на региональных рынках.

Известно, что характер распространения рыночных отношений, а также территориальная организация рынков и рыночной инфраструктуры в регионах России имеют свою специфику, проявляющуюся в разных условиях обеспечения этих регионов энергоресурсами, машинами и оборудованием, потребительскими товарами, различными видами услуг и т.д.

Поскольку формирование региональных рынков существенно различается по регионам, при диагностике процессов их развития необходимо выделить проблемы, характерные для сложившихся рынков экономически развитых регионов (преимущественно индустриальной или аграрной ориентации), развивающихся регионов с формирующейся структурой хозяйства, а также приграничных регионов. Кроме того, следует принимать во внимание региональные особенности каждого территориально-административного образования при анализе региональных рынков краев и областей России, а также рынков в городской и сельской местности и т.д.

На формирование региональных рынков в районах России оказывают влияние такие факторы, как экономическая структура региона, завершенность комплексов профилирующих отраслей, характер инвестиционного процесса, величина, сроки службы и возраст созданных фондов, инженерное обустройство территории, межрегиональные и международные связи, уровень денежных доходов населения, дифференциация социально-экономических групп населения по размеру среднедушевых доходов, система цен на товары и услуги, темпы инфляции, уровень развития системы торговли, маркетинговой деятельности, научно-технический прогресс в сфере производства, реа-

лизации и потребления товаров и услуг, демографический состав населения, распределение населения по видам занятости, национальные привычки и традиции потребления, природно-климатические условия, образовательно-культурный уровень и др. Все эти факторы характеризуются существенными региональными особенностями, которые в совокупности формируют региональную структуру спроса, предложения и цен.

В современных условиях возникает необходимость разработки концепции развития региональных рынков на долгосрочный период с выделением основных этапов ее реализации, а также системы мероприятий первоочередного характера.

Цель разработки такой концепции состоит в том, чтобы на основе анализа современной ситуации и обобщения отечественного и зарубежного опыта обосновать направления развития базовых элементов системы региональных рынков и рыночной инфраструктуры региона и обеспечить их реализацию, направленную на достижение устойчивых конкурентных позиций экономики региона.

В задачи разработки концепции входят

- оценка экономического потенциала региональных рынков и рыночной инфраструктуры региона как главного условия усиления конкурентоспособности экономики региона;
- изучение факторов и процессов, воздействующих на дальнейшее развитие региональных рынков и рыночной инфраструктуры;
- оценка степени и характера развития различных типов региональных рынков, а также условий, обеспечивающих их эффективное функционирование;
- анализ современных механизмов товародвижения, финансовых и информационных потоков в регионе и разработка направлений их совершенствования;
- прогноз экономических и социальных последствий развития системы региональных рынков и распространения рыночных отношений на все процессы социально-экономического развития региона;
- разработка предложений по совершенствованию экономического механизма регулирования процессов развития региональ-

ных рынков и рыночной инфраструктуры на уровне области, края, республики.

В составе концепции выделяются следующие основные блоки.

1. Формирование региональных рынков в системе экономики региона. Разработка этого блока связана с изучением следующих вопросов:

- структура производства в регионе с точки зрения ее соответствия потребностям рынка; уровень насыщения региональных рынков товарами и услугами, производимыми в регионе;
- условия экономического роста в регионе: развитие наукоемких производств, усиление внутрирегиональной и межрегиональной кооперации; привлечение инновационного бизнеса в регион в интересах повышения уровня его социально-экономического развития; стимулирование развития производств, обеспечивающих комплексное использование ресурсного потенциала региона; привлечение дополнительных инвестиций для развития рыночной инфраструктуры, расширения ее экономического потенциала и его обновления в соответствии с современными требованиями мирового рынка;
- развитие конкурентной среды региональных рынков, включая антимонопольное регулирование на различных региональных рынках, осуществление контроля процессов разгосударствления и приватизации предприятий региона;
- использование возможностей развития межрегиональных и внешнеэкономических связей региональных рынков с другими областями, краями и республиками Российской Федерации, со странами СНГ и другими государствами.

2. Развитие рыночной инфраструктуры. Здесь следует изучить такие аспекты:

- укрепление экономического потенциала оптовой и розничной торговли, сферы рыночных услуг, материально-технической базы транспортной системы региона;
- развитие системы связи, информационных сетей, способных обеспечивать хозяйствующие субъекты коммерческой информацией;

- формирование развитой финансово-кредитной сферы, способной обеспечивать потребности бизнеса.

3. Организация внешнеэкономических связей региональных рынков с учетом интересов области и интересов государств ближнего и дальнего зарубежья на основе оценки эффективности внешнеэкономических связей.

4. Функции областных органов власти по развитию региональных рынков:

- координация деятельности предприятий инфраструктуры в целях создания благоприятного предпринимательского климата и усиления конкурентных позиций региона;
- стимулирование предпринимательской деятельности и ее малых форм на региональных рынках;
- координация деятельности городских и районных органов власти в интересах развития региональных рынков и рыночной инфраструктуры.

5. Совершенствование правовой основы развития региональных рынков:

- анализ действующего законодательства с позиций его соответствия современным требованиям развития региональных рынков;
- разработка предложений по изменению федерального законодательства в сфере развития региональных рынков;
- корректировка областных и местных правовых положений и нормативов в сфере развития региональных рынков.

6. Организационно-управленческая структура. В рамках этого блока необходимо изучить проблемы создания организационных структур, предназначенных для координации развития инфраструктуры региональных рынков, а также проблемы их функционирования и взаимодействия с другими структурами управления, общественными негосударственными ассоциациями и союзами предпринимателей, коммерческими банками и др.

Разработка концепции развития региональных рынков позволит региональным органам управления осуществлять единую экономическую и научно-техническую политику в преобразовании рыночной инфраструктуры, обеспечивать комплексный подход к развитию всех элементов системы региональных рынков, а также эффективное взаимодействие и согласование экономических интересов бизнес-структур, участвующих в формировании и развитии региональных рынков.

Литература

1. **Economic** geography and public policy / Baldwin R. et al. – Princeton, 2003. – 446 p.
2. **Изард У.** Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. – М., 1966.
3. **Birkin M., Foulger F.** Sales performance and sales forecasting using spatial interaction modelling // Univ. of Leeds. Working Paper. 1992, No. 21, p. 122–134.
4. **Berry B.J., Parr J.D.** Market centers and retail location: Theory and applications. – New Jersey, 1992. – 320 p.
5. **Fligstein N.** Architecture of markets. – Princeton, 2001. – 320 p.
6. **Retailing**, consumption and capital: Towards the new retail geography / Ed. by N. Wrigley, M. Lowe. – L., 1996. – 352 p.
7. **Neven D.** EEC integration towards 1992: some distributional aspects // Economic Policy. – 1990. – No. 1. – P. 18–28.
8. **Чемберлин Э.** Теория монополистической конкуренции. – М.: Экономика, 1996.
9. **Тироль Ж.** Рынки и рыночная власть. – СПб.: Питер, 2000.
10. **Stiglitz J.E.** Globalization and its discontents. – New Jersey, 2003. – 312 p.
11. **White H.C.** Markets from networks: Socioeconomic models of production. – Princeton, 2002. – 328 p.
12. **Schmitt N.** New international trade theories and Europe 1992 // Journal of Common Market Studies. – 1990. – No. 2. – P. 22–34.
13. **Генхузен М., Нийкамп П.** Формирование корпоративных трансграничных сетей в Восточной Европе: потенциальные возможности зоны развития Восток – Запад // Региональное развитие и сотрудничество. – 1997. – №. 0. – С. 8–16.
14. **Шнипер Р.И., Новоселов А.С.** Региональные проблемы рынковедения: экономический аспект. – Новосибирск: Наука, 1993. – 443 с.
15. **Новоселов А.С.** Рыночная система региона: проблемы теории и практики. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2007. – 568 с.

ОПТИМИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТУРИСТИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ

С.Н. Мартышенко, Н.С. Мартышенко

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Аннотация

Рассматривается модель оптимизации планирования инвестиций в развитие туристского комплекса региона. Критерий эффективности выбора вариантов планов построен с учетом синергетического эффекта. Одним из достоинств модели является то, что целевая функция и система ограничений представлены линейными функциями, что позволяет решать задачу достаточно большой размерности.

Ключевые слова: инвестиционный проект, календарный план, синергетический эффект, математическая модель, туристский комплекс

Сегодня можно констатировать, что экономика России стабилизируется. Одним из признаков этого является то, что правительство страны рассматривает крупные проекты, затрагивающие интересы больших слоев населения. Среди приоритетов – развитие Дальнего Востока, так как проблема социально-экономического развития Дальневосточного региона стоит настолько остро, что под угрозой оказывается территориальная целостность России. Самостоятельно решить все проблемы регион не может. Необходимы централизованные инвестиции и создание условий для активизации частных инвесторов. И тут возникает вопрос об оптимальном распределении инвестиций с учетом сложившихся в регионе экономических условий. Поставленные цели могут быть достигнуты, если будут соблюдены два принципа. Во-первых, нужно правильно выбрать точки экономического роста. Это должны быть такие проекты, которые станут локомотивами

экономики не только региона, но и страны в целом [1, 2]. Во-вторых, на фоне сложной демографической обстановки в регионе важно оптимизировать последовательность реализации новых проектов, способствующих повышению уровня и качества жизни населения и, соответственно, воспроизводству производительных сил региона.

Оба этих принципа полностью укладываются в рамки синергетического подхода к планированию позитивных сдвигов социально-экономических систем региона. Развитие методов, основанных на использовании синергетического подхода, является новой областью науки. В.С. Степин отмечает: «Пользу же конкретных моделей синергетики (динамики нелинейных систем) мало кто подвергает сомнению. Исследование и технологическое освоение развивающихся систем сегодня определяет передний край научно-технического развития» [3, с. 5].

В данной статье мы предлагаем рассмотреть математическую модель, демонстрирующую синергетический эффект при планировании возведения новых объектов туристской индустрии, которая является одной из перспективных многоотраслевых систем экономики края, обладающего уникальными природными ресурсами. Ряд моделей, позволяющих оптимизировать структуру развития туристского комплекса региона, представлены в наших предыдущих работах [4, 5]. С помощью этих моделей возможно осуществить отбор инвестиционных проектов, в совокупности обуславливающих усиление синергетического эффекта для развития туристской индустрии. Здесь мы рассмотрим еще один вариант модели. Задача состоит в отборе из n проектов представленного портфеля серии из m проектов, удовлетворяющих установленным ограничениям, и составлении для них календарного плана, имеющего максимальный синергетический эффект. Количество представленных на рассмотрение проектов n несколько избыточно, поэтому заранее неизвестно, сколько именно проектов будет отобрано для реализации. То есть предлагаемая задача в первую очередь является задачей выбора проектов, а во вторую – задачей календарного планирования.

Как известно, календарный план представляет собой перечень работ с указанием сроков начала и завершения работ. Мы рассматриваем планы реализации крупных региональных программ, в которых в качестве работ выступают отдельные проекты. Отличие от классической задачи календарного планирования состоит, с одной стороны, в том,

что не все представленные в программе проекты могут быть реализованы, и, с другой стороны, в том, что срок реализации проектов регламентирован и определяется способом финансирования всей программы. Для крупных проектов характерно еще и то, что они в большей степени логически независимы в смысле порядка следования по сравнению с планированием работ в рамках более мелкого отдельного проекта.

Поскольку срок реализации программы, состоящей из серии проектов, зависит от способа финансирования, вначале определим процедуру финансирования.

Пусть объем финансирования программы, рассчитанный на G лет (плановый период), составляет Ω_0 . Финансирование в плановый период осуществляется по годам. Тогда

$$\Omega_0 = \sum_{j=1}^G \Omega_j, \quad (1)$$

где Ω_j – объем финансирования в год j ($j = \overline{1, G}$).

Если выделенные средства в отдельном году не расходуются, то остаток переносится на следующий финансовый год и т.д. Для определенности будем полагать, что в течение планового периода, состоящего из G лет, все средства должны быть израсходованы. Однако это условие может принимать и другой вид. Например, можно потребовать, чтобы все проекты были завершены в течение планового периода G , когда производится их финансирование.

Существует множество вариантов задания календарного плана. Для формализации определения календарного плана мы используем набор бинарных переменных X :

$$X = \begin{pmatrix} x_{11} & x_{12} & \dots & x_{1n} \\ x_{21} & x_{22} & \dots & x_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ x_{G1} & x_{G2} & \dots & x_{Gn} \end{pmatrix}, \quad (2)$$

где

$$x_{ji} = \begin{cases} 1 & \text{– если в } j\text{-й год начинается реализация } i\text{-го проекта} \\ 0 & \text{– если в } j\text{-й год не начинается реализация } i\text{-го проекта} \end{cases};$$

i – номер проекта ($i = \overline{1, n}$);

j – номер года с начала планового периода ($j = \overline{1, G}$).

Очевидно, что имеет место вариантность допустимых календарных планов. Следовательно, сроки начала работы над проектами могут быть определены в результате поиска решения некоторой оптимизационной задачи. В качестве целевой функции задачи можно выбрать общее количество потребителей, которое может быть привлечено после реализации m проектов рассматриваемой программы.

В описании календарного плана обычно определяются и сроки завершения работ (у нас – проектов). Вместо сроков завершения проектов в задаче рассматривается срок начала эксплуатации объектов, ассоциированных с каждым проектом. Эксплуатация объектов, ассоциированных с проектом i , начинается с года, следующего за годом завершения проекта. Номер года g_i начала эксплуатации объектов, ассоциированных с проектом i , отсчитывается от начала планового периода и может принимать значения из ряда натуральных чисел $2, \dots, G + 1$. Сроки начала эксплуатации реализованных проектов могут быть заданы также с помощью набора бинарных переменных Y . Количество столбцов матрицы Y равно n – по числу рассматриваемых проектов, а количество строк v в зависимости от условий задачи может быть равно либо $G + 1$, либо $G + 2$. Содержательный смысл элементов матрицы Y определяется условием

$$y_{\psi i} = \begin{cases} 1 & \text{если в } \psi\text{-й год начинается эксплуатация объектов} \\ & i\text{-го проекта} \\ 0 & \text{если в } \psi\text{-й год не начинается эксплуатация объектов} \\ & i\text{-го проекта} \end{cases}, \quad (3)$$

где i – номер проекта ($i = \overline{1, n}$); ψ – номер года с начала планового периода ($\psi = \overline{1, v}$).

Расчет переменных Y производится на основе переменных X и времени, необходимого на реализацию проектов, которое определяется в описании проектов.

Перейдем к описанию параметров проектов. Предполагается, что для каждого проекта, из числа которых отбираются самые перспективные, определены длительность реализации проекта τ_i , общий

объем финансирования C_i^0 ($i = \overline{1, n}$) и необходимые объемы финансирования по годам:

$$C_i^0 = \sum_{t_i}^{\tau_i} c_i^{t_i}, \quad (4)$$

где i – номер проекта ($i = \overline{1, n}$); $c_i^{t_i}$ – необходимые объемы финансирования i -го проекта по годам t_i ($t_i = \overline{1, \tau_i}$); τ_i – длительность реализации i -го проекта, лет.

Длительность реализации наиболее продолжительного проекта определяется по формуле

$$\tau = \max_i (\tau_i). \quad (5)$$

Параметры $c_i^{t_i}$ сведем в матрицу C размерности $(n \times \tau)$. Незаполненным элементам матрицы присвоим значение ноль. Матрица C задает потребность в финансировании проектов по годам.

При завершении проекта нереально ожидать, что объекты сразу достигнут своей максимальной загрузки. Если такое происходит, то эти объекты бесперспективны и устареют еще до своего ввода. Поэтому для каждого проекта определим три параметра:

q_i^u – количество потребителей, привлекаемых в первый год после реализации i -го проекта ($i = \overline{1, n}$);

q_i^k – количество потребителей, привлекаемых при максимальной загрузке объектов, реализованных в i -м проекте ($i = \overline{1, n}$);

T_i – срок вывода объектов на максимальную загрузку.

Считается, что прирост потребителей по годам от 1 до T_i подчиняется линейному закону. Это предположение не сужает общности рассуждений, поскольку в данном случае любая нелинейная функция может быть представлена кусочно-линейной. Параметры q_i^u , q_i^k , T_i для каждого проекта оцениваются при условии, что не будут реализованы все остальные проекты.

Однако отдельные проекты могут в сочетании обладать значительным синергетическим эффектом. Наличие синергетического эффекта задается рядом дополнительных параметров. Формально каж-

дое сочетание реализованных проектов, обладающее синергетическим эффектом, задается бинарным вектором $S_r = (s_{r1}, s_{r2}, \dots, s_{rn})$, $r = \overline{1, R}$. Элементы вектора S_r определяются условием

$$s_{ri} = \begin{cases} 1 - \text{если } i\text{-й проект входит в } j\text{-ю комбинацию,} \\ \quad \text{обладающую синергетическим эффектом} \\ 0 - \text{если } i\text{-й проект не входит в } j\text{-ю комбинацию,} \\ \quad \text{обладающую синергетическим эффектом} \end{cases} \quad (6)$$

Синергетический эффект проявляется, когда реализуется заданная комбинация проектов. Для каждой комбинации вводится три дополнительных параметра p_r^u, p_r^k, T_r' ($r = \overline{1, R}$), являющихся аналогами параметров q_i^u, q_i^k, T_i в ситуации возникновения синергетического эффекта.

Полная загрузка всех введенных объектов произойдет не позднее чем через G' лет ($G' > G$). Максимальное значение для G' определяется по формуле

$$G' = \max_i (G + T_i). \quad (7)$$

Поэтому для определения суммарного эффекта от реализации всех проектов нужно рассматривать период в G' лет.

Для формализации синергетического эффекта при реализации заданных комбинаций проектов S_r ($r = \overline{1, R}$) введем набор бинарных переменных Z , представленных матрицей размерности $(G' \times R)$. Содержательный смысл переменных $z_{\gamma r}$ ($\gamma = \overline{1, G'}, r = \overline{1, R}$) определяется условием

$$z_{\gamma r} = \begin{cases} 1 - \text{если в } \gamma\text{-й год реализована } S_r\text{-я комбинация проектов} \\ 0 - \text{если в } \gamma\text{-й год не реализована } S_r\text{-я комбинация проектов} \end{cases}, \quad (8)$$

где r – номер комбинации проектов, обладающей синергетическим эффектом ($r = \overline{1, R}$); γ – номер года с начала планового периода ($\gamma = \overline{1, G'}$).

Заметим, что если матрицы переменных X и Y могут содержать не более одной единицы в каждом столбце, то матрица Z может содержать несколько единиц в каждом столбце. Все элементы первой строки матрицы Z равны нулю, поскольку ни один проект и, соответственно, ни одна их комбинация в первый год планового периода не реализованы.

После определения основных параметров можно записать оптимизационную математическую модель задачи. Рассмотрим систему ограничений задачи.

Переменные X должны удовлетворять ограничениям, отражающим условие единственности начальной даты работы над проектом (*первая группа ограничений*):

$$\sum_{j=1}^G x_{ji} \leq 1, \quad i = \overline{1, n}. \quad (9)$$

Вторая группа ограничений определяет условия финансирования по годам:

$$\theta_j \leq \sum_{\xi=1}^j \Omega_{\xi} - \sum_{\xi=1}^{j-1} \Omega_{\xi}, \quad (10)$$

где j – номер года с начала планового периода ($j = \overline{1, G}$); θ_j – расходы, связанные с реализацией всех проектов в j -й год.

Параметры θ_j определяются через переменные X и матрицу C , отражающую потребность в финансировании проектов по годам.

Сроки начала эксплуатации объектов Y и комбинации объектов с синергетическим эффектом, заданные параметрами S_r ($r = \overline{1, R}$), определяют переменные Z . Система неравенств, из которых определяются переменные Z , составляет *третью группу ограничений*. Поскольку эти ограничения достаточно сложные, мы их не приводим.

Указанные три группы ограничений являются основными ограничениями рассматриваемой оптимизационной задачи. Прочие ограничения могут проистекать из конкретных проектов и условий их реализации.

В качестве целевой функции, определяющей выбор проектов из представленного портфеля, выступает общее число потребителей, привлеченных после реализации выбранных проектов при выходе объектов на максимальную загрузку с учетом синергетического эффекта.

Прежде чем записать целевую функцию, затабулируем значения функций изменения числа потребителей после реализации каждого из проектов (см. таблицу). Размерность таблицы – $(G' \times n)$. Значения $F_{\gamma i}$ ($\gamma = \overline{1, G'}; i = \overline{1, n}$) рассчитываются по формуле

$$F_{\gamma i} = \begin{cases} q_i^u + (\gamma - 1) \frac{q_i^k - q_i^u}{T_i}, & \text{если } \gamma < T_i \\ q_i^k, & \text{если } \gamma \geq T_i \end{cases} \quad (11)$$

Аналогично рассчитаем значения функций изменения числа потребителей, привлекаемых при реализации комбинаций проектов, обладающих синергетическим эффектом. Для расчета используем параметры p_r^u , p_r^k , T_r' . Значения сведем в матрицу λ размерности $(G' \times r)$. Элементы матрицы – $\lambda_{\gamma r}$ ($\gamma = \overline{1, G'}, r = \overline{1, R}$).

Функции изменения числа потребителей по годам

Год	Проект 1	Проект 2	Проект 3	...	Проект n
1-й	F_{11}	F_{12}	F_{13}	...	F_{1n}
2-й	F_{21}	F_{22}	F_{23}	...	F_{2n}
...	
G' -й	$F_{G'1}$	$F_{G'2}$	$F_{G'3}$...	$F_{G'n}$

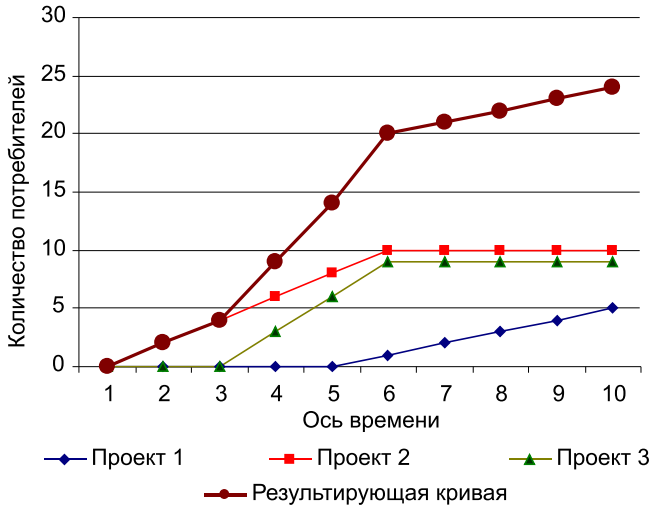

Рис. 1. Количество потребителей после реализации проектов без учета синергетического эффекта

С учетом введенных обозначений можно записать целевую функцию оптимизационной задачи, выражающую количество потребителей, которое может быть привлечено в результате реализации группы проектов с учетом синергетического эффекта:

$$L = \sum_{\psi=2}^v \sum_{i=1}^n y_{\psi i} \sum_{\eta=1}^{G'-2-\psi} F_{\eta i} + \sum_{\gamma=2}^{G'} \sum_{r=1}^R (z_{\gamma r} - z_{\gamma-1, r}) \sum_{\eta=1}^{G'-2-\gamma} \lambda_{\eta r} \rightarrow \max. \quad (12)$$

Синергетический эффект учитывается с помощью второй компоненты целевой функции. Влияние синергетического эффекта демонстрируется гипотетическим примером, представленным тремя проек-

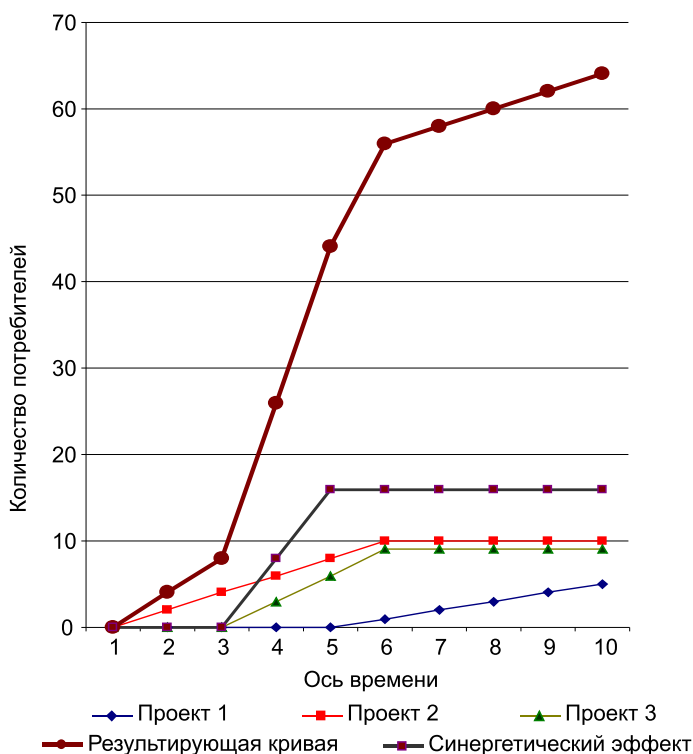

Рис. 2. Количество потребителей после реализации проектов с учетом синергетического эффекта

тами (рис. 1, 2). На рисунке 1 показано количество привлекаемых потребителей при вводе трех проектов по отдельности – через один год, три и пять лет соответственно и результирующая кривая. На рисунке 2 демонстрируется синергетический эффект, который возникает при совместной реализации проектов 2 и 3.

В модели могут быть использованы и иные критерии, например интегральные [6]. В настоящее время разрабатываются другие варианты синергетической модели с различными видами целевых функций. Так, для туристского комплекса большое значение имеет социальный эффект.

С помощью модели можно исследовать эффективность не только проектов, напрямую касающихся туристской индустрии, но и проектов, относящихся к другим социально-экономическим системам. Главным достоинством представленной модели является то, что она описывается линейными функциями, что позволяет решать задачи достаточно большой размерности с использованием стандартных программных средств. Все вспомогательные расчеты по формированию ограничений и целевой функции выполняются с помощью специальной программы. В настоящее время модель прошла апробацию на модельных данных.

Литература

1. Кулешов В.В. Стратегические проекты развития важнейших хозяйственных комплексов // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 1. – С. 94–112.
2. Минакир П.А. Региональные программы и стратегии: Дальний Восток // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 4. – С. 19–31.
3. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и философия синергетики // Путь в будущее – наука, глобальные проблемы, мечты и надежды: Мат. междунар. конф. (Москва, 26–28 ноября 2007 г.). – М., 2007. – С. 5–11.
4. Мартышенко С.Н., Мартышенко Н.С., Гусев Е.Г. Модели формирования структурных сдвигов регионального туристского комплекса // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 4. – С. 166–177.
5. Мартышенко С.Н. Оптимизационные модели реструктуризации туристского комплекса региона // Математические методы в технике и технологиях: Сб. тр. XX Междунар. науч. конф. (28–31 мая 2007 г.): В 10 т. – Ярославль, 2007. – Т. 8. – С. 98–103.
6. Гречишкина М.В., Ивахник Д.Е. Выбор оптимального варианта инвестиций (оптимизационный подход) // Финансовый менеджмент. – 2003. – № 3. – С. 29–34.

Регион: экономика и социология, 2008, № 3, с. 33–45

НОВЫЙ ЭТАП ДИСКУССИИ О ФЕДЕРАЛИЗМЕ В РОССИИ

В.И. Клисторин

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

Аннотация

Проанализированы основные точки зрения и оценки специалистов в области региональной политики и федеративных отношений по поводу выбора модели федерализма для России и ее влияния на пространственное развитие страны. Показано, что основным фактором, определяющим ту или иную позицию, являются различные оценки ее сторонниками зрелости и эффективности политических институтов федерализма. Большинство российских специалистов считают необходимыми и даже неизбежными децентрализацию принятия решений и повышение самостоятельности регионов и муниципальных образований.

Ключевые слова: федерализм, экономический рост, централизация, децентрализация, региональная политика, пространственное развитие, депрессивные регионы, муниципальные образования

Независимо от планов Правительства Российской Федерации, отдельных научных учреждений и коллективов разворачивается дискуссия вокруг альтернатив пространственного развития страны, организации власти и разграничения полномочий в федеративном государстве, каковым является Россия. Причин нового витка обсуждения этих проблем несколько. Во-первых, быстрый экономический рост в течение последних 10 лет породил эйфорию по поводу якобы нескончаемого про-

цветания и одновременно желание «наиболее рационально» распорядиться быстро растущими доходами государства и крупных корпораций. Во-вторых, стали очевидны как неэффективность региональной политики Правительства РФ, так и неадекватность инструментов региональной политики декларируемым целям федерального центра. В-третьих, в 2008 г. накануне выборов депутатов Государственной думы и особенно Президента Российской Федерации появился спрос на осмысление результатов прожитого восьмилетнего периода и разработку предложений по корректировке социально-экономической политики. Очевидно, что и в этом случае одними из наиболее обсуждаемых сюжетов оказались региональная политика, проблемы федерализма и проблемы пространственного развития страны. Суть дискуссии как в научном, так и в прикладном плане состоит в наличии разных точек зрения на итоги реформирования федеративных отношений. Другими словами, обсуждается вопрос о стратегическом выборе в процессах централизации-децентрализации в принятии решений по вопросам пространственного развития страны на предстоящие годы. Очевидно, что если нас не удовлетворяют результаты, то нужно обратить внимание на процессы, которые привели к этим результатам.

Наиболее значительным событием в этом плане стала публикация научного доклада «К программе социально-экономического развития России 2008–2016», подготовленного ведущими специалистами РАН под руководством члена-корреспондента РАН Р.С. Гринберга [1]. В контексте темы настоящей статьи наибольший интерес представляют глава 3.5 «Пространственный аспект социально-экономического развития» и глава 4.6 «Новый федерализм и региональная политика».

Прежде всего, немного об основных проблемах и путях их решения в пространственном развитии России. По мнению авторов главы 3.5, главная проблема – отсутствие внятной формулировки целей пространственной политики на перспективу. Если «борьба с неоднородностью пространства или за абсолютное выравнивание социально-экономического развития в принципе абсурдна» [1, с. 167], то какая же цель представляется не абсурдной, т.е. не только желательной со стратегической точки зрения, но и достижимой при определенных условиях? К сожалению, авторы не дают четкого ответа на этот вопрос и в качестве альтернативы предлагают «подтягивать» отстающие регионы за счет «более

действенных инструментов экономической политики» и «усиления инвестиционной и инновационной активности».

Трудно также рассматривать в качестве цели интеграцию экономического пространства, степень которой измеряется потоками товаров, что отражает не столько степень интеграции, сколько более ярко выраженную специализацию регионов и дифференциацию условий производства и цен. Далее идет пространное обсуждение проблемы юрисдикции России в отношении участков Мирового океана и приводится обзор крупных инфраструктурных проектов, которые должны способствовать интеграции страны и ускорению развития ее восточных районов. При этом даже не ставится вопрос о готовности экономики к одновременной реализации столь крупных проектов с точки зрения наличия ресурсов, технологий и организационных возможностей.

Очевидно, что экономическое развитие в его стратегическом понимании должно привести к новому качеству экономики. Но столь масштабные проекты фактически направлены на сохранение специализации макрорегионов (федеральных округов) и даже на ее усиление. Вместе с тем именно специфическая специализация восточных районов порождает проблемы пространственных диспропорций в распределении населения, его доходов и бюджетных расходов.

Другой идеей, развиваемой в обсуждаемой главе, является наличие специфических ограничений (сырьевых, экологических, инфраструктурных и связанных с недостаточной мобильностью труда и капитала), что, казалось бы, должно существенно снижать прогнозируемые темпы экономического роста и динамику других макроэкономических показателей для страны в целом. Однако, как пишут авторы, расчеты на основе межрегиональной межотраслевой модели показывают, что высокие темпы, заложенные в Концепции долгосрочного развития экономики России на период до 2020 г., достижимы. Это означает, что, во-первых, учет пространственного аспекта мало что дает для прогнозирования макроэкономических параметров в сравнении с точечными моделями, во-вторых, существующая специализация регионов (и, следовательно, дифференциация пространства) близка к оптимальной и, наконец, в-третьих, институциональные условия, в значительной мере (наряду со специализацией) породившие такое колоссальное неравенство, которое в мире больше нигде не встречается

ся [1], вполне совместимы с обеспечением высоких темпов экономического развития в долгосрочной перспективе.

В действительности же огромное (и растущее) неравенство в экономическом развитии отдельных территорий может быть тормозом экономического роста на макроуровне. Как было показано В.И. Суловым, существуют определенные пороговые значения дифференциации экономического пространства, и когда превышает последнее из них, это угрожает потерей территории в экономическом смысле, даже как источника ресурсов для более благополучных регионов [2].

Достаточно давно известно, что проблема социально-экономической дифференциации пространства (она же проблема неравенства) может быть корректно описана или, наоборот, искусно скрыта путем сравнения регионов различного уровня и масштаба. Поэтому важно выделять таксономические единицы, наиболее адекватные поставленной задаче изучения экономической дифференциации пространства. Экономический рост в России крайне неравномерен, и узлы его концентрации хорошо известны. А.И. Трейвиш показал, что практически весь экономический рост и социально-экономическое развитие современной России концентрируются в 150–200 городах [3]. При этом сколько-нибудь гарантированную стабильность экономического развития обеспечивает порог численности населения в 500 тыс. чел. Редкими исключениями являются малые города в зоне агломерации мегаполисов, центры добывающей промышленности и немногие «счастливчики», в которые пришли предприятия с иностранным участием или экологически вредные производства. Еще более пестрая картина наблюдается в сельской местности [4]. Остальные города, так же как и большая часть субъектов Федерации, свое будущее связывают почти исключительно с получением средств из вышестоящих бюджетов, хотя имеется огромное количество работ, в которых доказывается, что трансфертный механизм не решает проблему развития (см., например, [5]).

Все это лишний раз демонстрирует, что имеют место серьезные проблемы как с определением целей, выбором инструментов, так и с определением объекта региональной политики. В принципе все указанные проблемы должны решаться исходя из системы распределения полномочий между уровнями власти, что зависит от принятой системы федеративных отношений. Соответствующая глава обсужда-

емого доклада (4.6) начинается с перечня достижений в строительстве федеративных отношений, в особенности после 2004 г. Совершенно правильно отмечается, что идет противоречивый процесс перестройки модели местного самоуправления как необходимого элемента (правильнее было бы сказать – краеугольного камня) системы федеративных отношений. Мягко указывается на то, что «стягивание» полномочий, финансовых ресурсов в центр подвело Россию «к черте, за которой обозначен как формальный, так и фактический ее переход к модели унитарной государственности» [1, с. 222]. Ранее мы предупреждали о том, что такая проблема вполне реальна, и должен наступить перелом в тенденции централизации полномочий и ресурсов [6]. Похоже, время для обсуждения этих вопросов наконец наступило.

Далее в анализируемом тексте представлен серьезный анализ результатов работы по укрупнению субъектов Федерации в контексте проблемы выравнивания уровней социально-экономического развития регионов. Применительно к обоим направлениям региональной политики высказываются достаточно скептические оценки в отношении достигнутых результатов. Причем укрупнение регионов упоминается как опасный паллиатив долгосрочной политики развития федеративных отношений. Напомним, что укрупнение регионов рассматривалось в качестве инструмента решения двух проблем: сокращения региональной правовой асимметрии (ликвидация путем объединения сложносоставных субъектов Федерации и унификация правового положения регионов) и снижения дисперсности экономического пространства путем присоединения экономически слабых субъектов к более развитым и финансово самостоятельным регионам. Обе эти цели не достигнуты, поскольку в большинстве случаев особый статус «присоединенных» субъектов сохранился и закреплён в региональном законодательстве, а финансовое стимулирование процесса объединения со стороны федерального центра привело к формированию еще одного канала, порождающего асимметричность отношений центр – субъекты Федерации. С другой стороны, усиление асимметрии социально-экономического развития на уровне регионов имеет более серьезные причины, которые кроются в отсутствии механизмов саморазвития на уровне муниципальных образований. В этом случае выравни-

вание, как к нему ни относиться, неизбежно носит формальный характер и не столько решает проблему, сколько загоняет ее вглубь.

Вместе с тем в теоретическом плане проблема экономических преимуществ и специфических рисков федеративного устройства государства может считаться решенной. Выгоды от децентрализации решений видятся прежде всего в институционализации механизмов ограничения государственного вмешательства в экономику, в ее дебюрократизации и более эффективном использовании местных ресурсов. Фактическое же развитие отношений центр – периферия в России все последние годы шло в прямо противоположном направлении. Неудивительно, что такие проверенные в других странах инструменты региональной политики, как софинансирование проектов, региональные целевые программы и переход к среднесрочному бюджетному планированию, не срабатывают в отечественных условиях. Во всех случаях, принимая форму, мы ухищряемся выхолащивать содержание, т.е. искажаем смысл использования инструментов.

При софинансировании проектов важнейшим пунктом является то, что проекты иницируются «снизу». В российских условиях в большинстве случаев проекты спускаются «сверху» и/или регионы тонко улавливают, какие из проектов могут получить «добро» при текущей политической конъюнктуре. Целевые программы, имеющие региональный характер, как финансировались много хуже, чем расходы по другим статьям бюджета, так это и продолжается. Как было объявлено на заседании Правительства России, в I квартале 2008 г. расходы по наиболее «успешным» ФЦП были профинансированы в размере не более 10% от запланированного на год, причем по более чем половине программ расходы не осуществлялись совсем. Эта повторяющаяся из года в год ситуация говорит о том, что либо сами программы подготовлены недостаточно хорошо, либо механизмы их реализации неэффективны, либо реализация данных программ не является приоритетом. Не исключено, что все три причины взаимно дополняют друг друга. Поскольку программы по определению должны быть важнейшим инструментом бюджетирования, ориентированного на результат, можно сделать вывод о серьезности намерений повысить эффективность бюджетных расходов по финансированию целевых программ.

Все вышесказанное имеет прямое отношение и к реализуемой на практике идее среднесрочного непрерывного бюджетного планирования. Фактически это означает, что государство берет на себя обязательства осуществлять текущие расходы на три года вперед, но не берет на себя аналогичных обязательств по расходам капитального характера, в особенности по тем из них, которые требуется осуществлять более трех лет. Казалось бы, и эта проблема давно решена. Бюджет делится на две части: бюджет текущих расходов, принимаемый на год, и бюджет капитальных расходов, принимаемый на более длительный период, например на пять лет. Но такое решение серьезно ограничивает свободу действий федерального правительства и требует гораздо более высокого уровня координации и гораздо большей степени согласованности политики ведомств. А это, в свою очередь, не отвечает принципу управления в «ручном режиме».

В этих условиях предлагаемые различными авторами здравые идеи, такие как повышение инициативности и ответственности регионов в экономической сфере, межрегиональная интеграция и инновационная кооперация, совместное проектное финансирование с использованием институтов развития и т.д., останутся лишь благими пожеланиями. В лучшем случае подобные идеи тихо умрут, как идея оценки деятельности губернаторов на основе формализованной системы критериев социально-экономического развития вверенных им регионов.

Удивительным представляется единодушие академического сообщества по поводу соотношения централизации и децентрализации при выборе модели федерализма и отношений центр – субъекты Федерации. Помимо предложений, сформулированных в обсуждавшемся выше научном докладе РАН, один из крупнейших отечественных регионалистов А.Н. Швецов аргументированно обосновывает необходимость (и даже неизбежность) смены тенденции централизации регионального развития. Он убедительно показывает, что в условиях нынешней административной и финансовой централизации, когда «федеральная власть становится главным (если не единственным) центром принятия принципиальных решений в сфере пространственного развития экономики» [7, с. 11], решение стратегических проблем исходя из текущей ситуации становится неизбежным. Еще более интересен вывод этого автора о том, что подобная ситуация представляется неприемле-

мой уже не только для глав регионов, но и для федерального центра, по крайней мере в лице Министерства регионального развития. Надо согласиться и с его утверждением, что дилемма, состоящая в том, кому следует оказывать федеральную поддержку – сильным или слабым регионам, ложная, поскольку ключевым является понятие «федеральная поддержка». Следовало бы принять определенные социальные стандарты, гарантированные всем гражданам вне зависимости от региона или города, где они проживают, вместо запутанной системы перераспределения полномочий, которые постоянно перемещаются с одного уровня власти на другой, причем не всегда с должным финансированием соответствующих расходов и практически всегда без учета кадровых возможностей и расходов на их администрирование.

По-видимому, А.Н. Швецов проявляет излишний оптимизм, полагая, что стремление регионов к самостоятельности и децентрализации в принятии решений становится реальностью. Если считать таковыми умение улаживать отношения в новой конфигурации власти, то это, несомненно, так. Но что касается разработки региональных стратегий, планов и программ, то этот процесс инициирован федеральным центром и отражает его стремление к большей прозрачности (для себя) действий и намерений региональных властей, их большей подотчетности (себе) и, отчасти, ностальгию отечественных управленцев по давно ушедшим временам централизованной плановой экономики.

Самое примечательное в рассматриваемой академической дискуссии состоит в том, что практически все ее основные тезисы базируются на обобщении отечественного и мирового опыта и критическом анализе краткосрочных результатов различных новаций в региональной политике и федеративных отношениях. При этом глубоких эмпирических исследований (за исключением изучения вопросов выравнивания бюджетной обеспеченности и социологических исследований) при важности проблемы чрезвычайно мало на фоне общего потока публикаций. В то же время зарубежные исследователи достаточно серьезное внимание уделяют эмпирическим исследованиям влияния политических процессов (в частности, процессов централизации ресурсов и принятия решений) на макроэкономическое развитие отдельных стран, в том числе и России. В качестве примера приведем теперь уже достаточно давнее, но не потерявшее актуальности исследование

О. Бланшара и А. Шлейфера [8]. Эти авторы весьма убедительно показали, что социально-экономическая децентрализация эффективна лишь в условиях политической централизации. «Экономическая выгода от децентрализации в рамках федерализма обеспечивается в основном некой политической централизацией. Без нее, только мудрой экономической политикой и фискальными мерами трудности проведения региональной политики не могут быть преодолены» [8, р. 178].

Другим примером является статья А.В. Белова, посвященная эмпирической оценке влияния процессов централизации-децентрализации на экономический рост в России. Автор делает вывод об «одновременном существовании негативных эффектов от децентрализации и позитивных – от расширения региональных экономических затрат» [9, с. 56], что означает целесообразность продолжения политики централизации финансовых ресурсов с их последующей передачей на субфедеральный уровень. Этот вывод, по мнению А.В. Белова, требует дополнительного обсуждения, поскольку в значительной мере противоречит точке зрения большинства специалистов. Кроме того, он частично противоречит и результатам эмпирических исследований, выполненных Е.А. Коломак, которая показала крайне ограниченное положительное воздействие субфедеральной промышленной политики на экономический рост в регионах России, да и то лишь в случае прямых инвестиций в инфраструктуру и/или предоставления льгот инвесторам [10]. Л. Полищук также показал, что централизация (построение «властной вертикали») способствовала экономическому росту, поскольку снижала межрегиональные барьеры, препятствующие перетокам ресурсов и товаров. Успех процесса децентрализации будет зависеть от его согласованности с целями долгосрочного развития страны [11].

Теперь следует перейти к оценке политики в области федеративных отношений со стороны тех авторов, которые наиболее близки к интеллектуальным центрам, где в последнее время формируется реальная политика.

Накануне президентских выборов 2008 г. в России в Интернете в издании «Газета.ру» появился ряд любопытнейших публикаций, посвященных оценке результатов социально-экономической политики руководства страны, проводившейся в последние годы. Среди них в контексте нашей статьи наибольший интерес представляют работы

научного руководителя Центра стратегических исследований В.Л. Глазычева [12] и заместителя декана факультета политологии Государственного университета «Высшая школа экономики» Л.В. Полякова [13]. Первое, что бросается в глаза при чтении статьи В.Л. Глазычева, – это явный перекося в анализе системы властных отношений в сторону персоналий и кадровой политики и пренебрежение институциональными новациями. Взгляд на происходящие изменения через призму персоналий вообще очень характерен для сторонников «реальной политики» и отражает, по-видимому, господствующий во властных структурах образ мышления. Легкость, если не сказать – легковесность, данной публикации ярко иллюстрируется пассажем автора по поводу проблем Уральского федерального округа, в котором «Омская и Томская области остаются своего рода изолятами, практически не входя в кооперацию с Новосибирской областью, которая, в свою очередь, не спешила провить инициативу в этом направлении» [12].

Вместе с тем в этой публикации заложены важные мысли, первая из которых содержит в целом негативную оценку результатов региональной политики федерального центра, а вторая – констатацию нежелания или неспособности федерального центра противостоять региональным властям в их «стремлении свести местное самоуправление к минимуму – в идеале к сугубо декоративному существованию». Следует также согласиться и с заключительным тезисом В.Л. Глазычева о том, что «изменение политики пространственного развития необходимо, но все еще не обозначено федеральной властью как приоритетная задача, на которую в конечном счете крепятся все приоритетные национальные проекты, перерастающие в федеральные целевые программы», а в основе политики пространственного развития должна лежать концепция развития городских агломераций и малых городов, способных удержать работоспособное население.

Статья Л.В. Полякова «Модернизация Путина» [13] также производит неоднозначное впечатление, поскольку занимает особое место в дискуссии о путях развития федерализма. Апологетика политического курса, проводимого в последние годы (а значительная часть статьи посвящена оценке изменений в политических институтах), строится на двух основаниях: доказательстве вынужденного характера политических изменений, поскольку альтернативой были социаль-

но-экономический крах и распад страны, и утверждении об эффективности политики, поскольку ее результаты следует признать положительными. Автор пишет: «...Вместо оценки политических итогов путинского президентства по критерию “авторитаризм – демократия” гораздо научнее (продуктивнее) использовать критерий “осовременивания” политической системы России – ее модернизации. В конечном счете, решающим в оценке того, насколько политическая система страны современна, оказывается ее (системы) эффективность». Вместе с тем идеи, заложенные в статье, перекликаются с мыслями О. Бланшара и А. Шлейфера, а неоднозначное восприятие этой статьи объясняется тем, что американские авторы говорят о необходимости политической централизации в рамках полноценных политических институтов, в том числе партий, а Л.В. Поляков пишет о подобных российских институтах как об уже состоявшихся и эффективных.

Свою Интернет-статью Л.В. Поляков [13] начинает с изложения бесспорных, т.е. разделяемых всем экспертным сообществом, тезисов, среди которых он выделяет «стратегию “авторитарной модернизации”». При этом «модернизация» (т.е. некоторый прогресс) подразумевается экономическая, а «авторитаризм» (т.е. некоторый регресс) рассматривается как феномен политический. С помощью изящной подмены понятий представлена «совершенно бесплодной и даже контрпродуктивной» попытка обсуждения результатов развития страны в парадигме «авторитаризм – демократия» и предлагается якобы альтернативная парадигма решения ключевой задачи политического развития России, а именно, ее политической модернизации. На этом пути автор и доказывает разумность всего существующего, совершенно забывая о своей же собственной оценке советского политического наследия, которое он характеризует как «глубоко архаичное» и потому чреватое кризисами. Но при этом воссоздание многих элементов «архаичной системы» почему-то воспринимается им как решение задач политической модернизации, а модернизированные политические институты, на его взгляд, уже доказали свою эффективность.

Эта красивая и логичная конструкция как-то не очень хорошо согласуется с оценками, приведенными в вышеупомянутом научном докладе РАН и в последних выступлениях руководителей страны, где говорится о необходимости модернизации институтов. Становятся

совершенно непонятными критика существующей системы федеративных отношений со стороны научного сообщества, недовольство результатами политики пространственного развития страны, высказываемое не только и не столько учеными и специалистами, сколько видными представителями власти.

* * *

Подведем некоторые итоги нынешнего этапа дискуссии о выборе стратегии пространственного развития России и ключевых проблемах совершенствования федеративных отношений.

✓ Современные тенденции пространственного развития России рассматриваются как в основном негативные и даже содержащие угрозы для дальнейшего экономического роста.

✓ Для реализации иного варианта региональной политики необходимо расширение самостоятельности субъектов Федерации, т.е. некоторая децентрализация механизмов принятия решений, особенно в части развития инфраструктуры и поддержки вновь создающихся предприятий. Расширение самостоятельности регионов и муниципалитетов упирается в проблему финансирования их полномочий, прежде всего за счет собственных ресурсов, а также и, наверное, в первую очередь в проблему их политической ответственности, без которой финансовая и хозяйственная децентрализация будет вредна.

✓ Региональная политика должна быть направлена на поддержку депрессивных ареалов, границы которых не совпадают с границами субъектов Федерации, а основным направлением политики должна стать перестройка системы расселения, ориентированная на развитие малых и средних городов как противовеса быстро растущим мегаполисам.

✓ Основным звеном управления, чью самостоятельность и ответственность перед гражданами необходимо повысить, должен стать муниципальный уровень власти. Следовательно, децентрализация управления должна быть сконцентрирована на этом уровне.

✓ Начинать выделение депрессивных регионов следует с фактического возрождения муниципальной статистики, поскольку ее нынешнее качество не соответствует задачам региональной политики.

✓ Реципиентами региональных программ должны быть не столько органы государственного управления и муниципального самоуправления, сколько малый и средний бизнес и индивидуальные предприниматели, а показателем успешности политики должно быть количество вновь создаваемых предприятий.

Литература

1. **К программе** социально-экономического развития России 2008–2016: Научный доклад. – М.: Ин-т экономики РАН, 2008. – 246 с.
2. **Проект СИРЕНА**: Методы измерения и оценки региональной асимметрии / Под ред. С.А. Суспицына. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2002. – 248 с.
3. **Трейвиш А.И.** Город, район, страна и мир: Россия глазами страноведа. – М.: Новое изд-во, 2007.
4. **Нефедова Т.** Узнать Россию // Отечественные записки. – 2006. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-or.ru/?numid=32&artisle=1333> (дата обращения 2.07.2008).
5. **Трансферт** навсегда: Система межбюджетных отношений консервирует региональное неравенство // Коммерсантъ. – 2006. – 20 июня.
6. **Клисторин В.И.** Методология анализа налогово-бюджетной и региональной политики на субфедеральном уровне / Под ред. С.А. Суспицына. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2004. – 240 с.
7. **Швецов А.Н.** Традиционный централизм или новый регионализм: подходы к обеспечению территориального развития // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 7–27.
8. **Blanchard O., Shleifer A.** Federalism with and without political centralization: China versus Russia // IMF Staff Papers. – 2001. – V. 48, Spec. Is. – P. 171–179.
9. **Белов А.В.** Финансовая децентрализация и экономический рост в регионах Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 1. – С. 45–57.
10. **Коломак Е.А.** Управление конкурентной средой на субфедеральном уровне в России. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2006. – 220 с.
11. **Полищук Л.** Федерализм и экономическое развитие России // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 2. – С. 18–33.
12. **Глазычев В.Л.** Лоскутное одеяло России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gazeta.ru/politics/2008/03/24_a_2676177.shtml (дата обращения 11.06.2008).
13. **Поляков Л.В.** Модернизация Путина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gazeta.ru/politics/2008/03/18_a_2670903.shtml (дата обращения 11.06.2008).

Регион: экономика и социология, 2008, № 3, с. 46–66

РЕЙТИНГИ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ

Ю.П. Воронов

Консультационная фирма «Корпус»

Аннотация

Исследуются вопросы методического обеспечения при определении рейтингов регионов. Приводятся в качестве иллюстраций рейтинги субъектов РФ, входящих в состав Сибирского федерального округа. Обосновывается выбор методики двухступенчатого и двухкритериального определения рейтингов, а также методики «мягкого», т.е. группового, распределения мест. Главный аргумент при этом выходит за рамки методики и состоит в необходимости менее жестких оценок качества управления соответствующими субъектами Федерации.

Ключевые слова: регион, субъект Федерации, Сибирский федеральный округ, рейтинг, методика, двухкритериальная схема оценки, управление, качество

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПАРАМЕТРОВ РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ

Рейтинги субъектов Федерации в отличие от рейтингов стран и компаний имеют серьезные ограничения, связанные с существованием вертикали власти. Они могут быть использованы для оценки качества управления соответствующими регионами. При этом любое процедурное несовершенство методики определения рейтинга будет искажать общее представление о качестве управления и может потенциально наносить вред соответствующим субъектам Федерации

во взаимоотношениях с органами федеральной власти. Для того чтобы избежать таких дефектов, в настоящей статье прорабатывается идея двухкритериальной схемы определения рейтингов, которая позволила бы субъектам Федерации, имеющим невысокий рейтинг по одному критерию (или слабую динамику этого рейтинга), фиксировать свои достижения по другому критерию. Одновременно неоднозначность рейтинга дает возможность анализировать структуру достижений и недостатков в развитии соответствующего региона, что исключено при единственной рейтинговой оценке.

Рейтинги субъектов Федерации составляются для различных целей. Наиболее известны рейтинги, рассчитываемые компанией «АК&М» [1]. Их цель – оценка кредитоспособности регионов, и развитие их экономики рассматривается при таких рейтингах как основание для прогноза будущих налоговых поступлений.

Составляются рейтинги для оценки уровня развития сельского хозяйства [2] и даже для определения уровня коррумпированности [3]. Рейтинги финансовой устойчивости российских регионов ранее готовились агентством «Интерфакс» при участии инвестиционной компании «Русские фонды», но в настоящее время они не рассчитываются, что может служить косвенным свидетельством сложности составления рейтингов на уровне субъектов РФ [4].

В «Сибирском экономическом обозрении» до сих пор использовалась предельно простая методика определения рейтинга субъектов Федерации, входящих в Сибирский федеральный округ (СФО) [5]. В применяемой методике параметры рейтинга изначально полагаются независимыми, только в этом случае можно избавиться от повторного счета.

О том, что существует зависимость между параметрами рейтинговой оценки, говорит приводимая здесь матрица коэффициентов корреляции (табл. 1). Она построена по данным о состоянии экономики регионов СФО в первом полугодии 2006 г. Как видно из матрицы, все связи положительные и наиболее тесно связаны между собой три первых параметра. Результаты расчетов по данным за первое полугодие 2005 г. были обратными. В рассматриваемом случае наиболее сильные связи свойственны показателю уровня промышленного производства, в то время как ранее такое место занимали уровень налоговых отчислений и уровень реальной заработной платы. Изменения произошли в основном в развитии

Таблица 1

Матрица коэффициентов корреляции параметров рейтинговой оценки

Показатель	1	2	3	4
1. Промышленное производство, млн руб.	1,00	0,97	0,89	0,78
2. Инвестиции в основной капитал, млн руб.	0,97	1,00	0,85	0,76
3. Налоги, сборы и др. платежи в бюджетную систему РФ, млн руб.	0,89	0,85	1,00	0,88
4. Реальная среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, тыс. руб.	0,78	0,76	0,88	1,00

промышленности, которая играет все более важную роль в определении социально-экономического состояния регионов СФО.

Наглядное представление о связях между параметрами дает рис. 1, на котором толщина стрелок примерно соответствует тесноте связи между параметрами.

Взаимосвязь параметров, участвующих в рейтинге, разумеется, не полностью отражает использование формального аппарата корреляционного анализа. Коэффициент корреляции обладает многими недостатками, на которых здесь останавливаться не будем. Он нужен исключительно для предварительных выводов.

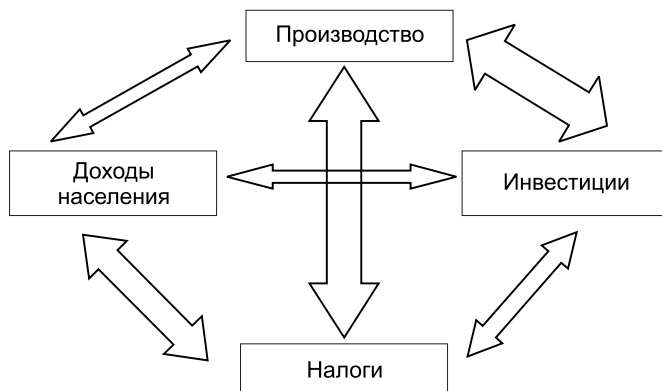

Рис. 1. Схема корреляционных связей

Построим парные корреляционные поля, для того чтобы увидеть содержательную сторону связей между параметрами рейтинга. Таких полей для четырех параметров будет шесть. Сначала рассмотрим на примере регионов Сибирского федерального округа пару показателей «денежные доходы населения – инвестиции в основной капитал» (рис. 2).

Наш анализ показал, что в СФО присутствуют две группы регионов, которые различаются в соответствии с наблюдаемой связью между реальной заработной платой населения и инвестициями в основной капитал. Первая группа включает Иркутскую, Новосибирскую, Читинскую области и Алтайский край, а также Республику Бурятию и Республику Тыву, где уровень заработной платы превышает уровень инвестиций, при том что существует эффект постепенного сглаживания различий по мере увеличения размера инвестиций и заработной платы.

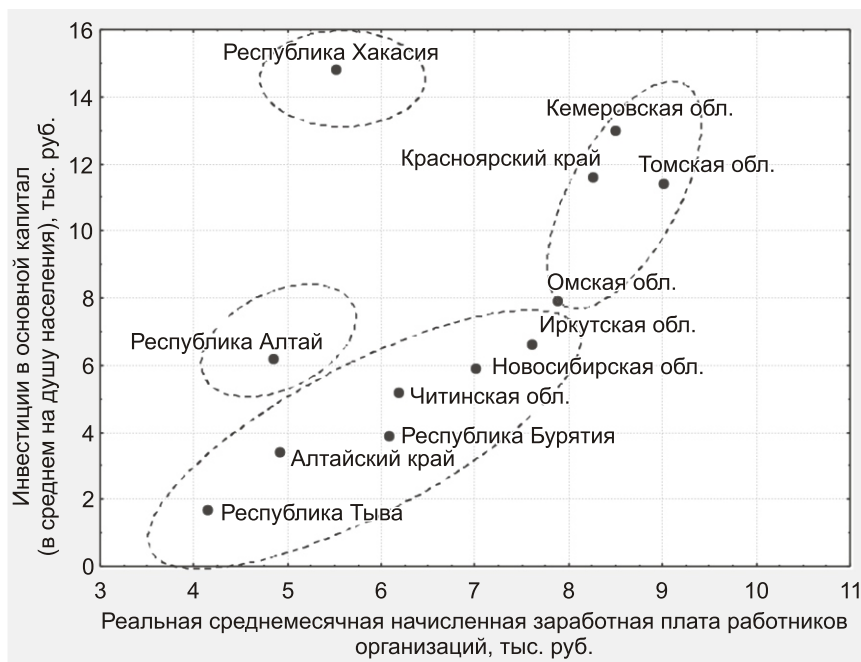

Рис. 2. Взаимосвязь доходов населения и инвестиций

Во вторую группу входят Кемеровская, Омская, Томская области и Красноярский край. Отличие этой группы состоит в имеющем место обратном по сравнению с первой группой соотношении инвестиций и заработной платы. Уровень инвестиций во второй группе превышает уровень заработной платы.

Существуют два региона, которые отличаются по описываемым соотношениям от указанных групп. В Республике Хакасии и Республике Алтай уровень заработной платы соответствует показателю первой группы, значительно уступая показателю второй, но при этом уровень инвестиций сравнительно превышает уровень заработной платы. Вероятнее всего, значительный отрыв этих республик по инвестициям в основную капитал объясняется малочисленностью их населения.

Следующая пара показателей – суммарный производственный показатель и налоги в бюджетную сферу Российской Федерации (рис. 3).

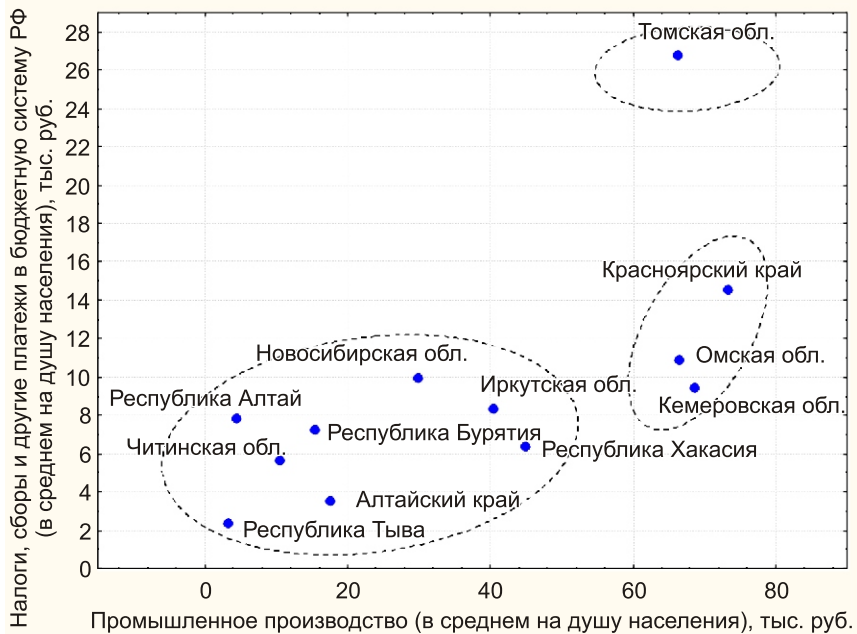

Рис. 3. Взаимосвязь производства и налогов

Характерна содержательная сторона зависимости двух признаков. Регионы СФО разделились на две группы. Первая, состоящая из трех наиболее промышленно развитых регионов (Омская, Кемеровская области и Красноярский край), подвержена максимальному для Сибири налогообложению в расчете на душу населения. Для второй группы характерна слабая прямая зависимость изменения налогов на душу населения от изменения значения производственного фактора. Таким образом, бытующая позиция относительно того, что налогообложение должно быть переориентировано с обложения компаний на взимание более высоких налогов с физических лиц применительно к Сибири, мягко говоря, не имеет смысла. И без того налоговая система более тщательно отслеживает доходы населения, нежели объемы промышленного производства.

Томская область отклоняется от общей закономерности. Причина в том, что Сибирский федеральный округ только через Томскую область связан с нефтью севера Западной Сибири, поэтому там максимально высокие не только производственные показатели в расчете на душу населения, но и налоговые поступления.

Теперь рассмотрим взаимосвязи сводного производственного показателя и инвестиций. Если опираться на значение коэффициента корреляции, то связь эта – наиболее сильная. А с содержательной стороны она выглядит так, как показано на рис. 4. Данная пара показателей представляется наиболее существенной для рейтинга регионов СФО.

Очевидное разделение основной части сибирских регионов демонстрирует разный смысл сочетания инвестиций и уровня развития производства. Есть группа, в которую вошли Кемеровская, Томская, Омская области и Красноярский край. В них высокий уровень производственного показателя сочетается с высокими инвестициями в основной капитал. При этом при переходе от одного субъекта к другому по увеличению производственного потенциала наблюдается существенно большее увеличение инвестиций. Как говорится, деньги к деньгам. Этот принцип касается и второй группы, состоящей из семи субъектов. Только в ней темпы прироста инвестиций при увеличении производственного потенциала ниже. В этом плане линейный рейтинг выглядит излишне стандартным инструментом анализа ситуации, явно

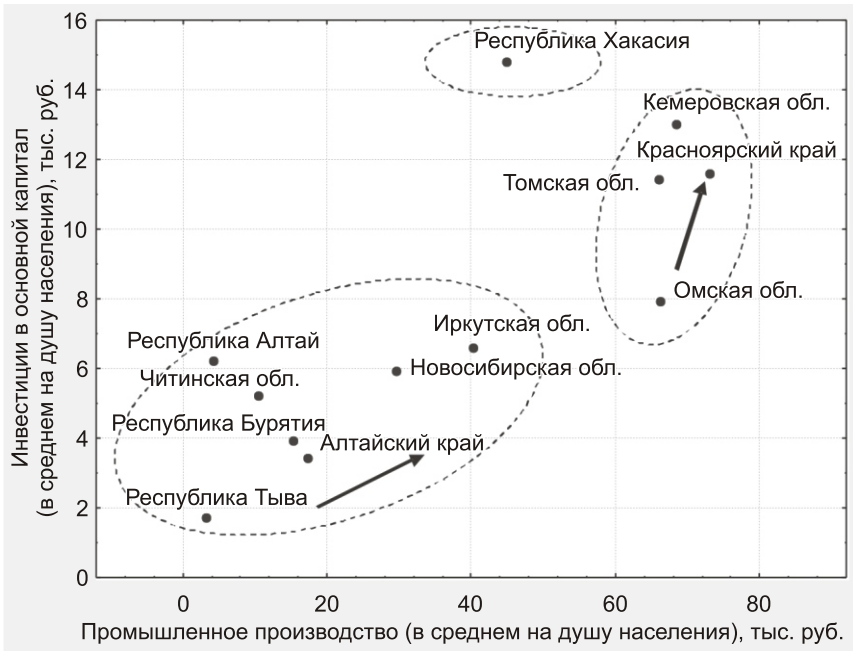

Рис. 4. Взаимосвязь производства и инвестиций

недостаточным для принятия стратегических решений. Более важным, по нашему мнению, может быть сопоставление причин различий в связях производства и инвестиций у «семерки» и «четверки».

Новые девиантные пары появляются на графике «инвестиции – налоги» (рис. 5). Первая представлена Томской областью и Красноярским краем. В этой паре уровень налоговых отчислений сравнительно превышает уровень привлеченных инвестиций. Причем если уровень инвестиций в целом близок у двух субъектов, то уровень налоговых отчислений Томской области почти в 2 раза превосходит аналогичный показатель Красноярского края.

Вторая пара состоит из Кемеровской области и Республики Хакасии. При наиболее высоком среди прочих субъектов Федерации уровне привлекаемых инвестиций эти регионы характеризуются средним уровнем выплачиваемых налогов.

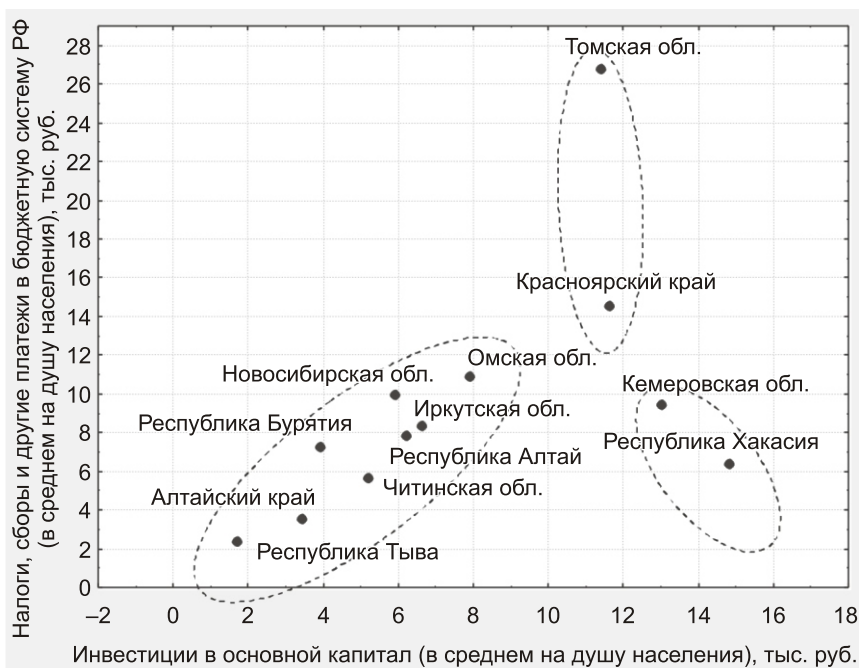

Рис. 5. Взаимосвязь инвестиций и налогов

У остальных регионов СФО по факту наблюдается превышение налоговых выплат над привлеченными инвестициями. При этом в рамках такого соотношения налогов и инвестиций фиксируется практически линейная связь. Что касается наклона корреляционного овала, то он немного больший, чем полученный при исследовании статистической связи между производственным фактором и налогами. То есть инвестиционная деятельность в Сибири более перспективна в отношении налоговых поступлений в бюджетную систему России, чем производственная.

Разумеется, этот вывод сделан по ограниченной статистической совокупности – данным за первое полугодие 2006 г. Поэтому он может трактоваться скорее как научная гипотеза, чем как окончательный вывод, пригодный для стратегических управленческих решений. Вместе с тем высказанная мысль вполне пригодна для начала специальных исследований относительно роли инвестиций для поступлений в бюджет

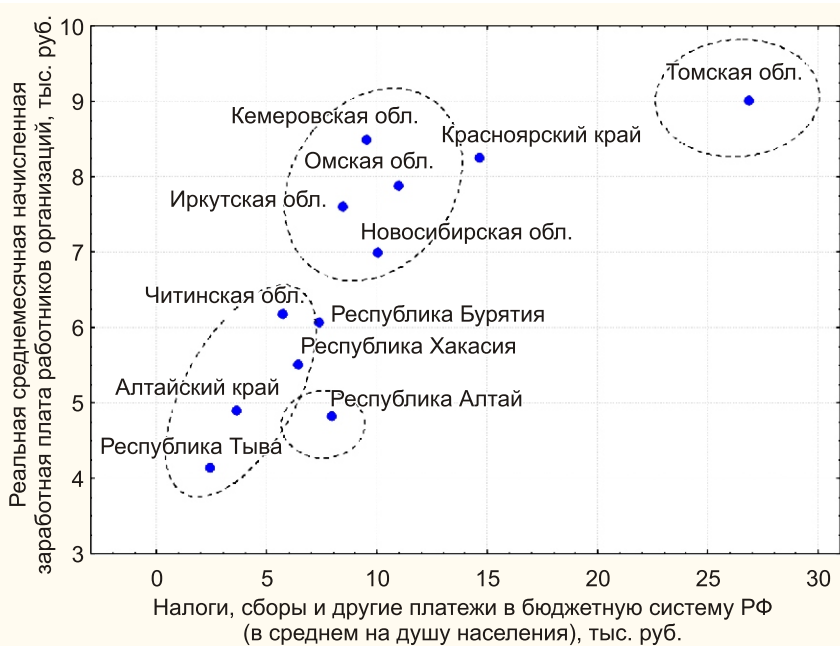

Рис. 6. Взаимосвязь налогов и доходов населения

и относительно целесообразности таких поступлений. Положительная связь между налогами и инвестициями говорит о том, что в Сибири (по факту, по крайней мере, на медиауровне) отсутствуют инвестиционные льготы. Если бы таковые существовали, то инвестиции хотя бы были нейтральным фактором воздействия на налоговые поступления.

Тесная связь отмечается между денежными доходами населения и налоговыми поступлениями. Лидерами по данной паре признаков оказываются Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская и Омская области (рис. 6).

Уровень производства и реальная заработная плата являются сравнительно менее связанными. Как ни удивительно, на денежные доходы населения производство оказывает меньшее влияние, чем инвестиции в основной капитал (рис. 7). Такой вывод можно сделать,

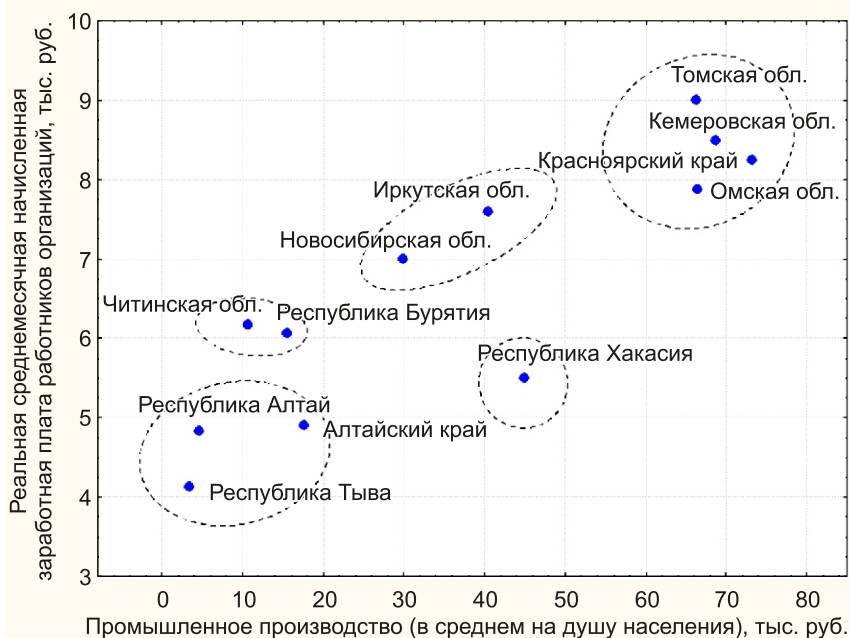

Рис. 7. Взаимосвязь производства и доходов населения

если рассматривать всю совокупность субъектов Федерации. Но, как видно на рис. 7, сибирские регионы делятся на четыре группы. Известная нам с пары «инвестиции – производство» лидирующая четверка (Кемеровская, Томская, Омская области и Красноярский край) сменила лидеров внутри себя. На первое место вышли сырьевые энергетические субъекты – Томская и Кемеровская области. Полусырьевая ориентация Красноярского края вывела его на третье место в лидирующей группе. Новосибирская область вместе с Иркутской составляет пару регионов со сбалансированным соотношением уровня производства и заработной платы, хотя по этим показателям они значительно уступают группе ведущих регионов. Читинская область и Республика Бурятия образуют группу, в которой наблюдается сравнительно высокий уровень реальной заработной платы, но при этом уровень про-

мышленного производства низкий. Группа слаборазвитых регионов представлена Республикой Алтай, Республикой Тывой и Алтайским краем. Здесь низкий уровень реальной заработной платы сочетается с низким уровнем производства.

Девиантом является Республика Хакасия (см. рис. 7), в которой сравнительно высокий уровень производства (превышает уровень Иркутской и Новосибирской областей), но уровень реальной заработной платы сравнительно низкий (меньше уровня Республики Бурятия).

В заключение можно сказать, что однородность совокупности субъектов Федерации, входящих в Сибирский федеральный округ, нарушают три субъекта: Томская область, Республика Хакасия и Республика Алтай. Причины неоднородности – это томская нефть, наличие в республиках единичных крупных предприятий, которые ощутимо влияют на общий уровень промышленного производства на окружающей их территории, но сравнительно слабо воздействуют на общий уровень реальной заработной платы в регионах, где располагаются. Причины различий между тремя субъектами, отклоняющимися от общих для Сибири закономерностей, относятся скорее к текущему состоянию экономики. Полезно, на наш взгляд, посмотреть, что объединяет эти три субъекта. Высокий уровень производства в расчете на душу населения объединяет Томскую область с Республикой Хакасией, в то время как Республику Хакасию с Республикой Алтай объединяет невысокий уровень реальной заработной платы.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПОСТРОЕНИЮ НОВЫХ РЕЙТИНГОВ

После анализа парных связей можно перейти к предложениям по совершенствованию методики определения рейтинга субъектов Федерации. Предложения сводятся к двум вариантам. Первый условно можно назвать жестким. В нем устраняется прием используемой методики, когда несколько регионов делят между собой группу соседних мест. Жесткий вариант обеспечивает точное распределение мест, при котором каждому субъекту соответствует свое место. Вторым вариантом – мягкий – состоит в том, что все регионы СФО делятся на ранговые группы. Далее будет обосновано, что таких групп должно быть четыре.

Мы предполагаем, что большинство читателей знакомы с основами факторного анализа. Но вкратце поясним, что в факторном анализе разработаны методы построения несуществующих, расчетных переменных с помощью комбинации переменных, реально существующих. Наиболее простое решение – новая расчетная переменная (называемая фактором) является линейной комбинацией существующих (измеренных) переменных. Вокруг этой идеи концентрируется разработка почти всех методов факторного анализа.

На базе коэффициентов корреляции, показывающих положительную связь между всеми параметрами рейтинга, рассчитываются факторные нагрузки. Они имеют тот же смысл, что и коэффициенты корреляции, и показывают тесноту связи между фактически существующим параметром и некоторой сводной переменной, называемой фактором (табл. 2). Чем ближе фактическая переменная к расчетной (к фактору), тем ближе значение факторной нагрузки к единице.

Наиболее важным в табл. 2 является последнее число, которое показывает, что на новую расчетную переменную приходится почти 82% разброса значений четырех параметров по регионам Сибирского федерального округа. Иначе говоря, вся колеблемость по четырем признакам на 62% стала одномерной.

Приводимые в табл. 3 факторные коэффициенты (веса параметров) показывают, какую роль играет каждый показатель рейтинга в общем факторе. Видно, что половина значения фактора определяет

Таблица 2

Факторные нагрузки

Фактор	Факторная нагрузка
Добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,946
Инвестиции в основной капитал	0,847
Налоги, сборы и др. платежи в бюджетную систему РФ	0,895
Денежные доходы населения	0,924
Доля объясненной дисперсии в общей	0,817

Таблица 3

Факторные коэффициенты (веса параметров)

Фактор	Коэффициент
Добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,289
Инвестиции в основной капитал	0,259
Налоги, сборы и др. платежи в бюджетную систему РФ	0,274
Денежные доходы населения	0,283

ся денежными доходами населения. В наименьшей степени участвуют в построении нового фактора производственный и инвестиционный показатели (по 15–16%). Хорошо это или плохо? Все зависит от того, на какую цель ориентирована процедура рейтинга. Если рейтинг нужен для определения инвестиционной привлекательности, то это не очень хорошо. Но если трактовать предложенный набор показателей как индекс социально-экономического развития, то денежные доходы населения вполне справедливо занимают центральное место.

В таблице 4 приводятся значения факторных баллов – величин, отражающих положение соответствующего субъекта на новой расчетной переменной, которую можно назвать фактором социально-экономического развития.

Ранги регионов Сибирского федерального округа, определенные по мягкому варианту предлагаемой методики, представлены в табл. 5. Новый, «мягкий», рейтинг в принципе не противоречит определенному по принятой ранее методике, поскольку порядок остался прежним. Причина сохранения рейтинга заключается отчасти в том, что от факторного анализа, на котором основывается жесткий вариант, мы вернулись к простому суммированию баллов. Если уж выдерживать последовательно эту линию, то нужно было бы построить новую комбинарованную переменную теперь уже из трех параметров, исключив производственный показатель, и его, а не сумму баллов использовать на оси абсцисс. Но более принципиальным, по нашим представлениям, оказывается другое направление: из корреляционного и факторного

Таблица 4

Факторные баллы социально-экономического развития

Регион	Факторный балл	Ранг по принятой методике	Ранг по предлагаемой методике (жесткий вариант)
Красноярский край	1,310	I–III	I
Томская обл.	1,230	I–IV	II
Кемеровская обл.	1,152	II–V	III
Омская обл.	0,851	III–V	IV
Иркутская обл.	0,232	V–VI	V
Республика Хакасия	0,129	I–IX	VI
Новосибирская обл.	0,081	IV–VIII	VII
Республика Бурятия	–0,684	VIII–X	VIII
Читинская обл.	–0,766	VII–X	IX
Республика Алтай	–0,788	VII–XI	X
Алтайский край	–1,060	VIII–XI	XI
Республика Тыва	–1,686	XII	XII

Таблица 5

Ранги по используемой методике и предлагаемой методике (мягкий вариант)

Регион	Ранг по принятой методике	Ранг по предлагаемой методике (мягкий вариант)
Красноярский край	I–III	I–IV
Томская обл.	I–IV	I–IV
Кемеровская обл.	II–V	I–IV
Омская обл.	III–V	I–IV
Иркутская обл.	V–VI	V–VII
Республика Хакасия	I–IX	V–VII
Новосибирская обл.	IV–VIII	V–VII
Республика Бурятия	VIII–X	VIII–XI
Читинская обл.	VII–X	VIII–XI
Республика Алтай	VII–XI	VIII–XI
Алтайский край	VIII–XI	VIII–XI
Республика Тыва	XII	XII

анализа следует, что сформированный производственный показатель больше, чем другие, является независимым. Поэтому его можно использовать как второй критерий ранжирования. Дело в том, что новый вариант «мягкого» ранжирования позволяет ввести второй уровень ранжирования – по производственному показателю. Это означает, что мы ранжируем субъекты по уровню производства отдельно внутри каждой из четырех групп. В результате получается двойное упорядочение, отраженное в табл. 6.

Перемещение субъектов Федерации по первому и второму рангам может рассматриваться как основа для постановки реальных задач развития отдельных регионов. Новосибирская область находится во второй группе по общему уровню социально-экономического развития, при этом по уровню промышленного производства она занимает последнее место в своей группе. Индикатором положительного развития промышленного производства в Новосибирской области будет ее перемещение на второе, первое место в пределах своей группы,

Таблица 6

Двойные ранги по предлагаемой методике «мягкого» ранжирования

Регион	Первый ранг	Второй ранг
Красноярский край	I–IV	A
Томская обл.	I–IV	D
Кемеровская обл.	I–IV	B
Омская обл.	I–IV	C
Иркутская обл.	V–VII	B
Республика Хакасия	V–VII	A
Новосибирская обл.	V–VII	C
Республика Бурятия	VIII–XI	B
Читинская обл.	VIII–XI	C
Республика Алтай	VIII–XI	A
Алтайский край	VIII–XI	D
Республика Тыва	XII	A

а в перспективе – переход в группу наиболее промышленно развитых регионов СФО. Для осуществления такого перехода необходимо иметь уровень производства, соответствующий уровням субъектов, занимающих более высокие места. Эти числовые оценки и станут осязаемыми показателями-ориентирами. Но нужно заметить, что это показатели за 2006 г. и они изменились, поскольку регионы развивались дальше, не стояли на одном месте. Более того, как выяснилось, двойные рейтинги, предложенные выше, оказываются неактуальными при использовании рейтингов по данным за год. Это означает, что с помощью предлагаемых рейтингов возможно оценить влияние годовых циклов производства на развитие регионов СФО.

Методические вопросы определения рейтингов существенно упрощаются при анализе годовых данных. Мы будем опираться на данные 2007 г. (табл. 7).

Таблица 7

Показатели развития регионов Сибирского федерального округа в 2007 г., тыс. руб. в расчете на душу населения

Регион	Промышленная деятельность	Инвестиции	Налоги	Доходы
Республика Алтай	10,4	27,8	18,9	6,9
Республика Бурятия	40,1	21,5	16,5	8,8
Республика Тыва	9,6	6,8	6,1	6,0
Республика Хакасия	104,8	31,0	14,8	8,1
Алтайский край	52,7	17,0	10,8	7,4
Красноярский край	213,9	40,8	50,8	11,4
Иркутская обл.	106,7	48,8	24,7	10,2
Кемеровская обл.	175,3	38,1	28,8	11,6
Новосибирская обл.	73,1	32,3	29,3	10,4
Омская обл.	71,1	32,4	30,4	11,1
Томская обл.	151,6	61,9	55,8	11,8
Читинская обл.	24,9	30,4	14,0	8,4

В рамках общей концепции двухкритериального ранжирования четыре показателя делятся на две пары. Составляющие одну из них – объемы промышленной деятельности и инвестиции относятся к затратным показателям, составляющие вторую – доходы и налоги в расчете на душу населения относятся к показателям результатов. При таком подходе существует еще одна сложность идейного толка. Выработка на душу населения рассматривается традиционно как результат, и в частности как результат деятельности органов управления. Но для современного этапа развития российской экономики было бы корректнее рассматривать выработку как ресурс, который следует обращать на прирост доходов населения и поступлений в бюджет.

По первым двум параметрам – доходам и налогам в расчете на душу населения (рис. 8) несомненными лидерами являются Красно-

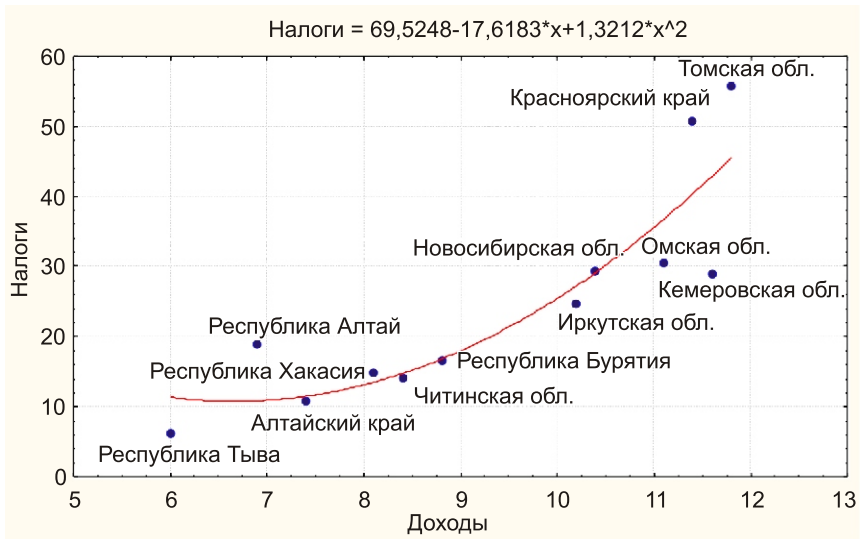

Рис. 8. Распределение сибирских субъектов Федерации по показателям доходов и налогов в расчете на душу населения за 2007 г.

ярский край, Томская и Кемеровская области. При этом лидером по инвестициям в данной тройке оказалась Томская область (рис. 9), в которой не отмечается крупных инвестиционных проектов. Это примечательный факт, по поводу которого хорошо бы обдумать вообще роль крупных инвестиционных проектов в развитии Сибири. В то же время Иркутская область, в которой концентрируется основная часть крупных инвестиций, в 2007 г. только догоняла тройку лидеров по промышленной деятельности и отставала от Томской области (лидера) по инвестициям.

В принципе, «скрытый» характер развития сибирской экономики можно считать положительным явлением. Отрицательное отношение

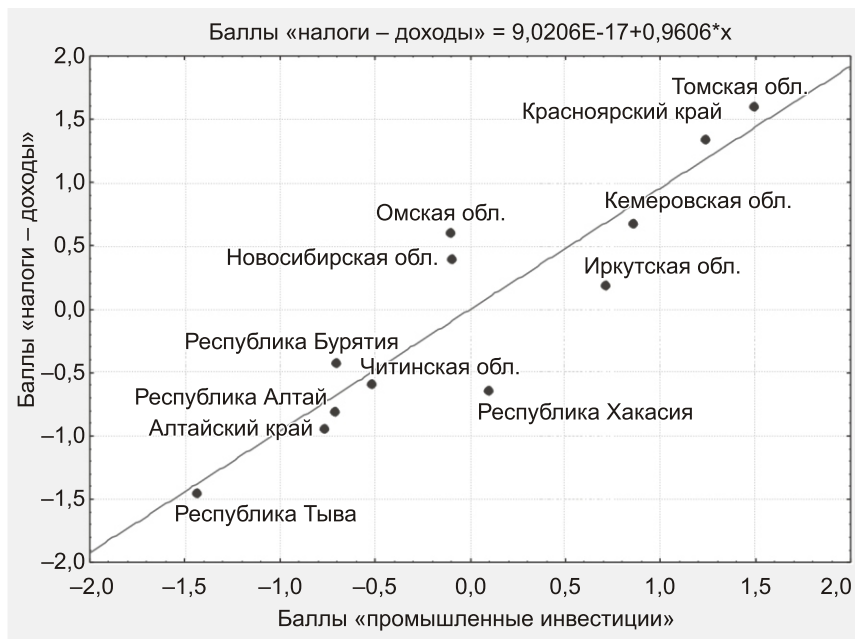

Рис. 9. Распределение сибирских субъектов Федерации по баллам двух факторов – «инвестиции – выработка» и «налоги – доходы» в расчете на душу населения за 2007 г.

к такой форме экономического развития возможно лишь в контексте методов изучения экономической динамики Сибири, если пытаться уловить эту динамику только по крупным проектам.

Нелинейный характер связи между доходами и налогами (см. рис. 8) усложняет применение методов факторного анализа и приводит к необходимости использования слабо разработанного метода факторных многообразий [6]. Но в данном случае вследствие незначительной кривизны линии регрессии мы ограничились использованием обычного факторного анализа, не обращаясь к методу главных многообразий, который является развитием метода главных компонент. Факторные баллы по двум факторам приведены в табл. 8.

Получив два сводных параметра, мы имеем общую картину состояния дел в СФО за 2007 г. (см. рис. 9). Отклонения от линии регрессии

Таблица 8

Факторные баллы по двум факторам рейтинговой оценки

Регион	Баллы «выработка – инвестиции»	Баллы «налоги – доходы»
Республика Алтай	–0,72	–0,81
Республика Бурятия	–0,71	–0,41
Республика Тыва	–1,44	–1,45
Республика Хакасия	0,09	–0,64
Алтайский край	–0,77	–0,95
Красноярский край	1,23	1,35
Иркутская обл.	0,71	0,20
Кемеровская обл.	0,86	0,68
Новосибирская обл.	–0,10	0,40
Омская обл.	–0,11	0,61
Томская обл.	1,49	1,61
Читинская обл.	–0,52	–0,59

вверх могут трактоваться как более эффективное использование ресурсов, отклонения вниз – как более интенсивное привлечение ресурсов. Одновременно в первом случае можно говорить о недостаточном привлечении ресурсов, во втором – о недостаточной эффективности их использования. Следовательно, отклонения в обе стороны от линии регрессии в принципе могут иметь нормативную оценку только в результате привлечения дополнительных критериев.

Таким образом, рейтинги субъектов Федерации, определяемые прямым и двухступенчатым способами (табл. 9), имеют небольшие различия. Из этого следует, что при минимизации усилий разумно вы-

Таблица 9

Сопоставление факторных баллов при одновременном и двухступенчатом факторном анализе

Прямой факторный анализ	Балл	Шаг		Двухступенчатый факторный анализ	Балл	Шаг
Республика Тыва	–1,52			Республика Тыва	–1,55	
Алтайский край	–0,96	0,56		Алтайский край	–0,92	0,63
Республика Алтай	–0,81	0,15	↗	Республика Алтай	–0,82	0,10
Читинская обл.	–0,61	0,20	↘	Республика Бурятия	–0,61	0,21
Республика Бурятия	–0,52	0,09		Читинская обл.	–0,60	0,01
Республика Хакасия	–0,49	0,03		Республика Хакасия	–0,29	0,31
Новосибирская обл.	0,29	0,77	↗	Новосибирская обл.	0,15	0,44
Иркутская обл.	0,35	0,06	↘	Омская обл.	0,26	0,10
Омская обл.	0,44	0,09		Иркутская обл.	0,50	0,24
Кемеровская обл.	0,74	0,30		Кемеровская обл.	0,83	0,33
Красноярский край	1,39	0,65		Красноярский край	1,38	0,56
Томская обл.	1,69	0,30		Томская обл.	1,66	0,28

брать прямой факторный анализ. Но применительно к определению рейтингов субъектов Федерации минимизация усилий является второстепенным критерием. Вследствие же объективной необходимости не просто определять рейтинг, но и указывать на специфику условий, определяющих этот рейтинг, выбор надо остановить на двухступенчатом факторном анализе.

* * *

Разработка методики определения рейтингов субъектов Федерации представляет собой задачу, в которой недопустимы упрощения. Результаты обычного факторного анализа практически сохраняются, если использовать двухступенчатый факторный анализ по семантически сгруппированным группам признаков. Двухступенчатый факторный анализ и «мягкое» ранжирование позволяют получить рейтинги, ориентирующие органы власти соответствующих субъектов Федерации, в каком направлении они должны активизировать свою деятельность.

Литература

1. **Рейтинг** относительной кредитоспособности субъектов РФ / Рейтинговый центр АО «АК&М». – М., 2002. – 38 с.
2. <http://www.agroline.ru/docs/analitika/reiting> (дата обращения 15.06.2008).
3. <http://www.newsru.com/russia/01nov2004/corruption.html> (дата обращения 5.06.2008).
4. **Рейтинг** финансовой устойчивости регионов России. – М., 2002. – 12 с.
5. **Сибирское** экономическое обозрение. – 2007. – Вып. 10–11. – С. 28–34.
6. **Principal** manifolds for data visualisation and dimension reduction. LNCSE 58 / Ed. by A. Gorban, B. Kegl, D. Wunsch, A. Zinovyev. – Berlin; Heidelberg; New York: Springer, 2007. – 340 p.

© Воронов Ю.П., 2008

ЧИСТЫЕ СБЕРЕЖЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

М.С. Алексейчук

Самарский государственный экономический университет

Аннотация

Исследуются возможности адаптации широко используемого в западной научной литературе индикатора устойчивого развития – индекса истинных сбережений для оценки устойчивости развития региона. На примере Самарской области сделана попытка измерить реальную скорость накопления национальных сбережений после соответствующего учета инвестиций в человека, истощения физического капитала, природных ресурсов и ущерба от загрязнения окружающей среды.

Ключевые слова: регион, индикаторы устойчивого развития, истинные сбережения, ВРП, валовое накопление основного капитала, амортизационные отчисления

Сегодня актуальным остается вопрос об измерении качества социально-экономического развития страны и региона. Традиционные макропоказатели не отражают реальный экономический рост, а за их увеличением может скрываться экологическая деградация. Включение экологического фактора в систему оценок корректирует сложившиеся представления об уровне социально-экономического развития страны и регионов, а также о тех возможностях, которыми они располагают для обеспечения своей устойчивости. Зарубежных и отечественных разработок в этой области довольно много. Однако из-за методологических и статистических сложностей расчета пока еще нет общепризнанного интегрального индикатора устойчивого развития.

В качестве такого агрегированного показателя для региона предлагается адаптировать индикатор истинных, или чистых, сбережений.

Чистые сбережения показывают меру того, как сегодняшняя природная рента и изменения в человеческом капитале соотносятся с чистыми сбережениями, т.е. какое наследство будет оставлено потомкам. Например, по расчетам Всемирного банка, в 2003 г. в России чистые сбережения составили 10,7% ВВП. Другими словами, страна в целом не только ничего не сберегла, но даже потеряла свои богатства. Аналогичный показатель у Казахстана равен 22,1%, у Грузии – 1,0, у Украины – 0,6%. В США этот показатель составляет 4,7%, в Европе, Индии и Бразилии – около 10,0, а в Китае – 34,5% [1]. Достоинствами показателя «чистые сбережения» являются, во-первых, наличие единой методологии расчета для мира в целом и отдельных стран, разработанной Всемирным банком; во-вторых, то, что он базируется на официальной статистике; в-третьих, регулярное ежегодное обновление и публикация в докладах Всемирного банка.

Впервые этот показатель был предложен Д. Пирсом и Дж. Аткинсоном [2, 3]. Одной из первых обобщающих теоретических публикаций со стоимостными оценками различных видов капитала и с выходом на эколого-экономические индикаторы явилась монография коллектива авторов (Д. Диксон, Ж. Бэкес, К. Гамильтон и др.) «Расширяя измерение богатства. Индикаторы экологически устойчивого развития» [4]. Дальнейшее развитие этот агрегированный индикатор получил в работе К. Гамильтона с соавторами [5].

Фактически показатель чистых сбережений отражает попытку рассчитать так называемую слабую устойчивость, при которой главным критерием устойчивости выступают сохранение и увеличение во времени агрегированного капитала, объединяющего три вида капитала: человеческий, физический (основные фонды) и природный.

В формализованном виде расчет величины чистых сбережений GS можно представить формулами (1) и (2). На первом этапе определяется величина чистых внутренних сбережений NDS как разница между валовыми внутренними сбережениями GDS и величиной обесценивания произведенных активов CFC ; на втором этапе GS увеличиваются на величину расходов на образование EDE и уменьшаются на величину

ну истощения природных ресурсов $DPNR$ и ущерба от загрязнения окружающей среды DME :

$$NDS = GDS - CFC; \quad (1)$$

$$GS = NDS + EDE - DPNR - DMGE. \quad (2)$$

Для каждого вида невозобновимых ресурсов во всех странах рента рассчитывается как

$$R = (P - C)Q, \quad (3)$$

где R – рента; P – цена на мировом рынке; C – средняя себестоимость (стоимость изъятия сырого материала и транспортировки в город или порт плюс нормальная прибыль); Q – объем производства. Все входящие в расчет величины берутся в процентах от валового внутреннего или валового национального дохода.

Существующая статистическая база пока не позволяет с достаточной степенью достоверности и точности определять показатель истинных внутренних сбережений для России. Это относится к таким его отдельным составляющим, как потребление основного капитала (а следовательно, и чистые внутренние сбережения), а также истощение энергетических, минеральных и лесных ресурсов. Тем не менее данный показатель представляется перспективным и, на наш взгляд, может быть использован в системе индикаторов устойчивого развития страны и отдельных субъектов Федерации.

Рассмотрим возможности адаптации индекса чистых (истинных) сбережений для Самарской области. Она относится к российским регионам, интенсивно потребляющим собственные природные богатства, прежде всего запасы энергетических ресурсов.

При оценке чистых сбережений первый шаг состоит в определении валового накопления. Самарская область демонстрирует черты развитой экономики (табл. 1), но регион характеризуется низкой нормой накопления (в среднем 18% ВРП).

Для определения чистых сбережений объем валового накопления основного капитала уменьшается на величину амортизационных отчислений. Таким образом, стабильный рост величины валового накопления и снижение доли амортизационных отчислений в ВРП реги-

Таблица 1

Расчет чистых сбережений Самарской области в 2000–2007 гг.

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Валовой региональный продукт, млрд руб.	155,7	202,8	232,6	274,9	349,0	402,3	490,2	564,1
Валовое накопление основного капитала, млрд руб.	23,1	34,8	42,2	50,2	63,5	70,5	91,3	118,7
Амортизационные отчисления, млрд руб.	10,4	12,7	21,9	21,8	21,7	27,3	28,8	32,0
Чистые сбережения, % ВРП	8,16	10,91	8,74	10,31	11,98	10,74	12,76	15,37

она в рассматриваемый период предопределили увеличение показателя чистых сбережений более чем на 7 п.п.

Для дальнейшей коррекции чистые сбережения необходимо уменьшить на годовое истощение природных ресурсов. Истощение природных ресурсов определяется по ренте за их использование. В Самарской области основной вклад в экономику региона вносит добыча энергетических ресурсов: нефти и газа. В связи с этим ренту предлагается рассчитывать по объемам добычи основных энергоресурсов, их среднемировой стоимости, за вычетом производственных затрат на добычу и транспортировку (включая нормальную прибыль). Сделаем предположение, что затраты составляют половину цены добычи энергоресурсов. Такое допущение часто используется экспертами Всемирного банка и ОЭСР в расчетах, где применяются рентные оценки.

В таблице 2 оценены через показатели ренты на добычу размеры истощения запасов основных природных ресурсов Самарской области. Средняя экспортная цена за 2000–2007 гг. выросла более чем в 2 раза, стоимость добытой в Самарской области нефти (по экспортной цене при пересчете по официальному курсу доллара США) увеличилась почти на 70 млрд руб. На основе сделанных выше предположений о методике оценки ренты и выполненных нами расчетов можно заключить, что нефтяная рента в рассматриваемый период составляла в среднем 11,6% ВРП. Аналогичная тенденция прослеживается в расчетах показателя

Таблица 2

Расчет истощения запасов нефти, газа и лесных ресурсов Самарской области в 2000–2007 гг., доля ренты в ВРП

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Нефтяная рента	12,82	10,92	12,03	12,08	12,02	12,71	10,8	9,67
Рента от добычи природного газа	0,20	0,23	0,20	0,20	0,16	0,16	0,12	0,11
Лесная рента	0,02	0,01	0,02	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01

теля истощения запасов природного газа региона. Несмотря на рост ренты от добычи газа в стоимостном выражении на 318 млн руб., ее доля в ВРП сократилась с 0,2 до 0,11%. По соответствующей методике осуществлялся расчет лесной ренты, величина которой сократилась в 2 раза.

Вторым компонентом в коррекции чистых сбережений является показатель ущерба от загрязнения окружающей среды. В целом по стране имеются только агрегированные оценки ущерба для здоровья. Нижняя оценка заболеваемости населения в результате загрязнения воды и воздуха оценивается в пределах 3 и 6% соответственно, максимальная – в пределах 20 и 10% [6]. В связи с этим в настоящей работе использованы результаты расчетов и удельные оценки ущербов для региона, полученные для условий Кемеровской области. Согласно данным исследования, выполненного для Кемеровской области, потери ВРП составляют в среднем за год от 4256 до 6085 руб. за тонну выбросов в атмосферу и от 3048 до 20341 руб. за кубический метр загрязненных стоков [7]. Эти данные используются при определении потерь ВРП от экологически обусловленной заболеваемости (табл. 3).

Расчеты показали, что потери ВРП Самарской области от заболеваемости населения из-за загрязнения воздуха в течение семи лет колебались от 1,28 до 0,24% ВРП, от заболеваемости из-за загрязнения воды – от 8,42 до 0,25% ВРП. По итогам 2007 г. ущерб здоровью населения от загрязнения воздушного бассейна составил 0,24–0,35% ВРП,

Расчет ущерба здоровью населения от загрязнения воздушного

Показатель	2000	2001	2002	2003
Выбросы в атмосферу, тыс. т	327	313	312	322
Ущерб здоровью от загрязнения воздуха, % ВРП	0,89–1,28	0,66–0,94	0,57–0,82	0,50–0,71
Сброс загрязненных сточных вод, млн куб. м	645	536	500	489
Ущерб здоровью от загрязнения воды, % ВРП	1,26–8,42	0,81–5,38	0,66–4,37	0,54–3,62

что почти в 4 раза меньше аналогичного показателя 2000 г. Ущерб здоровью населения от загрязнения водного бассейна за тот же период сократился более чем в 5 раз и составил 0,25–1,66% ВРП. Это один из результатов проводимой грамотной региональной политики в области экологии.

Расчет истинных сбережений Самарской

Показатель	2000	2001	2002	2003
Валовое накопление основного капитала	14,85	17,18	18,16	18,26
Чистые сбережения	8,16	10,91	8,74	10,31
Истощение энергоресурсов	13,04	11,16	12,24	12,29
Ущерб здоровью от загрязнения воздуха и воды	2,16–9,70	1,46–6,32	1,23–5,19	1,04–4,33
Расходы областного бюджета на образование	2,02	1,98	2,67	2,55
Истинные сбережения:				
при оптимистических оценках ущерба здоровью населения	–5,01	0,26	–2,06	–0,47
при пессимистических оценках ущерба здоровью населения	–12,55	–4,60	–6,02	–3,76

Таблица 3

и водного бассейнов Самарской области в 2000–2007 гг.

Показатель	2004	2005	2006	2007
Выбросы в атмосферу, тыс. т	354	321	336	321
Ущерб здоровью от загрязнения воздуха, % ВРП	0,43–0,62	0,34–0,49	0,29–0,42	0,24–0,35
Сброс загрязненных сточных вод, млн куб. м	482	465	465	460
Ущерб здоровью от загрязнения воды, % ВРП	0,42–2,81	0,35–2,35	0,30–1,93	0,25–1,66

На заключительном этапе расчета показателя истинных сбережений чистые сбережения увеличиваются на величину государственных расходов на образование. Расходы бюджета Самарской области на образование в период 2000–2007 гг. возросли с 2,02 до 3,49% ВРП, что положительно отразилось на показателе истинных сбережений (табл. 4).

Таблица 4

области в 2000–2007 гг., % ВРП

Показатель	2004	2005	2006	2007
Валовое накопление основного капитала	18,21	17,52	18,63	21,05
Чистые сбережения	11,98	10,74	12,76	15,37
Истощение энергоресурсов	12,19	12,89	10,93	9,79
Ущерб здоровью от загрязнения воздуха и воды	0,85–3,43	0,69–2,84	0,58–2,35	0,49–2,00
Расходы областного бюджета на образование	2,58	2,90	3,16	3,49
Истинные сбережения:				
при оптимистических оценках ущерба здоровью населения	1,52	0,06	4,41	8,57
при пессимистических оценках ущерба здоровью населения	–1,06	–2,09	2,64	7,06

Таким образом, оценка истинных сбережений показывает значительное расхождение между традиционными экономическими и экологически скорректированными индикаторами. Так, если валовое накопление Самарской области за период 2000–2007 гг. составляло 14,85–21,05% ВРП, то чистые сбережения – 8,16–15,37% ВРП. В течение 2000–2005 гг. индекс истинных сбережений носил отрицательный характер. При этом истинные сбережения колебались в пределах от –5,01 до –0,06% ВРП при оптимистических оценках ущерба здоровью населения, а при больших значениях ущерба здоровью населения – от –12,55 до –2,09% ВРП. Отрицательные значения истинных сбережений в этот период свидетельствуют о формировании «антиустойчивого» типа развития, что в конечном счете приводит к ухудшению благосостояния населения региона.

Тем не менее сравнение индекса истинных сбережений Самарской области и России оказывается в пользу региона. Даже при максимальных оценках ущерба здоровью населения, когда показатель для Самарской области характеризовался отрицательными значениями, его уровень был больше российского. Российский же показатель был отрицательным все последние годы.

Отметим, что начиная с 2006 г. истинные сбережения Самарской области носят исключительно положительный характер. В 2007 г. их уровень составил 7,06% ВРП при пессимистических оценках ущерба, 8,57% ВРП – при оптимистических. Анализ показал, что в последние годы области удастся компенсировать истощение энергоресурсов за счет роста чистых сбережений и расходов на образование, а также активного внедрения ресурсосберегающих технологий.

Важным в данном контексте является вопрос о перспективах устойчивого развития региона. В связи с этим нами построен прогноз показателя истинных сбережений на период до 2020 г. в двух сценариях: пессимистическом и оптимистическом. Оба сценария развития обеспечивают стабильный рост показателя истинных сбережений. Тем не менее первый сценарий (пессимистический) предполагает более низкие темпы роста ВРП Самарской области, более низкую норму валового накопления и более высокую величину обесценивания производст-

венных активов (амортизацию). Увеличение добычи нефти, газа, вывоза древесины сопровождается более высокими природными рентами за использование этих ресурсов. Ущерб от загрязнения воздуха и воды оценивается в данном случае по максимальному значению.

Пессимистический и оптимистический сценарии развития предполагают рост расходов на образование. Однако в первом случае их доля в бюджете Самарской области несколько ниже, чем во втором.

Отличительной особенностью прогноза устойчивого развития по оптимистическому сценарию развития региона является введение лимитируемых объемов добычи природных ресурсов по причинам ограниченности экологической емкости территории и истощения основных энергоресурсов. При этом ущерб здоровью населения рассчитывается по минимальным оценкам. В основу данного прогноза заложены более высокие темпы роста экономики (ВРП, валовое накопление).

Общими сценарными условиями являются рост экспортных цен на газ, нефть и лесоматериалы, а также динамика курса доллара по отношению к рублю.

Прогнозирование устойчивого развития Самарской области осуществляется в несколько этапов. На первом рассчитывается величина чистых сбережений. Для определения «коридора» прогнозных значений ВРП до 2010 г. используются минимальный и максимальный варианты областного прогноза социально-экономического развития региона, с 2011 г. – прогноз Министерства экономического развития РФ. Доля валового накопления в ВРП определяется на основе пролонгации тренда сложившихся в 2000–2007 гг. тенденций методом аналитического выравнивания. Ее минимальные и максимальные значения рассчитываются как 5%-е отклонение от среднего уровня полученного тренда. Аналогичным образом определяется величина амортизационных отчислений. Нарастание различий между вариантами становится очевидным к 2020 г., когда «прогнозный коридор» составляет 4,46 п.п.

На втором этапе осуществляется прогнозирование природных рент от добычи нефти, газа и вырубки леса. Оптимистический вариант предусматривает стабильное снижение природных рент от добычи нефти и газа на протяжении всего прогнозируемого периода. «Кори-

дор» прогнозных значений вывоза древесины устанавливается в результате пролонгации прогноза социально-экономического развития Самарской области. При этом максимальные и минимальные значения показателей определяются в размере 8%-го отклонения от уровня рассчитанного тренда.

Расчет прогнозных оценок ущерба здоровью населения региона от загрязнения окружающей среды осуществляется также по двум сценариям. При этом оптимистический сценарий разработан с использованием результатов областного прогноза, предполагающего устойчивое снижение показателей загрязнения воздушного бассейна. Пессимистический прогноз в данном случае является отражением тренда объемов выбросов загрязнений в атмосферу в период 2000–2007 гг. Максимальные и минимальные значения выбросов соответствуют 5%-м отклонениям от среднего уровня.

На заключительном этапе чистые сбережения увеличены на размер расходов на образование. Прогнозные значения по пессимистическому и оптимистическому сценариям соответствуют 5%-м отклонениям от заданного уровня тренда.

Построенная прогнозная модель позволяет сделать вывод, что при устранении негативных тенденций в сфере экологии и ресурсосберегающем использовании природных ресурсов, а также при росте инвестиций в человека к 2020 г. Самарской области удастся увеличить показатель истинных сбережений (по оптимистическим оценкам, почти в 3 раза, по пессимистическим – в 2 раза). Второй сценарий развития как наиболее благоприятный должен стать для Самарской области целевым, тем более что необходимые предпосылки для этого в регионе есть.

Достичь повышения устойчивости социально-экономической системы региона представляется возможным в результате органичной увязки двух процессов в экономике: сокращения или определенной стабилизации потребления природных ресурсов, а также объема загрязнений, с одной стороны, и роста региональных экономических показателей за счет совершенствования технологий, внедрения малоотходного и ресурсосберегающего производства – с другой. Оба этих направления предусматривают коренную структурную перестройку

экономики в пользу природосберегающих и наукоемких видов деятельности. Фактически речь идет о рассогласовании двух трендов – региональных экономических показателей и потребления природных ресурсов, об устранении прямой зависимости между ними.

Резюмируя, отметим, что даже при нехватке официальных статистических данных использование экспертных оценок при постоянстве методики расчета индикатора дает возможность отслеживать динамику чистых (истинных) сбережений, что чрезвычайно важно с позиций формирования тенденций устойчивого развития региона.

Литература

1. **Индикаторы** мирового развития. Всемирный банк. 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gipp.ru/print.php?id=6258> (дата обращения 1.06.2008).
2. **Pearce D., Atkinson G.** Capital theory and the measurement of sustainable development: an indicator of «weak» sustainability // *Ecological Economics*. – 1993. – No. 8. – P. 103–108.
3. **Measuring** sustainable development: macroeconomics and the environment / Atkinson G., Duburg R., Pearce D. et al. – Edvard Elgar Publishing, UK, 1997. – 123 p.
4. **Expanding** the measure of wealth: Indicators of environmentally sustainable development / *Environmentally Sustainable Development Studies and Monographs Series*, No. 17. The World Bank. – Washington DC, 1997. – 89 p.
5. **Where** is the wealth of nations? Measuring capital for the 21st century. – Washington, D.C.: International Bank for Reconstruction and Development; World Bank, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/INTEEI/214578-1110886258964/20748034/ All.pdf> (дата обращения 14.06.2008).
6. **Макроэкономическая** оценка издержек для здоровья населения России от загрязнения окружающей среды / Бобылев С.Н., Сидоренко В.Н., Сафонов Ю.В. и др. – М.: Ин-т Всемирного Банка; Фонд защиты природы, 2002. – 32 с.
7. **Мекуш Г.Е.** Эколого-экономическая оценка устойчивости регионального развития (на примере Кемеровской области) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/a/897/File/Mekush%20G.E.doc> (дата обращения 16.06.2008).

ОЦЕНКА УРОВНЯ СОГЛАСОВАННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Ю.А. Фридман, Г.Н. Речко, О.А. Бияков^{*}, Ю.Ш. Блам

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
^{*}Кузбасский государственный технический университет*

*Статья подготовлена по материалам исследований, проводимых при
финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 07-02-00217)*

Аннотация

Рассматриваются проблемы взаимодействия экономических интересов власти и бизнес-структур в отдельном регионе в контексте оценки уровня их согласованности. Доказана необходимость развития инструментов количественной оценки региональных экономических интересов. Предложен подход, базирующийся на математическом инструментарии ранговой статистики и предполагающий использование информационной базы официальной региональной статистики. Разработаны методические решения, позволяющие дать количественную оценку уровня согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики.

Ключевые слова: региональная промышленная политика, согласованность экономических интересов, методика количественной оценки

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В начале 2008 г. принят ряд документов и решений, весьма важных с точки зрения их влияния на экономическую жизнь России. Главное то, что озвучена программа социального и экономического

развития страны на перспективу до 2020 г. Основные акценты в ней сделаны на интенсификацию и диверсификацию, уход от сырьевых сценариев развития, интенсивную промышленную и региональную политику, реформирование и развитие соответствующих институтов, обеспечивающих реализацию этих направлений.

В рамках единой экономической стратегии развития России каждый ее регион погружается в конкурентную среду и самостоятельно проводит экономическую политику для улучшения своих конкурентных позиций.

Специалистам хорошо известно, что регион как экономический объект имеет двойственный характер [1]. С одной стороны, он представляет собой относительно самостоятельную экономическую подсистему со своим ресурсным и экономическим пространством. С другой стороны, регион как субъект Федерации – это часть национальной экономики, и его функционирование связано с участием в формировании единого экономического пространства.

Бизнес, расположенный в конкретном регионе (как, впрочем, и крупные межрегиональные корпорации), для своего развития использует как региональные, так и федеральные ресурсы. И естественно, что свою деятельность он должен осуществлять в рамках действующих федеральных и региональных институтов, в том числе согласовывая свои решения, если они влияют на экономическую среду региона, с властными структурами – как на региональном, так и на федеральном уровне.

Однако до сих пор процесс согласования носит в основном политический характер. В последнее время в России проведено несколько довольно интересных исследований по проблеме взаимодействия бизнеса и власти (см., например, [2–4]). Но большинство из них имеют философскую или, в лучшем случае, социальную направленность. На практике же существующие модельные конструкции взаимодействия бизнеса и власти сводятся к переговорному процессу, в рамках которого рождаются «договора (соглашения) о принципах взаимодействия». Цель этих соглашений – установление сбалансированных партнерских отношений власти и бизнеса и повышение социальной ответственности бизнеса. Предмет соглашений – мероприятия, направленные

ные на достижение взаимоприемлемого уровня согласованности интересов, взаимной заинтересованности сторон и минимальной информационной открытости*.

Этот инструмент имеет определенные недостатки, но и, бесспорно, одно достоинство: он реально работает. Именно эти договоры содержат определенные количественные оценки экономических интересов бизнеса и власти. Ежегодно обновляя договоры и расширяя круг участников «договорного процесса», бизнес и власть совершенствуют подходы к выработке компромисса, и в том числе количественные параметры.

Количественные оценки, как и большая часть достигнутых в рамках соглашений договоренностей и, тем более, механизмов их реализации, остаются «закрытой темой» даже для профессиональных исследователей. Ни власть, ни, тем более, бизнес (особенно компании, акции которых обращаются на рынках) в отсутствие общепризнанных количественных оценок не заинтересованы в том, чтобы раскрывать, на какие компромиссы приходится идти, и какой ценой они достигаются. Другой проблемой является «точечный» характер заключаемых соглашений, поскольку любая бизнес-структура по определению стремится не только локализовать «непрофильные» финансовые вложения, но и сделать их выгодными для своего бизнеса.

Именно поэтому количественные оценки взаимодействия бизнеса и власти должны иметь открытый характер, быть общепризнанными и опираться на существующую статистику. Цель получения таких количественных оценок состоит не в том, чтобы измерить величину дополнительных финансовых вливаний, на которые должен рассчитывать бизнес, формируя свою финансовую стратегию, а в том, чтобы иметь возможность количественно оценить «мощность» региональной промышленной политики. При этом если в регионе применяются в основном политические (простые) модели взаимодействия бизнеса и власти, количественная оценка «мощности» их взаимодействия не

* К примеру, публичное оглашение рейтинга качества взаимодействия компаний и власти, который компаниям позволит позиционировать себя как социально ответственные структуры, а региональной власти – оценивать уровень взаимодействия с бизнесом.

будет востребована. Количественная оценка особенно «интересна» при переходе от простых региональных моделей взаимодействия бизнеса и власти к сложным [5].

ВЛАСТЬ И БИЗНЕС: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Под институциональной моделью взаимодействия власти и бизнеса мы понимаем совокупность сложившихся на определенной территории формальных и неформальных норм, правил и практик их взаимодействия. В научных публикациях последних лет отмечается, что в 90-е годы прошлого века в субъектах Российской Федерации складывались различные типы отношений взаимодействия власти и бизнеса, известные как *модель патронажа* (административного давления власти на бизнес), *модель «приватизации власти»* (крупным капиталом) и *модель партнерства* (компромисса) [2, 6, 7].

На ранних стадиях становления как бизнеса, так и власти (начало 90-х годов) модели патронажа и «приватизации власти» благополучно сосуществовали. И власть, и бизнес были слабыми. Власть плохо ориентировалась в целях и задачах развития. Администрирование было единственным эффективным «институтом» управления, так как институты рыночного регулирования (даже элементарные) просто отсутствовали. Бизнес же, используя слабость власти, «делегировал» своих менеджеров во власть для обеспечения собственных интересов. Классический пример такого уровня «согласования интересов» – Кузбасс начала 90-х годов, когда приватизация крупных металлургических и угольных комплексов осуществлялась компанией, главный менеджер которой занимал пост заместителя губернатора области.

К концу 90-х годов в России сложилось несколько крупных финансово-промышленных групп, приступивших к созданию вертикально интегрированных бизнесов с привлечением в первую очередь уникальных минерально-сырьевых ресурсов в российских регионах. Этот «бизнес» уже обладал таким количеством ресурсов, с одной стороны, и уже на таком уровне воздействовал на структуры федераль-

ной власти, с другой стороны, что единственной рабочей моделью его функционирования в регионах оказалась модель компромисса.

В отношениях власти и бизнеса в большинстве российских регионов доминирующей стала партнерская система взаимодействий, отличительными особенностями которой являются

- **обмен ресурсами как основа взаимоотношений.** Бизнес получает «особые условия» (освобождение от региональных налогов и другие льготы) и доступ к дополнительным экономическим ресурсам (дешевые кредиты и надежные гарантии по ним, участие в федеральных программах и др.), а представители власти могут рассчитывать на финансирование бизнесом программ социального и экономического развития региона, на участие регионального бизнеса в реализации приоритетных национальных проектов и т.д.;
- **отказ бизнеса от борьбы за власть.** Речь идет не только об отказе бизнес-сообщества от претензий на то, чтобы получить контроль над всеми структурами региональной власти, но и об эффективной поддержке бизнесом согласованной модели власти в регионе;
- **эффективность бизнеса как условие консенсуса бизнеса и власти.** Неэффективный бизнес не «вписывается» ни в какую модельную конструкцию, используемую регионами, и тем более в модель партнерских отношений;
- **совместная разработка комплексных программ социального и экономического развития регионов.** Бизнес в самом начале своего функционирования в регионе должен четко осознавать стратегические цели и задачи развития региона для выработки эффективных моделей функционирования.

ВЛАСТЬ И БИЗНЕС: РЕСУРСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В динамично развивающихся регионах власть и крупный бизнес (имеющий значимое влияние на экономику региона) стремятся найти приемлемые для обеих сторон формы взаимодействия. Однако это не означает, что сложившаяся сегодня модель партнерских отно-

шений не может трансформироваться в какую-либо другую модель отношений. Пока же, по крайней мере, и бизнес, и власть располагают инструментами влияния, чтобы «держат друг друга под контролем». Так, власть располагает своими ресурсами влияния, потенциал которых со временем меняется. Обычно эти ресурсы объединяют в три основные группы.

К *административным ресурсам* можно отнести прописанные в региональных законах полномочия региональной власти, а также права, присвоенные региональными руководителями.

В последние годы в результате укрепления «вертикали власти» региональная власть лишилась целого ряда инструментов административного влияния (федеральный центр вернул себе контроль над региональными отделениями федеральных ведомств, включая налоговую службу). Тем не менее региональная власть сохраняет контроль над проверяющими инстанциями – экологической, санитарной, энергетической, пожарной инспекциями, которые всегда могут быть «задействованы» против отдельных экономических структур. В перспективе вполне вероятно, что федеральный центр откажется от ряда контрольных функций в регионах.

Экономические и институциональные ресурсы региональной власти определяются, во-первых, экономическим потенциалом региона; во-вторых, степенью и методами контроля, установленного властью над экономическими субъектами, осуществляющими предпринимательскую деятельность на подведомственной территории; в-третьих, стратегиями, которые вырабатывает и реализует региональная власть.

В 90-е годы наиболее важным экономическим ресурсом региональной власти являлся контроль над собственностью и процессом ее распределения. Переход собственности в частные руки предопределяет повышение экономических ресурсов у бизнеса по сравнению с властью (особенно в тех случаях, если она не может им управлять через советы директоров).

К значимым экономическим ресурсам региональной власти, позволяющим ей сегодня влиять на бизнес, относятся: 1) предоставление налоговых льгот; 2) государственный и социальный заказ; 3) введение единого налога на вмененный доход (как правило, это особый ресурс

муниципальных органов власти); 4) предоставление региональных преференций (землеотводы, разрешение на застройку). Используя эти ресурсы, власть может создавать более или менее благоприятные условия для развития «близким» экономическим структурам.

Помимо этого региональная власть обладает и специфическими экономическими ресурсами, которые немаловажны для бизнес-субъектов региона:

1) в условиях, когда в регион приходят новые собственники, актуальной для регионального бизнеса становится поддержка со стороны властей в противостоянии «недружественному захвату» собственности. В этом вопросе стратегии поведения региональной власти многое предопределяют, ведь именно она вырабатывает правила прихода капитала на свою территорию;

2) динамично развивающимся бизнес-структурам требуется особая поддержка властей, обеспечивающая продвижение компании на рынках. Власть в регионе может способствовать как развитию какого-то сектора экономики, так и его сужению;

3) региональная власть может широко использовать в своей деятельности международные контакты, лоббируя интересы «своего» бизнеса за рубежом, что делает их взаимодействие взаимовыгодным;

4) власть в регионе может инициировать формирование новых подходов и направлений в экономической деятельности (совместные с бизнесом решения в области экономического развития региона и др.). Именно власть разрабатывает стратегические направления развития промышленности, торговли, транспорта, где занята немалая часть крупного бизнеса. Это способствует тому, что власть берет на себя роль экономического стратега, формулирующего приоритеты, с которыми бизнес не может не считаться.

Несмотря на то что политика централизации экономических и финансовых ресурсов не гарантирует сохранности этих ресурсов в регионе автоматическим образом, у региональной власти остается достаточно большой потенциал экономического влияния. Частичная компенсация утраченных ресурсов происходит за счет развития региональной экономики, привлечения инвесторов, технологических и прочих инноваций.

Политические ресурсы региональной власти – это способность регионального руководства отстаивать интересы региона на федеральном уровне, его влияние на внутрирегиональную политику, уровень и эффективность контроля за региональными процессами.

К сожалению, «мощность» этих групп ресурсов не отражается ни одним официальным статистическим показателем. Неизвестны нам и синтетические показатели. А их отсутствие при оценке взаимодействия федеральной, региональной власти и бизнеса в процессе использования технологических, финансовых, людских и природных ресурсов региона является сдерживающим фактором при формировании рациональной конфигурации экономического пространства региона. Именно поэтому нередко случаи, когда власти подписывают соглашения, а вдогонку упрекают бизнес в нечестной игре. И наоборот, довольно часто бизнес ссылается на чрезмерную социальную нагрузку.

Естественно, что решение проблемы лежит в первую очередь в плоскости совершенствования механизмов согласования интересов между бизнесом и властью. Однако важной составляющей этого процесса является разработка инструментария, позволяющего измерить и количественно оценить уровень согласованности экономических интересов участников промышленной политики в регионе.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ: ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Взаимодействие субъектов экономического пространства региона происходит в процессе экономической деятельности хозяйствующих субъектов. С одной стороны, экономические процессы обособлены, но с другой стороны, в силу внутренней взаимосвязанности организации хозяйственной деятельности региона они опосредованно взаимодействуют, поскольку концептуальная зависимость хозяйствующих субъектов на уровне региона очевидна. Отсюда следует, что должен существовать **единый объект**, на который направлено воздействие субъектов.

Федеральные и региональные власти заинтересованы в таком использовании ресурсов региона, которое позволяет оптимизировать некоторую систему показателей (количественных и качественных). А бизнес использует эти ресурсы (в рамках регулируемой федеральными

ми и региональными властями институциональной среды и дополнительных соглашений) в своих интересах, в соответствии со своими критериями. В этом контексте объектом согласования действий региональной власти и бизнеса являются их экономические интересы, связанные с использованием региональных ресурсов. В идеале хозяйственная деятельность субъектов должна опираться на стремление к повышению уровня согласованности их экономических интересов, поскольку в этом случае гарантированно уменьшаются хотя бы транзакционные издержки субъектов, обусловленные их взаимодействием между собой. Сам же уровень согласованности экономических интересов субъектов может определяться уровнем эффективности использования региональных ресурсов и, следовательно, может быть описан качественными и количественными характеристиками. Проблема заключается в том, какие характеристики могут быть отражены через показатели официальной статистической отчетности, поскольку иной подход не будет корректным с точки зрения верификации результата.

Очевидно, что абстрактного нецеленаправленного экономического интереса как такового не существует. Каждый экономический интерес имеет свою цель в пространстве полезных результатов, которые могут быть получены на имеющихся ресурсах системы. И именно «целенаправленность» является *качественной характеристикой* экономического интереса. Проблема состоит в том, что количество возможных полезных результатов может достигать нескольких десятков, а количество экономических интересов (однонаправленных, разнонаправленных) пропорционально по крайней мере числу лиц, имеющих право принимать управленческие решения, связанные с функционированием системы. Проанализировать все возможные варианты, учитывая нелинейный характер взаимодействия экономических интересов, просто нереально ни теоретически, ни практически.

Количественная характеристика воздействия экономического интереса не столь очевидна по причине его многомерности, и отражает она степень влияния интереса на конечные результаты деятельности субъекта хозяйствования согласно некоторому принятому критерию. Конечные же результаты хозяйственной деятельности субъекта могут быть описаны в виде набора экономических показателей (прибыль, чис-

ленность работающих, объем выпуска продукции и др.). Эти показатели одномерны в пространстве, но проблема заключается в том, что они имеют различные единицы измерения и, как правило, несопоставимы.

И наконец, качественные и количественные характеристики экономических интересов, их взаимодействие динамичны, постоянно изменяются во времени, что и заставляет систему переходить из одного состояния в другое. Следовательно, сопоставить экономические интересы, измерить их взаимовлияние напрямую нельзя. На наш взгляд, именно с этим связаны существующие проблемы количественной и качественной оценки взаимовлияния интересов и то, что эти проблемы до сих пор не имеют общепризнанного решения. Дело как раз и состоит в необходимости разработки инструментария количественной оценки степени согласованности экономических интересов субъектов, взаимодействующих в экономическом пространстве региона.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что региональные экономические интересы образуют сложную систему с высокой связностью элементов (составляющих интересов). Часть интересов в этой системе может быть согласована в целях повышения эффективности экономики региона, другая их часть не поддается согласованию, так как по своей экономической природе региональные экономические интересы имеют различный цикл существования во времени и могут изменять конфигурацию регионального экономического пространства.

Естественно считать, что взаимодействие экономических интересов происходит одновременно как в пространстве, так и во времени, и, следовательно, их поведение можно описать некоторой системой показателей, прямо или косвенно отражающих влияние экономических интересов хозяйствующих субъектов на процессы, происходящие в региональной экономической системе. Определив такую систему показателей, можно формировать сводные характеристики (интегрированные количественные оценки), оценивающие экономические интересы субъектов экономического пространства региона. Но это возможно лишь при наличии единой метрики, например через свертывание набора показателей с различными единицами измерения на одну числовую ось, причем таким образом, чтобы изменение каждого показателя адекватно отражалось в общей совокупности. Тогда появляется возможность

количественно измерять как интенсивность воздействия экономических интересов на результативность функционирования экономики региона, так и взаимную ориентацию (направленность) различных экономических интересов, качество состояния системы в каждый момент ее движения относительно некоторого идеального (эталонного) состояния, определяемого принятым критерием оценки.

Исходя из такого посыла авторы выработали подход к измерению и оценке уровня согласованности экономических интересов субъектов промышленной политики в регионе. Подход базируется на математическом инструментарии ранговой статистики и предполагает использование информационной базы официальной региональной статистики.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Нам неизвестны методы измерения и оценки уровня согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики (региональной власти и бизнес-субъектов как реальных носителей экономических интересов). Ниже описывается разработанный нами подход, предполагающий применение ряда методических новаций.

Выбор критерия оценки. Моделирование и анализ экономических ситуаций возможны лишь при наличии неких критериев, которые выступают в роли «точек отсчета» для принятия того или иного решения. Сложным моментом, влияющим на оценку уровня согласованности интересов в региональной экономической системе, является конкретизация критерия, на основании которого производится оценка. При разных «точках отсчета» в пространстве критериев получим разные количественные оценки уровня согласованности экономических интересов. К примеру, с позиций «социально ориентированного бизнеса» получаем одну оценку уровня согласованности экономических интересов, по критерию «рентабельности бизнеса» – другую оценку, по критерию «эффективности социально-экономического развития региона» – третью, а если в качестве «точки отсчета» рассматривать «состояние институциональной среды на региональном уровне», то получим еще один вариант оценки.

Практическая направленность методики определяется возможностью, во-первых, идентифицировать признаки «эталонного» взаимодействия субъектов региональной промышленной политики, направленного на повышение уровня согласованности их экономических интересов; во-вторых, задать тенденцию развития региональной экономической системы, отображая в каждый момент времени то состояние, к которому она должна стремиться относительно эталона.

Формализация принятого критерия осуществляется через ранжирование системы показателей функционирования экономики региона.

Выбор экономических показателей. Необходимо выбрать показатели, по которым предполагается анализировать функционирование экономики региона на предмет оценки уровня согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики.

Представляется естественным, что на уровне региональной экономической системы критерий оценки должен быть выражен через существующие в официальной статистике показатели хозяйственной деятельности. Но любые объемные характеристики региональной экономической системы (валовой региональный продукт, выпуск продукции, численность занятых и др.), взятые изолированно, не могут отразить динамику экономического процесса, так как они в своей сути статичны и являются лишь отражением состояния системы в тот или иной момент времени.

При формировании набора показателей, отражающих согласованность экономических интересов субъектов региональной промышленной политики, представляется необходимым учитывать ряд требований:

- в набор не включаются показатели, которые определяются как производные от других, входящих в него показателей. Такое ограничение связано с тем, что для описания состояния системы должен быть использован необходимый минимум информации. Излишняя же информация только отягощает модель, усложняет процесс выявления основных закономерностей ее функционирования;
- в набор не включаются показатели, не позволяющие оценить изменение характеристик системы или ее взаимодействия

с внешней средой в динамике. Такое ограничение естественно в силу динамической природы экономических процессов;

- в набор не включаются показатели, отражающие связи системы за пределами предмета исследования или не оказывающие существенного влияния на решение поставленной задачи. Это позволяет избавить модель от чрезмерной информационной загруженности и уменьшить влияние различного рода помех и второстепенных факторов;
- в набор могут входить только такие показатели, методика расчета которых была неизменной в течение достаточно длительного времени. Это необходимо для обеспечения сопоставимости изменений рассматриваемого показателя за исследуемый период.

Следует упомянуть и о проблеме несовместимости дискретных интервалов времени, используемых в статистической отчетности Росстата для фиксирования состояния экономики региона по разным характеристикам его развития.

Учет динамики процессов. Осуществляется формализация критерия оценки через формирование «динамического норматива» – порядка движения показателей, характеризующего состояние, принятое в качестве эталонного (идеального). Естественно, что на уровне хозяйственной системы региона динамический норматив должен выражаться через существующие показатели функционирования экономики региона. Но ни один показатель, ни совокупность показателей, как уже говорилось, не может отразить динамику процесса, так как показатели в своей сути статичны и являются лишь отражением состояния системы в тот или иной момент времени. Поэтому для построения динамического критерия следует рассматривать не значения самих показателей, а порядок их движения во времени.

Экспертным путем формируем эталонный ранговый ряд – такой порядок движения показателей функционирования экономики региона во времени, который бы опосредованно отражал наиболее высокий уровень согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики согласно принятому (в рамках проводимого исследования) критерию. Суть эталонного ранжированного перечня достаточно прозрачна, – это и есть идеальный режим функционирования хозяйственной системы региона.

Формирование интегрирующего показателя. Это осуществляется путем свертывания показателей, отражающих состояние экономики региона, на одну числовую ось. Ранее был сделан вывод, что для формирования оценки следует рассматривать не значения самих показателей, а порядок их движения относительно принятого эталона (динамического норматива). Показатели могут быть сведены на одну ось тривиальным образом – преобразованием в безразмерные величины, но при этом последние должны сохранить качество отражаемого элемента структуры. Таким свойством обладает важная характеристика движения – ускорение, которое в отличие от скорости характеризует качественный (а не количественный) аспект движения.

Показатели функционирования экономики региона обычно представляются в виде временных рядов. Определяя темп роста показателя, находим скорость его движения, а темп темпов позволяет фиксировать ускорение. С учетом того, что темпы роста и ускорение – величины безразмерные, мы решаем проблему сведения разнородных показателей на одну числовую ось.

Имея значения ускорений в каждый момент времени по всем показателям, можно рассмотреть их положение друг относительно друга. Используем прием ранжирования: показатель, имеющий наибольшее ускорение, получит ранг, равный единице, а имеющий минимальное ускорение – ранг, равный N (N – количество показателей в наборе). Ранжирование можно вести и иначе, но нам представляется естественным, что минимальное ускорение занимает последнюю позицию в наборе. Теперь в нашем распоряжении уже не абстрактные величины ускорения движения, а наборы рангов ускорений фактического движения показателей по периоду. Каждый полученный набор рангов отражает состояние структуры экономической системы в некоторый конкретный момент времени (в рамках интересующего нас периода) через преобразованные показатели функционирования экономики региона. Этот набор рангов содержит как отдельные компоненты преобразованных показателей, так и связи между ними, что обусловлено операцией ранжирования.

Количественная оценка структуры экономической системы. Эту структуру получаем через преобразование показателей хозяйственной деятельности субъектов региональной промышленной поли-

тики. Вполне естественным представляется, что сформированные наборы рангов ускорений фактического движения по временному периоду должны быть поставлены в соответствие некоторому ранжированному (эталонному) перечню, – в этом случае их можно будет сравнивать хотя бы с точки зрения степени соответствия. Такое сравнение можно сделать, используя метод ранговой корреляции.

Как известно, этот метод предполагает следующий порядок расчета.

1. Берется N статистических показателей, отражающих функционирование экономики региона (см. таблицу). В результате упорядочения их по некоторому критерию получаем «эталонный» ряд $P = \{P_1, P_2, \dots, P_i, \dots, P_N\}$.

Матрица рангов движения показателей

Наименование показателя	Эталонный порядок движения	Фактический порядок движения по периоду				
		T_1	T_2	T_3	...	T_K
Показатель 1	$P_1 = 1$	Z_{11}	Z_{12}	Z_{13}	...	Z_{1K}
Показатель 2	$P_2 = 2$	Z_{21}	Z_{22}	Z_{23}	...	Z_{2K}
Показатель 3	$P_3 = 3$	Z_{31}	Z_{32}	Z_{33}	..	Z_{3K}
...
Показатель N	$P_N = N$	Z_{N1}	Z_{N2}	Z_{N3}	...	Z_{NK}

2. Динамические ряды статистических показателей должны быть подвергнуты некоторым процедурам предварительной обработки:

- учету инфляционной составляющей (это относится к стоимостным показателям);
- сглаживанию временных рядов, что обусловлено спецификой расчетов. При расчете темпов роста и ускорения движения показателей возникает проблема, если компонента временного ряда имеет отрицательное или нулевое значение, что свойственно рядам стоимостных показателей. В этом случае предлагается воспользоваться методом медианного сглаживания временных рядов, который, как показывают проведенные тестовые расчеты, снимает проблему.

3. Формируются фактические ранговые ряды движения показателей в рассматриваемый период времени. Для этого

- рассчитываются темпы роста показателей (анализ темпов позволяет оценить изменение условий, в которых происходит функционирование исследуемой системы);
- рассчитываются ускорения изменения величин показателей;
- ранжируется список показателей по убыванию величины ускорения их движения, т.е. первый ранг закрепляется за показателем с наибольшим ускорением, а последний – за показателем, имеющим наименьшее ускорение.

В результате выполнения этого этапа получаем несколько ранговых рядов $Z = Z^1, Z^2, ..., Z^J, ..., Z^K$, которые отражают структуру движения анализируемых показателей в разные периоды функционирования экономической системы ($T = T_1, T_2, ..., T_J, ..., T_K$). Каждый J -й ранговый ряд содержит N компонент (фактический порядок движения N показателей по периоду).

4. Сравниваются два ранговых ряда: эталонный P и фактический Z^J ($J = 1, 2, ..., K$). Как известно, ранговые ряды различаются двумя основными характеристиками: **разностью** между рангами отдельных показателей и **инверсией** одного полного ряда по отношению к другому. Для оценки близости фактического и эталонного порядков движения используются коэффициенты ранговой корреляции.

В качестве меры близости двух ранговых рядов берут коэффициент ранговой корреляции по Спирмену:

$$K_{Spirmen}^J = 1 - \frac{6 \sum_{i=1}^N (P_i - Z_i^J)^2}{N^3 - N}. \quad (1)$$

В качестве меры сходства (однаправленности) двух рядов можно принять коэффициент ранговой корреляции по Кендэллу:

$$K_{Ken}^J = 1 - \frac{4 \cdot Inv}{N^2 - N}, \quad (2)$$

где Inv – число инверсий ряда Z^J относительно ряда P (минимальное число перестановок соседних элементов фактического ряда рангов относительно эталонного).

Оба коэффициента принимают значения в интервале от -1 до $+1$. В случае отрицательных значений можно говорить о разнонаправленности экономических интересов (вариант, учитывающий, например, эффект конкуренции за использование общих ресурсов). В случае положительных значений экономические интересы однонаправленны (вариант, учитывающий синергический эффект – эффект согласованного взаимодействия).

Возможен и третий вариант, когда коэффициенты принимают нулевое или близкое к нулевому значение. Он практически означает отсутствие взаимодействия экономических интересов либо настолько малый его уровень, что им можно пренебречь при анализе состояния системы. В этом случае можно считать, что характеристики экономических интересов являются в каком-то смысле ортогональными, их взаимодействие не оказывает влияния на прирост полезных результатов.

5. Результирующая оценка соответствия эталону основывается на рассчитанных коэффициентах ранговой корреляции:

$$R_J = \frac{(1 + K_{Spirmen}^J) \cdot (1 + K_{Ken}^J)}{4}. \quad (3)$$

Для рассматриваемого периода времени $T = T_1, T_2, \dots, T_J, \dots, T_K$ получаем ряд значений $R_J (J = 1, 2, \dots, K)$, каждое из которых показывает, насколько характер изменений в структуре связей системы отвечает выбранному критерию оценки. Иными словами, показатель результирующей оценки позволяет оценить эффективность принимаемых управленческих решений в соответствии с заданным критерием. Диапазон изменения этого показателя – от 0 до $+1$. При этом « $+1$ » – полное совпадение изменений в структуре системы с выбранным критерием; « 0 » – полное несовпадение изменений в системе относительно выбранного критерия.

6. Полученный ряд значений R_J может быть аппроксимирован мультипликативной функцией вида

$$R(t) = a_0 + a_1 \cdot \prod_n (\cos(a_{1n} - a_{2n} \cdot t) \cdot \sin(b_{1n} - b_{2n} \cdot t)). \quad (4)$$

Оценку уровня согласованности экономических интересов за весь рассматриваемый период времени S можно получить, проинтегрировав $R(t)$, что практически эквивалентно

$$S = \frac{0,5 \cdot (R_1 + R_K) + \sum_{J=2}^{K-1} R_J}{K-1}, \quad (5)$$

где K – число интервалов рассматриваемого временного периода $T = T_1, T_2, \dots, T_J, \dots, T_K$.

Чем выше уровень согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики, тем большее значение будет иметь S (максимум $S = 1$, минимум $S = 0$).

* * *

Предложенный подход к проблеме измерений в экономическом пространстве региона, базирующийся на математическом инструментарии ранговой статистики и на использовании официальной региональной статистической информации, позволяет проводить анализ не от достигнутого уровня, а на основе оценки «расстояния» до эталона и сводить показатели различных аспектов хозяйствования к одной шкале, что обеспечивает комплексность получаемой оценки.

Разработанные методические решения позволяют дать количественную оценку уровня согласованности экономических интересов субъектов региональной промышленной политики. В рамках апробации методики проведены тестовые расчеты на региональном уровне с использованием показателей развития ведущих отраслей кузбасской экономики, с одной стороны, и кузбасского региона – с другой. Информационная база полученной оценки содержит более 20 показателей официальной статистической отчетности за семилетний период. В настоящее время методика готовится к апробации в рамках проводимого исследования по проблемам согласования взаимодействия крупного бизнеса и власти на уровне субъекта Федерации при формировании модели его развития на перспективу.

На основе динамической оценки согласованности экономических интересов и выявленных управляющих параметров («рычагов» влияния) предполагается построить рациональную модель взаимодействия власти и бизнеса – сформировать принципы такой региональной промышленной политики, которая обеспечивала бы реализацию стратегических, долгосрочных целей развития региона. Это требует разработки институциональных инноваций, связанных с формированием институтов, стимулирующих продуктивную деятельность, внедрение которых сопряжено с высокими издержками. Пока же сформировавшаяся институциональная модель взаимодействия бизнеса и власти, хотя и не устраивает большинство отдельных предпринимателей, сохраняет устойчивость, возможно из-за отсутствия со стороны бизнеса спроса на новые формальные универсальные «правила игры».

Литература

1. **Гранберг А.Г.** Моделирование пространственного развития национальной и мировой экономики: эволюция подходов // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 87–106.
2. **Бизнес** и власть в сильных регионах: модели и ресурсы взаимодействия / Путинские реформы и потенциал влияния региональных элит [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fesmos.ru/Publikat/19_RegElit2004/regelit_8.html (дата обращения 04.05.2008).
3. **Бизнес** как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.socpol.ru/publications/csr/ch1.pdf> (дата обращения 04.05.2008).
4. **Опыт** применения различных форм и технологий социального партнерства в развитых странах Европы и мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mecenat100.ru/img_data/maon/20070914.pdf (дата обращения 04.05.2008).
5. **Братющенко С.В., Селиверстов В.Е.** Корпоративная социальная ответственность бизнеса как институт государственно-частного партнерства и эффективной региональной и социальной политики // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 4. – С. 189–206.
6. **Курбатова М.В., Левин С.Н.** Преобладание иерархического типа взаимодействия власти и бизнеса как проявление зависимости от предшествующего развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/211519.html> (дата обращения 04.05.2008).
7. **Красильников О.Ю.** Модели взаимодействия власти и собственности // Собственность и власть: динамика, тенденции, перспективы: Сб. науч. тр. / Под. ред. Т.И. Трубицыной. – Саратов: Научная книга, 2005. – Вып. 4. – С. 85–97.

УГЛЕДОБЫВАЮЩИЙ РЕГИОН В ПОСТРЕСТРУКТУРИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

С.Н. Цветкова

Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса

Аннотация

Рассмотрены причины кризиса угольной отрасли восточного Донбасса, показаны основные направления реструктуризации угольного сектора. Выявлены тенденции развития депрессивного региона и факторы, способствующие социально-экономической стабилизации.

Ключевые слова: угледобывающий депрессивный регион, экономика, тенденции, факторы, развитие, особые экономические зоны, инновационный потенциал

Социально-экономическая ситуация в России характеризуется не только дифференциацией субъектов Федерации, но и внутрирегиональным экономическим неравенством. В некоторых случаях состояние депрессии полностью охватывает территории субъектов Федерации (например, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Калмыкия), в других – такое состояние характерно только для ареалов внутри субъекта Федерации, где имеются десятки «монопромышленных» городов и поселков городского типа, созданных вокруг бездействующих ныне градообразующих промышленных предприятий [1, 2]. Наиболее ощутима дифференциация в тех регионах, в которых прежнее благополучие сменилось упадком, когда отмечаются резкий спад производства либо явное ухудшение экологической обстановки, а проживающие в таком регионе люди не имеют возможности сменить место жительства или работы. В подобных условиях необходимы срочные регулятивные меры со стороны как федеральных, так и региональных органов власти для поддержания экономики региона, ставшей депрессивной.

Особую важность представляет рассмотрение вопросов управления социально-экономической сферой угледобывающих регионов России, которые на протяжении всех пореформенных лет были центрами социальной напряженности и острых конфликтов. В этих регионах своеобразно сконцентрировались и проявляются многие аспекты экономического кризиса.

В депрессивных регионах кризисные процессы и явления обладают мультипликативным эффектом и нередко блокируют возможности воспроизводственного процесса в целом и его отдельных элементов, т.е. происходит деградация ресурсного, хозяйственного, социального и экономического потенциала территорий [3]. Поэтому в связи с рыночной трансформацией российского экономического пространства, существенными изменениями в системах общественного разделения труда, производственно-хозяйственных связей и экономических отношений представляется важным и своевременным определить место и функциональную роль депрессивных регионов в этом переходном процессе, наметить как общие пути выравнивания уровней развития российских регионов [2], так и особые пути непосредственно для традиционно угледобывающих регионов России, и в частности для шахтерских районов Ростовской области, расположенных в восточной части Донбасса.

Российские исследователи отмечают, что в отечественной науке понятие «депрессивность» при достаточно широком его употреблении в научном обороте не получало до конца 90-х годов развернутого толкования потому, что состояние депрессии ранее не составляло особый предмет государственного регионального регулирования, а в отношении всех других случаев это понятие представлялось очевидным и не нуждалось в дополнительных разъяснениях [4]. Крайне противоречивый и болезненный процесс нынешнего реформирования в России, обусловивший диспропорции в региональном развитии, остро требует не только тщательно проанализировать само понятие «депрессивный регион», но и определить пути санации депрессивных территорий.

К депрессивным регионам, на наш взгляд, следует относить те территории, которые в наибольшей степени пострадали от структурного кризиса российской экономики вследствие особенностей своей специализации и структуры хозяйства. Депрессивные регионы в отличие от других видов проблемных регионов – это, как правило, в прошлом от-

носителем благополучные территории с высоким промышленно-производственным потенциалом и достаточно развитой инфраструктурой.

Кризис угольной отрасли в регионах Восточного Донбасса явился закономерным результатом несбалансированной ценовой политики естественных монополий, отсутствия действенных механизмов регулирования рынка топливно-энергетических ресурсов, дефицита средств, выделяемых на развитие отрасли, роста долгов по выплате заработной платы шахтерам. С целью преодоления кризиса угольной отрасли в 1993 г. был начат процесс ее реформирования, реструктуризации. Он был инициирован на федеральном уровне, финансировался и координировался в соответствии с решениями федерального правительства и нормативными документами, принятыми законодательными органами власти.

Реструктуризация угольной отрасли проводилась по следующим направлениям:

- формирование конкурентоспособных угольных компаний с созданием прибыльного производства на базе перспективных и стабильно работающих предприятий;
- ликвидация убыточных и неперспективных предприятий;
- социальная защита работников, высвобожденных в связи с реструктуризацией;
- выделение непрофильных производств;
- приватизация угольных компаний и создание конкурентного угольного рынка;
- социально-экономическое, экологическое оздоровление в угледобывающих регионах и обеспечение в них социальной стабильности;
- совершенствование системы управления угольной промышленностью и механизма государственной поддержки отрасли.

Однако большей частью эти задачи оказались невыполненными. Программа реструктуризации изначально не позволяла контролировать сложную систему территориально-отраслевого взаимодействия. Органы власти не могли отслеживать целевое использование средств, что привело к масштабным нарушениям и злоупотреблениям.

Поскольку федеральное правительство сорвало программу реструктуризации угольной отрасли в Восточном Донбассе, в целях выхода из кризиса администрацией Ростовской области совместно с руководством угледобывающих акционерных обществ была разработана среднесрочная программа реструктуризации угольной промышленности и социально-экономического развития региона. В ней рассмотрены альтернативные варианты развития данной отрасли с учетом бюджетного финансирования, определены возможные пути развития Восточного Донбасса: либо полное прекращение функционирования угледобывающих предприятий с последующей переориентацией действующих производств, расположенных в шахтерских городах и поселках, на другие отрасли промышленности, либо закрытие высокозатратных шахт с одновременным развитием перспективных угледобывающих предприятий.

Несмотря на определенные недостатки федеральной и региональной программ реструктуризации угольной отрасли, на шахтерских территориях была сформирована многоотраслевая экономика как доминирующая и сегодня. В каждом городе Восточного Донбасса отчетливо проявляется тенденция формирования ведущих градообразующих предприятий взамен угольных. В г. Шахты помимо предприятий электроэнергетической промышленности наибольший удельный вес имеют промышленность строительных материалов (17,3% от общего объема продукции, выпускаемой в городе) и легкая промышленность (12,7%). В г. Новошахтинске интенсивно развивается швейная промышленность (23,9% объема промышленного производства города), в г. Белая Калитва – цветная металлургия (85,3%), в г. Донецке наибольший удельный вес имеют предприятия легкой промышленности (48,5%), машиностроения и металлообработки (34,9%). Город Красный Сулин помимо топливной промышленности и электроэнергетики специализируется на производстве строительных материалов (10,4%), пищевых продуктов (4,6%), на машиностроении и металлообработке (3,6%). Предприятия этих отраслей обеспечивают стабильную занятость трудоспособного населения городов и близлежащих населенных пунктов.

Формированию некоторых позитивных тенденций в развитии экономики бывших шахтерских территорий послужил Закон Ростовской области «О приоритетном развитии шахтерских территорий Ростовской области», вступивший в силу с 1 июля 2004 г. Целью этого зако-

на явилось создание условий для роста доходов и платежеспособности населения, развития потребительского рынка товаров и услуг, снижения уровня безработицы и повышения уровня бюджетной обеспеченности муниципальных образований. Вновь созданным предприятиям, зарегистрированным на шахтерских территориях, региональным законом были предусмотрены следующие льготы:

- освобождение от уплаты налога на имущество организаций в части вновь созданного имущества, непосредственно используемого для производства и (или) реализации товаров (работ, услуг);
- освобождение от уплаты земельного налога в части налога, подлежащего зачислению в региональный бюджет;
- освобождение от уплаты транспортного налога;
- снижение на 2 п.п. ставки налога на прибыль организаций в части сумм налога, зачисляемых в региональный бюджет.

Хозяйствующим субъектам, осуществляющим деятельность на день вступления в силу областного закона, при условии увеличения после вступления в силу этого акта фонда оплаты труда не менее чем на 25% на последнюю отчетную дату по сравнению с соответствующим отчетным периодом прошлого года предусмотрены такие льготы:

- установление налоговой ставки по налогу на имущество организаций в размере 1,1%;
- снижение на 50% суммы земельного налога в части, подлежащей зачислению в областной бюджет;
- освобождение от уплаты транспортного налога;
- снижение на 4 п.п. ставки налога на прибыль организаций в части сумм налога, зачисляемых в областной бюджет.

Действие регионального закона привело к активизации инвестиционной деятельности на шахтерских территориях. Так, в г. Шахты создано два новых предприятия на 1020 рабочих мест, в г. Новошахтинске строится нефтеперерабатывающий завод, на котором будет занято 1014 чел.

Перспективное направление преодоления депрессивности территорий в Восточном Донбассе – создание в регионе особых экономических зон (ОЭЗ). С 1 января 2006 г. вступил в силу Федеральный за-

кон об особых экономических зонах, предусматривающий для ОЭЗ особый режим предпринимательской деятельности. Наши расчеты, выполненные для шахтерских территорий Ростовской области, показали, что в случае реализации всех имеющихся у них инвестиционных проектов в условиях промышленно-производственной особой экономической зоны в течение года ее функционирования может быть создано 5089 новых рабочих мест, а дополнительные налоговые поступления в бюджеты всех уровней составят более 1 млн руб. в год.

В Ростовской области есть предпосылки для создания Красносулинской особой экономической зоны промышленно-производственного типа. Потенциальная площадка ОЭЗ расположена рядом с городами Шахты, Красный Сулин и Новошахтинск (общая численность населения – более 400 тыс. чел.), здесь имеются в наличии свободные квалифицированные кадры. Красносулинская ОЭЗ будет соседствовать с городами и районами высокой потребительской активности (например, Ростов-на-Дону находится в 70 км). На территории будущей ОЭЗ существует мощная социальная, транспортная, коммунальная инфраструктура с большим незадействованным потенциалом. Близость городов Шахты, Новошахтинск, Красный Сулин и др. к основным транспортным магистралям позволяет строить эффективные логистические схемы поставки производимых здесь товаров в европейскую часть России, Украину, другие страны СНГ, Западную Европу, Северную Африку, Азию.

Среди проектов, которые предполагается реализовать в Красносулинской особой экономической зоне только на первом этапе, – создание автомобильного производства, открытие заводов по выпуску алюминиевой банки и OSB-плит. Общий объем инвестиций в эти производства составит около 300 млн долл. США [5].

Организация особой экономической производственно-промышленной зоны в Красносулинском районе для Ростовской области особенно актуальна в связи с тем, что здесь планируется не только сформировать точку экономического роста для всего этого региона, но и одновременно решить социальные проблемы Восточного Донбасса. При условии включения одной из шахтерских территорий Дона в федеральную программу создания особых экономических зон Ростовская область может получить мультипликативный эффект от предоставления преференций из бюджетов всех уровней. Это обеспечит

формирование в Красносулинском районе благоприятного инвестиционного климата, рост деловой активности, создание новых рабочих мест. Есть все условия для превращения депрессивных шахтерских территорий Восточного Донбасса в новый инновационный центр.

Существенным источником финансирования инновационной деятельности должен стать региональный венчурный фонд, организация которого в Ростовской области находится только на начальной стадии. Основными задачами такого фонда должны явиться

- развитие инновационного предпринимательства;
- поощрение и совершенствование связи науки, образования и инновационного бизнеса;
- коммерциализация технологий;
- продвижение новых технологий и технологичных продуктов на международный рынок;
- совершенствование механизма инвестиций.

Несомненно, что инновационный прорыв в социально-экономическом развитии постдепрессивных шахтерских территорий потребует объединенных усилий федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, хозяйствующих субъектов шахтерских территорий.

Литература

1. Татаркин А.И., Перминова Н.И. Социальные результаты ликвидации градообразующей отрасли на локальной индустриальной территории // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 198–209.
2. Селиверстов В.Е., Бандман М.К., Гузнер С.С. Методологические основы разработки федеральной программы помощи депрессивным и отсталым регионам // Регион: экономика и социология. – 1996. – № 1. – С. 3–43.
3. Постникова Е.А., Шильцин Е.А. Особенности сбалансированности Российских регионов // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 2. – С. 35–51.
4. Лексин В.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: УРС, 2000. – 368 с.
5. Агентство инвестиционного развития Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ipa-don.ru/offers/projects/koez/> (дата обращения 12.05.2008).

Регион: экономика и социология, 2008, № 3, с. 104–125

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛЕСНОЙ ОТРАСЛИ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЬЮНКТУРЫ

А.С. Липин, Е.А. Гайдук

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

Аннотация

На примере Сибири анализируется влияние изменения внешнеторговой политики России на состояние лесного комплекса макрорегиона. Акцент делается на рынке Китая как основного торгового партнера Сибири. Выполнен анализ равновесия спроса и предложения на китайском рынке круглого леса, сравнительной статике влияния тарифных ставок на продукцию лесного экспорта. Определены эффективные и неэффективные механизмы управления экспортом круглого леса. Дана оценка варианту развития отечественного деревянного домостроения как перспективного направления развития отрасли в условиях сохранения протекционистской торговой политики.

Ключевые слова: лесоперерабатывающий комплекс, протекционизм, тарифная политика, экспорт лесопродукции, Китай, система уравнений рыночного равновесия, малоэтажное деревянное домостроение, строительный холдинг

Лесной комплекс России – одна из самых экспортно-ориентированных отраслей ее экономики (экспорт леса занимает четвертое место после экспорта нефти, природного газа и металлов). При этом доля отрасли в общей добавленной стоимости незначительна. В лесном комплексе есть как типичные для многих отраслей проблемы (нехват-

ка инвестиций, устаревание мощностей, узость внутреннего рынка), так и специфичные (незаконные рубки, высокий уровень криминала и коррупции, неразвитость лесной инфраструктуры). Множество из этих проблем порождены отсутствием четких механизмов управления и эффективного регулирования.

Следствием внутренних проблем являются внешние. Основная – это асимметрия структуры экспортно-импортного баланса леса. Большая часть деловой древесины экспортируется, зачастую возвращаясь обратно в виде продукции с высокой добавленной стоимостью (подробнее см. [1]). Решение такого комплекса проблем не может быть простым, и начинать его надо сразу в нескольких направлениях. Государство в лице региональных администраций делало соответствующие попытки, но все они оказались безуспешными из-за высокого уровня коррупции на местах и пробелов в законодательстве.

С 2007 г. на федеральном уровне было решено влиять на отрасль с внешней стороны, постепенно закрыв экспортными пошлинами экспорт круглого леса (20% в июле 2007 г., 25% в апреле 2008 г., 80% в январе 2009 г.) и убрав пошлины на всю остальную лесную продукцию. Предполагалось, что рынок отреагирует на это размещением на территории России производств по переработке круглого леса. В реальности все обернулось иначе: внешние меры регулирования оказались низкоэффективными, а уже в среднесрочном периоде они являются негативными. Поэтому необходимо комплексное вмешательство в отрасль, один из вариантов которого будет проанализирован в статье. Будет рассматриваться лесная отрасль Сибири, а с точки зрения экспорта акцент будет сделан на Китае, так как он является крупнейшим импортером российского круглого леса, граница с этой страной протекает по обширной территории и реакция со стороны китайского бизнеса на изменения рыночной конъюнктуры быстрая и оптимальная.

ХАРАКТЕРИСТИКА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ ЛЕСОМ

Рынок Китая является устойчиво развивающимся со средним приростом объемов импорта хвойного круглого леса в размере 16% в год. Импорт пиломатериалов растет намного меньшими темпами (в сред-

нем 9% в год). Ситуация объясняется, с одной стороны, естественным желанием Китая приобретать сырье, а не готовую продукцию, оставляя основную часть производимой добавленной стоимости своей лесной отрасли. С другой стороны, это объясняется структурой потребления лесопроductии в Китае. Сейчас до 55% потребления хвойного леса в Китае приходится на строительство зданий (опалубка при монолитном домостроении) и деревянных конструкций в сельском хозяйстве (71% в 2002 г.) [2]. Это 36 млн куб. м леса, что превышает российский экспорт хвойных пород.

По данным таможенной статистики Китая, в структуре его импорта основным поставщиком остается Россия с долей 68%, далее идут страны Юго-Восточной Азии (12%). Доля России устойчиво растет после введения в Китае запрета на собственную лесозаготовку. В 2007 г. импорт круглого леса из России в Китай составил 25,4 млн куб. м круглого леса и 6,5 млн куб. м пиломатериалов. Если рассматривать долю России в импорте хвойных пород, то она еще больше и составляет 83% китайского импорта хвойного пиловочника. В 2007 г. из России было экспортировано в Китай 21 млн куб. м сосны, лиственницы и ели. Хвойных пиломатериалов было экспортировано в объеме 2,8 млн куб. м. Под этот поток российского леса в Китае на пограничных переходах созданы специальные экономические зоны по переработке круглого леса, там же осуществляются пиление и сушка леса.

Значимость лесной торговли с Россией для Китая велика, поэтому изменение рыночной конъюнктуры может серьезно сказаться на приграничном взаимодействии и российско-китайских взаимоотношениях и торговле вообще.

Защитные меры, предпринимаемые одной страной, обычно наталкиваются на ответную реакцию стран-контрагентов, особенно если протекционизм вводится в ключевых для торговли отраслях. Поэтому обычно получается комбинация различных инструментов внешнеэкономической политики, включая экспортно-импортные тарифы, торговые субсидии, квотирование экспорта и импорта, лицензирование внешнеэкономической деятельности, компенсационные экспортные требования и т.д.

Оценка эффектов изменения рыночной конъюнктуры – изменения степени протекционизма (тарифное и нетарифное регулирование), смены режимов торговой политики, влияния прочих неценовых факторов проводится на модели спроса и предложения. Рассмотрим ожидаемые качественные и количественные эффекты до оценивания модели.

Изменение условий торговли России и Китая с помощью наложения экспортного тарифа на внешнем рынке отражается на обеих сторонах рынка – и на спросе, и на предложении. В самой простой ситуации, когда ни у покупателя, ни у продавца нет рыночной власти, введение адвалорной пошлины означает падение предложения и переложение тарифной нагрузки на покупателя. В ситуации рыночного несовершенства, например при наличии рыночной власти у покупателя (импортера), часть тарифной нагрузки ложится на продавца (экспортера), снижая его прибыль. Если же сторона предложения при этом является совершенно конкурентной, то тариф может полностью элиминировать прибыль экспортера. На азиатских рынках (основных рынках присутствия сибирского круглого леса) наблюдаются обе ситуации. В Японии, где исторически сильны позиции покупателя вплоть до наличия скрытого картельного сговора, 20%-е повышение пошлины в июле 2007 г. полностью легло на плечи экспортера. Позиции экспортера ослаблены, так как сторона предложения на рынке Японии является конкурентной: по данным Дорожного центра фирменного транспортного обслуживания ОАО «РЖД», в первой половине 2007 г. индекс Херфиндаля – Хиршмана не превышал 500 (в январе 2007 г. – 266). Как следствие этого после июля 2007 г. на рынке Японии наблюдается не ожидаемое повышение, а понижение цены российского леса (рис. 1).

Тенденция понижения цены количественно объясняется несколькими факторами: во-первых, неявным картельным сговором на рынке Японии; во-вторых, падением спроса из-за затоваривания японских складов дешевым лесом до введения 20%-й пошлины; в-третьих, падением потребления из-за кризиса в японском домостроении. Все три перечисленных фактора очень хорошо количественно характеризуют контрциклическое падение цен на рынке после введения 20%-й пошлины.

Иная ситуация складывается на рынке Китая. Из-за географических размеров страны (длинная граница с Россией) и большого потен-

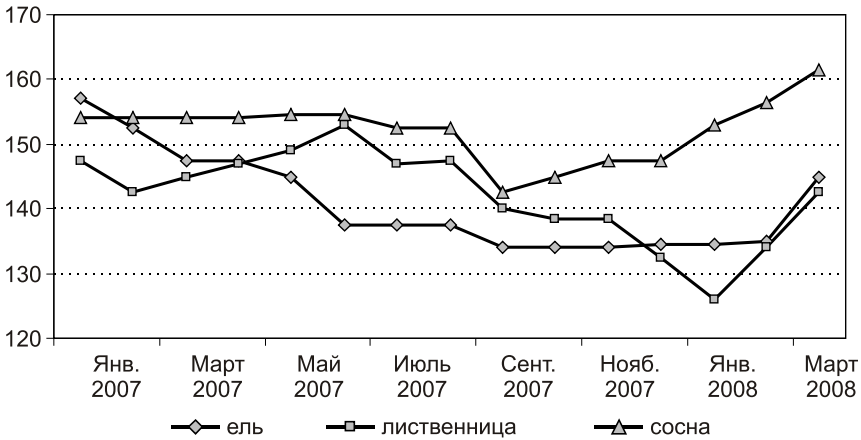

Рис. 1. Цена на условиях CIF в Японии на российский круглый лес, долл. США

Рассчитано по: Japan Lumber Report. – 2008. – No. 496. – P. 8.

циала потребления со стороны импортера это рынок совершенной конкуренции. Аналогичная ситуация имеет место для России: сторона предложения является, как и на рынке Японии, совершенно конкурентной. Микроэкономическая теория в этом случае предсказывает, что при введении экспортной пошлины произойдет повышение цен (при прочих равных условиях). Средняя цена хвойного круглого леса на условиях DAF на ст. Забайкальск осенью 2007 г. составляла в среднем 125 долл. США*. При 20%-й пошлине доход экспортера составлял

$$100 \text{ долл.} = 125 \text{ долл.} \cdot \frac{100\% - 20\%}{100\%}.$$

С учетом того, что себестоимость круглого леса, погруженного на вагон на станции отправления (регион Восточная Сибирь), на тот момент равнялась 50 долл. США, а средняя величина железнодорожного тарифа

* Здесь и далее источником конъюнктурной ценовой информации являются данные российских торговых компаний. Цена соснового круглого леса приводится для среднего диаметра 22–24 см и длины 4 м.

до ст. Забайкальск – 30 долл., прибыль экспортера составляла 20 долл. Это нормальная величина прибыли для экспорта леса без посредников.

В I квартале 2007 г. средние цены на условиях DAF на ст. Забайкальск равнялись 70–80 долл. США. С учетом того, что стоимость заготовки составляла 40 долл., а средний железнодорожный тариф – 25 долл., прибыль от экспорта была 5–15 долл. Это означает, что прибыль экспортера после введения пошлины не уменьшилась, т.е. пошлина была переложена на покупателя. Более того, можно точно показать, что пошлина была переложена на конечного потребителя (табл. 1).

Рентабельность лесопиления в Китае составляет всего 1,5%, маржинальный доход с 1 куб. м пиломатериала – 3,6 долл. США, что не позволяет в какой-либо степени покрывать экспортный тариф за счет китайского производителя. Это означает раскручивание инфляционной спирали в Китае при росте экспортной пошлины.

Качественный эффект в отрасли как для России, так и для Китая – уменьшение числа посредников, участвующих в экспорте и аккумулирующих часть прибыли. С ростом цен (после введения пошлины) посредники были естественным образом вытеснены из отрасли, – ина-

Таблица 1

Доходность лесопиления в Южном полушарии в 2007 г.*

Показатель	Юж. Африка	Бразилия	Чили	Нов. Зеландия	Австралия	Китай
Чистая стоимость леса (в 1 куб. м пиломатериала), долл. США	102,0	108,3	83,7	108,8	107,0	151,6
Себестоимость пиломатериала, долл. США	200,4	151,3	125,7	197,9	210,7	168,2
Цена FOB лесопилки, долл. США	244,6	142,0	148,0	209,8	212,5	171,8
EBITDA/продажи, %	18,1	–6,6	15,0	5,7	0,9	2,1
EBIT/продажи, %	15,9	–8,0	9,6	3,0	–3,7	1,5

* Рассчитано по: **Global Lumber/Sawnwood Cost Benchmarking Report 2007 / WOOD Markets Group, PricewaterhouseCoopers, Beck Group.** – P. 310.

че российские лесозаготовители получили бы меньше прибыли, а конечные китайские покупатели платили бы больше.

Второй этап повышения пошлины (на 25% с апреля 2008 г.) отражает ожидаемую тенденцию переноса пошлины на покупателя. Себестоимость (с доставкой) до ст. Забайкальск в мае 2008 г. составляла 90 долл. США. Нормальная прибыль в отрасли – 18 долл. Значит, с учетом пошлины цена продажи, сохраняющая нормальную прибыль экспортера, должна быть

$$144 \text{ долл.} = 108 \text{ долл.} \cdot \frac{100\% - 25\%}{100\%}.$$

Цена на условиях DAF на ст. Забайкальск в мае 2008 г. именно такова – 143–144 долл. США.

Таким образом, после вытеснения посредников и фиксации прибыли на уровне 18–20 долл. США ценовая динамика на рынке Китая полностью подтверждает тезис о том, что это рынок совершенной конкуренции и пошлина полностью перекладывается на китайского потребителя. С учетом этого можно рассчитать минимальную цену, покрывающую издержки на заготовку и транспортировку леса в январе 2009 г. Ставка экспортного тарифа будет составлять 80%. Поскольку стоимость леса на вагоне на станции отправления (регион Восточная Сибирь) осенью 2008 г. составит 60 долл. США, а средняя величина железнодорожного тарифа до ст. Забайкальск – 35 долл., себестоимость леса на ст. Забайкальск будет равна 95 долл. С учетом экспортной пошлины продажная цена должна быть не ниже

$$475 \text{ долл.} = 95 \text{ долл.} \cdot \frac{100\% - 80\%}{100\%}.$$

Стоимость на уровне 475 долл. США – это стоимость леса без учета прибыли. Если добавить минимальную прибыль в размере 5 долл. (хотя нормальная прибыль в экспорте круглого леса – около 18 долл.), то цена на условиях DAF на ст. Забайкальск должна быть не менее 500 долл.

С точки зрения микроэкономической теории введение мер нетарифного регулирования (квотирование, лицензирование) при полном знании рынков приведет к результатам, аналогичным тарифному регулированию. Более того, для каждого режима тарифной политики

можно подобрать соответствующий объем квот или лицензий, и наоборот. Если рассматривать эти меры с точки зрения общественной эффективности, то квотирование менее эффективно. Основная проблема заключается в поведении по типу *rent-seeking*, т.е. в снижении эффективности из-за манипулируемости механизма распределения ограниченного числа квот среди участников. Снижение эффективности применительно к российской действительности мы понимаем как процесс диссипации ренты. Именно поэтому квотирование запрещено законодательством ВТО. Так как Правительство России декларирует скорейшее вступление в ВТО, введение механизма квотирования экспорта нерационально.

Введение лицензирования экспорта (выдача разрешений нескольким крупнейшим экспортерам) наиболее вероятно приведет к увеличению доли посреднической продажи в экспорте, поскольку лицензированные экспортеры, оказывая подобные услуги, будут увеличивать свою прибыль. Этот механизм также порождает дополнительную неэффективность.

Таким образом, нетарифное регулирование не является подходящим механизмом. Поэтому количественно имеет смысл рассматривать только последствия тарифного регулирования.

ОЦЕНКА РАВНОВЕСИЙ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ

Оценим спрос Китая на российский круглый лес в линейно-логарифмической функциональной форме:

$$\ln(x_t) = c_1 + c_2 \ln(p_t) + c_3 \ln(R_t) + \varepsilon_t, \quad (1)$$

где x_t – объем экспорта, тыс. куб. м; p_t – цена, долл. США; R_t – доход, долл. США.

Фактор дохода введен для отражения неценовых детерминант спроса, которые определяют движение кривой спроса. Доход восстанавливался как расход репрезентативного потребителя, что является следствием из соотношений двойственности задачи потребителя (подробнее см. [3]).

Доход в уравнении (1) является эндогенной переменной, так как определяется из равновесия спроса и предложения, и прямое оценивание параметров уравнения (1) приводит к их смещенности и несостоятельности. Поэтому необходимо доход моделировать в отдельном уравнении и оценивать систему

$$\begin{cases} \ln(x_t) = c_{11} + c_{12} \ln(p_t) + c_{13} \ln(R_t) + \varepsilon_{1t} \\ \ln(R_t) = c_{21} + c_{22}t^{0,5} + \varepsilon_{2t} \end{cases} \quad (2)$$

Система (2) является точно идентифицируемой. Преобразовав ее в приведенную форму и оценив с помощью МНК, можно однозначно восстановить ее параметры. Преобразовав структурную форму (2) к приведенной и добавив уравнение для предложения, получим оценку системы (табл. 2).

Таблица 2

Оценка спроса Китая на круглый лес

Параметр	Оценка	Стандартная ошибка	t-статистика	Вероятность
$b(11)$	2,34	0,13	17,99	0,00
$b(12)$	-1,06	0,49	-2,20	0,03
$b(13)$	2,34	0,14	17,21	0,00
$b(21)$	-0,66	0,36	-1,86	0,07
$b(22)$	2,34	0,13	17,99	0,00
$b(31)$	4224,96	2853,75	1,48	0,21
$b(32)$	185,3	34,95	5,30	0,01
Уравнение: $\ln(x_t^D) = b_{11} + b_{12} \ln(p_t) + b_{13} t^{0,5}$				
Скорректир. R^2	0,965			
Уравнение: $\ln(R_t) = b_{21} + b_{22} t^{0,5}$				
Скорректир. R^2	0,964			
Уравнение: $x_t^S = b_{31} + b_{32} p_t$				
Скорректир. R^2	0,875			

Как видно из табл. 2, спрос и предложение оценены качественно: все регрессоры (кроме констант) значимы на 5%-м уровне, коэффициент детерминации высокий. Соответствующая оценка восстановленной системы спроса и предложения будет следующей:

$$\begin{cases} \ln(x_t^D) = 7,21 + 1,07 \ln(p_t) + 0,99 \ln(R_t) \\ x_t^S = 4225 + 185 p_t \end{cases} \quad (3)$$

Спрос изоэластичный, эластичность спроса по цене (как маршаллианская, так и хиксианская) отрицательная, т.е. круглый лес как товар является нормальным.

С использованием данных китайской таможенной статистики на рис. 2 оценены спрос на круглый лес и предложение на рынке Китая в 2007 г. Как видно из динамики равновесий, спрос Китая на российский круглый лес ежегодно устойчиво растет. Среднегодовой темп роста в 1998–2007 гг. составлял 28%.

Долл. США

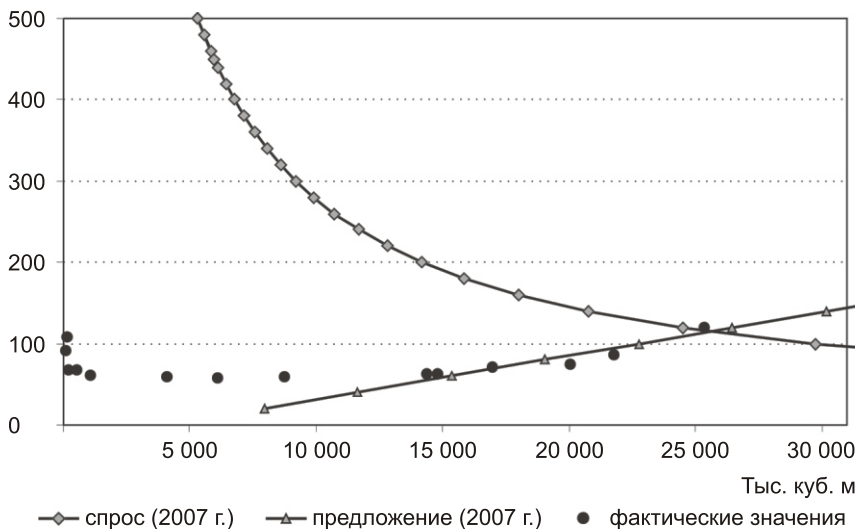

Рис. 2. Рыночные равновесия в 1994–2007 гг. и спрос Китая на круглый лес в 2007 г., долл. США за 1 тыс. куб. м

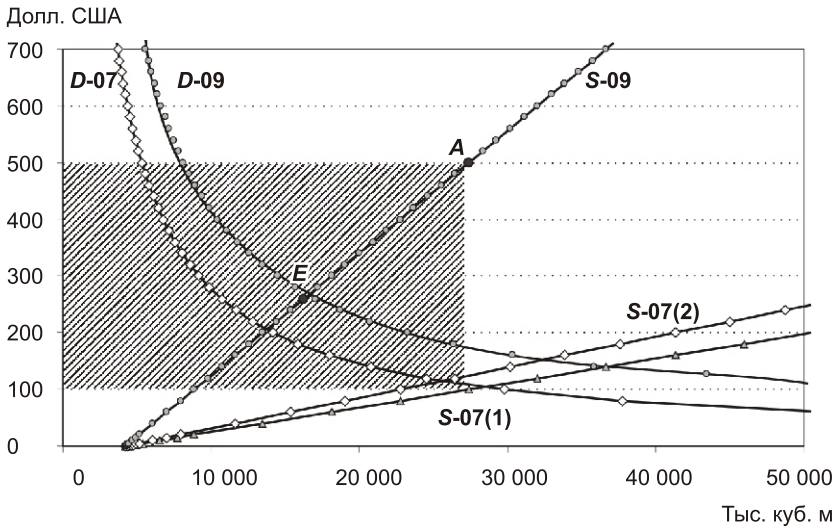

Рис. 3. Равновесия на рынке Китая в 2007 и 2009 гг.

Рассмотрим возможные равновесия на оцененной модели спроса на российский лес и его предложения на китайском рынке. Равновесие в 2009 г. – это точка *E*, пересечение прогнозного спроса – *D-09*, предложения после наложения 80%-й пошлины – *S-09* (рис. 3). Но равновесие реализоваться не может. Поскольку минимальная цена экспортера осенью 2008 г. на условиях DAF на ст. Забайкальск – 100 долл. США, достижима только точка *A*. Но прогнозируемый спрос *D-09* на 2009 г. намного ниже. Поэтому рыночное равновесие в точке *A* может реализоваться только в случае роста спроса Китая до этого уровня.

Объем потенциально аккумулируемой экспортной пошлины в точке *A* составляет 10,9 млрд долл. США, объем пошлины в 2008 г. прогнозируется в размере 0,91 млрд долл., т.е. рост составит 12 раз.

Цена в точке *A* – 500 долл. США за 1 куб. м российского хвойного круглого леса является для китайского рынка более чем высокой. В таблице 3 приведены цены на различные породы леса, импортируемые Китаем из России и других стран. Взяты рынки в провинциях Шандунь и Хэбэй, так как южнее лес со ст. Забайкальск уже не попадает из-за повышения логистических издержек.

Таблица 3

Цена 1 куб. м круглого леса в Китае, май 2008 г.

Район	Спецификация (длина, диаметр)	Цена, долл. США
<i>Дэчжоу (пров. Шандунь)</i>		
Лиственница (Россия)	6 м, 24–28 см	190
Сосна (Россия)	6 м, 24–28 см	184
Сосна (Корея)	4 м, 30 см	223
Сосна (Корея)	6 м, 30 см и более	231
<i>Шицзячжуан (пров. Хэбэй)</i>		
Сосна (Корея)	4 м, 38 см и более	238
Сосна (Монголия)	4 м, 30 см	187
Сосна (Монголия)	6 м, 30 см и более	195

Источник: **Tropical Timber Market Report**. – 2008. – No. 10. – P. 10.

Цена в Дэчжоу (провинция Шандунь) почти полностью совпадает с ценой на условиях DAF на ст. Забайкальск плюс железнодорожный тариф до ст. Дэчжоу и сопутствующие издержки (данные компаний). Поэтому можно сделать вывод о том, что цены хвойного круглого леса в Китае с учетом логистических затрат и градаций качества паритетны вне зависимости от происхождения товара и экспортера.

Таким образом, российский лес в Китае нельзя считать недооцененным. Цена в 500 долл. США является нереализуемой, что подтверждает модель. Вариант ее реализации – субсидия, стимулирующая рост спроса Китая (переход из точки *Е* в точку *А*). Для этого необходимо 6,7 млрд долл. Но величина этой потенциальной субсидии в 2 раза больше стоимости всего экспорта круглого леса в Китай в 2007 г., что с очевидностью делает эту меру нереальной.

Таким образом, введение 80%-й пошлины в январе 2009 г. обрушит китайский рынок. Рассмотренные рыночные меры саморегулирования и противодействия к значимым результатам не приведут.

Пошлина в размере 25%, введенная в апреле 2008 г., была поглощена китайским рынком и переложена на потребителя. Пошлина

в размере 80% является запретительной, и ее назначение неэффективно. Вопрос состоит в том, каков минимальный размер запретительной пошлины, который может быть назначен на китайском направлении. Для этого необходим анализ технологий производства.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (ТРАНСФЕР ПРОИЗВОДСТВ)

Рассмотрим ассортиментный ряд продукции механической переработки круглого леса по степени возрастания глубины передела (рис. 4). В рамках протекционистской политики России пошлиной облагается только продукт № 1 – круглый лес, а с прочих пошлина снимается полностью. Так как при 80%-й пошлине торговли не будет, импортер должен реализовать в России производство, выпускающее продукты № 2–7. Китайский импортер может организовать производство продуктов № 2–4 на территории России с очень небольшими затратами (стоимость необходимого китайского оборудования составляет 7 млн руб.). Также с относительно небольшими затратами на территории России можно будет организовать сушку досок (продукт № 5), но все это требует низкотехнологичного оборудования. Организация строгания досок (продукт № 6) – более дорогостоящий процесс, для которого необходимо специальное оборудование и который предъявляет более высокие требования к качеству исходных лесоматериалов. Сращивание пиломатериалов (продукт № 7) обычно организуется для повышения рентабельности производства через уменьшение отходов лесоматериала при пилении.

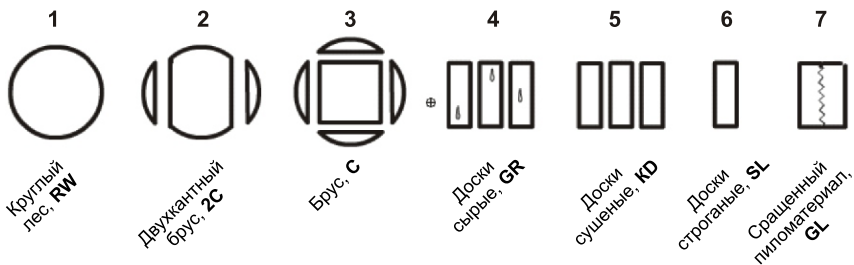

Рис. 4. Ассортимент продукции механической переработки круглого леса

Таким образом, для минимизации пошлин совсем не обязательно организовывать дорогостоящую глубокую переработку леса. Китайским компаниям проще всего привезти из Китая наиболее дешевое оборудование и заниматься пилением леса. Этому способствует официальная политика Пекина.

После введения Россией в 2007 г. 20%-й пошлины на экспорт круглого леса в Китае со второй половины 2007 г. идут серьезные изменения в лесном секторе. В первую очередь это структурные изменения в лесной отрасли:

- запрещены устаревшие технологии и оборудование;
- запрещены предприятия с небольшим объемом производства (менее 30 тыс. куб. м годового объема);
- происходит директивное закрытие предприятий с устаревшими технологиями.

Ориентировочное время проведения реформы – три-пять лет. Этот путь для Китая является наиболее оптимальным, так как сейчас лесная промышленность Китая, особенно в северных регионах страны, основана на мелких предприятиях с устаревшими технологиями. При критическом повышении пошлины они не смогут реализовывать на внутреннем рынке произведенную продукцию при таких высоких издержках закупки сырья.

Для сохранения устойчивости внутреннего рынка необходимо создать крупные высокоэффективные вертикально интегрированные деревообрабатывающие комплексы. В этом случае высокие закупочные цены на лес будут гаситься высокими ценами продажи конечной продукции глубокой переработки. Параллельно произойдет трансфер устаревших технологий с закрывающихся предприятий Китая в Россию для организации здесь низкотехнологичного пиления.

Рассмотрим модель потенциального предприятия, производящего продукты № 1–7. Предприятие может размещать производство на территории как России, так и Китая, первично обрабатывая круглый лес на российской территории и доделывая продукцию на китайской. Требуется найти оптимальное разделение производственных мощностей между Россией и Китаем. На входе, в России, покупается круглый лес, в Китай

Таблица 4

Технологические схемы размещения производства

Экспортный тариф на продукт	Конечный продукт технологии						
	RW	2C	C	GR	KD	SL	GL
τ_1	1 1	1 2	1 3	1 4	1 5	1 6	1 7
τ_2		12 2	12 3	12 4	12 5	12 6	12 7
τ_3			13 3	13 4	13 5	13 6	13 7
τ_4				14 4	14 5	14 6	14 7
τ_5					15 5	15 6	15 7
τ_6						16 6	16 7
τ_7							17 7

продается сделанная продукция. Ассортимент продукции – шесть переделов, поэтому всего возможно 28 технологических цепочек (табл. 4).

Прибыль предприятия определяется ценой продажи продукта в Китае, издержками, связанными с покупкой круглого леса, обработкой его в России, логистическими издержками, связанными с доставкой продукции в Китай, таможенными пошлинами и издержками обработки продукции на территории Китая. В рамках модели рассматривается более широкая тарифная политика, чем текущая, – допускается наложение экспортных тарифов на все виды продуктов.

Прибыль предприятия, производящего j -й продукт на территории Китая, в i -й момент времени

$$\pi_{i,jkl} = p_{ij}^d y_{ij} - c_{ijk}^d(y_{ij}) - t_{ik}(q_{ik}) - tr_i(q_{ik}) - p_{il}^u x_{il} - c_{ikl}^u(q_{ik}),$$

где p_{ij}^d – стоимость j -го продукта в i -й момент времени на китайском рынке; y_{ij} – объем j -го продукта, произведенного в i -й момент времени; $c_{ijk}^d(y_{ij})$ – издержки на производство j -го продукта из k -го продукта в i -й момент времени (в Китае), $j \geq k$, при $j = k$ $c_{ijk}^d(\cdot) = 0$; $t_{ik}(q_{ik})$ – экспортная пошлина на k -й продукт в i -й момент времени; q_{ik} – объем k -го продукта, используемого в i -й момент времени для производства

j -го продукта (в Китае); $tr_i(q_{ik})$ – транзакционные издержки (логистика и оформление); p_{il}^u – стоимость l -го продукта в i -й момент времени на российском рынке; x_{il} – объем l -го продукта, используемого в i -й момент времени для производства k -го продукта (в России); $c_{ikl}^u(q_{ik})$ – издержки на производство k -го продукта из l -го в i -й момент времени (в России), $k \geq l$, при $k = l$ $c_{ikl}^u(\cdot) = 0$.

Технологическая схема производства представлена на рис. 5. При переносе части производства из Китая на территорию России прибыль предприятия увеличится за счет снижения экспортных тарифов и транспортных издержек. Экспортный тариф снижается, так как через границу экспортируется не круглый лес, облагаемый максимальными пошлинами, а продукция более глубокого передела. Экономия на транспортных тарифах происходит из-за уменьшения объема продукции с увеличением глубины передела.

Решение о размещении части производства (производство k -го продукта из l -го) на территории России принимается, если экономия на издержках превысит инвестиции в организацию производства. Для этого сравниваются дисконтированные потоки прибыли и инвестиционных издержек.

Технически задача заключается в условной оптимизации прибыли по всем 28 вариантам (система взаимосвязанных задач) и определении оптимального размещения производства при заданных условиях. С другой стороны, решение позволяет определить точку безубыточности по каждому варианту в зависимости от величины экспортной пошлины, т.е. меняя тарифные ставки, можно управлять вариантами

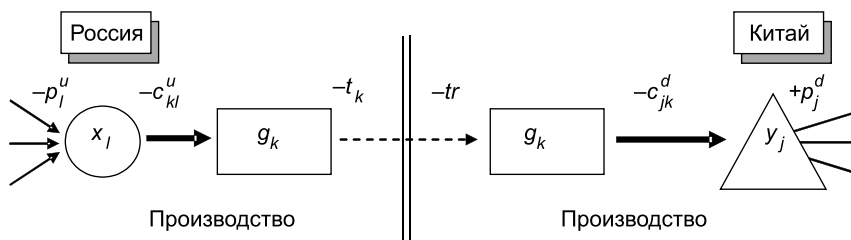

Рис. 5. Технологическая схема размещения производства продуктов № 1–7 на территориях России и Китая

размещения производства – запрещать с помощью экспортных тарифов одни технологические цепочки и стимулировать другие.

Проведенные расчеты по модели показывают, что запретительные ставки на экспорт продукции в Китай составляют: по круглому лесу – 47,6%, по двухкантному бруссу – 58,2, по бруссу – 64,6, по сырым доскам – 61,3, по сушеным доскам – 39,4, по строганым доскам – 32,0%. При запретительной пошлине по круглому лесу в размере 47,6% любой из шести рассмотренных вариантов производства продукции в Китае из импортируемого круглого леса принесет нулевую рентабельность.

Оптимальная реакция рынка – делать в России брус, вывозить его в Китай, а там изготавливать из него строганные доски и продавать. Но экспорт бруса мало чем отличается от экспорта круглого леса, так как делают брус на низкотехнологичных китайских пилорамах.

В России заводы по производству хотя бы сушеного строганого пиломатериала не появятся при наличии намного более рентабельных примитивных производств.

При обобщении оцененных эффектов становится очевидным, что если рассматривать протекционистскую политику комплексно, то ее влияние на развитие лесной отрасли совсем не однозначно. После провозглашения Россией протекционистской стратегии Китай начал реформирование своей лесной отрасли, переходя на современные производства. Освобождающиеся дешевые технологии будут перенесены в Россию, массового производства не появится из-за структуры потребления Китая. Сегодня в Китае не существует унификации размеров пиломатериалов, поэтому любое массовое производство в России наткнется на отсутствие массового спроса. В Китае производимыми продуктами будут брус или пиломатериалы в небольших объемах (до 80 тыс. куб. м готовой продукции). Так как работать будут в основном китайские рабочие, достигнутый эффект для России будет очень мал.

С другой стороны, приграничные северо-восточные китайские территории, которые с 1998 г. планомерно осваивали растущие объемы российского экспорта круглого леса, автоматически превратятся в депрессивные. Анализ показывает, что цена импорта после введения 80%-й пошлины будет однозначно запретительной, а вероятность того, что китайское правительство даст субсидию в размере 6,7 млрд долл. США, более чем мала.

Проблема заключается в том, что со стороны Китая массовый трансфер дешевых технологий еще не начался, а замена российскому лесу (68% импорта) не так быстро найдется, хотя движение в эту сторону идет. Например, в мае 2008 г. Китай и Новая Зеландия заключили Соглашение о свободной торговле, предусматривающее двустороннюю отмену торговых пошлин по ряду товаров. В том числе до 2019 г. будут отменены импортные пошлины на экспорт леса в Китай, что, безусловно, увеличит экспорт Новой Зеландии в эту страну [4]. Но доля Новой Зеландии в китайском импорте в 20 раз меньше российской.

Важнее замена российского леса в долгосрочном периоде. Использование российского леса в строительстве идет в основном в низкотехнологичной нише, что удешевляет стоимость строительства для Китая, где низок уровень душевых доходов. Поэтому при повышении пошлин на круглый лес до 80% неизбежно произойдет переход на использование возобновляемых материалов для опалубки (ламинированная фанера, металлическая опалубка), изменится технология строительства в сельском хозяйстве. Следствием будет падение спроса на российскую древесину, что станет серьезным ударом для лесодобывающих регионов, в особенности моноотраслевых [5].

Итак, внешний рынок с 2009 г. оказывается закрытым, но внутренний российский рынок не готов к потреблению продукции лесного комплекса. Развития внутренних мощностей по механической переработке не наблюдается, но даже если бы так оно происходило, отраслей, потребляющих пиломатериал в таком объеме, сегодня в России не существует. Именно поэтому инвестиционные проекты в лесной отрасли с 2007 г. в массе своей связаны с развитием ЦБК, т.е. химической переработки. Такая инвестиционная асимметрия объясняется тем, что при узости внутреннего рынка и закрытии экспорта круглого леса, цена в России на него резко упадет, что удешевит производство целлюлозы, пользующейся спросом во всем мире.

Одним из путей повышения спроса на внутреннем рынке является развитие деревянного домостроения. При фиксации пошлины на уровне 25% китайский бизнес готов покупать российский лес (запретительный уровень – 47%). Китайские территории не будут стагниро-

вать, и Китай не станет предпринимать ответных мер. У России не будет препятствий для вступления в ВТО.

Аккумулировав пошлину в отдельном фонде, ее можно будет направить на развитие деревянного домостроения. Этим решится сразу несколько проблем: начнет развиваться глубокая механическая лесопереработка (производство сушеного строганого пиломатериала, фанеры, MDF, OSB, LVL, бруса, композитных конструкций и т.д.); начнется развитие внутреннего рынка потребления круглого леса; малоэтажное деревянное домостроение поможет решению жилищной проблемы и т.д.

РАЗВИТИЕ ДОМОСТРОЕНИЯ В РОССИИ

Одним из путей увеличения удельной обеспеченности граждан жильем к 2020 г. в размере 35 кв. м на человека может стать создание домостроительных предприятий. При сохранении пошлины на экспорт круглого леса на уровне 25% сумма средств, получаемая федеральным бюджетом от торговли этим товаром, является достаточной для стартового развития данной отрасли, которая в течение пяти лет становится самодостаточной. В соответствии с прогнозом объемов потребления круглого леса Китаем при условии сохранения экспортной пошлины на уровне 25% рассчитаны поступления в бюджет от взимаемой пошлины (табл. 5).

Аккумулированные средства направляются на сооружение домостроительных комбинатов. Стоимость одного домостроительного предприятия оценивается в 24,7 млн евро. Дисконтированный период окупаемости такого комбината составляет 59 месяцев со средней нормой рентабельности 35,2%. Величина производственных мощностей каждого из домостроительных предприятий по годам реализации проекта показана в табл. 6.

Расчетное количество домостроительных комбинатов, строительство которых финансируется за счет пошлины, составляет: в 2008 г. – 25, в 2009 г. – 28, в 2010 г. – 31, в 2011 г. – 34, в 2012 г. – 37, в 2013 г. – 41.

Расчетные цены реализации и себестоимости производства одного каркасного деревянного дома – соответственно 580 и 680 евро за

Таблица 5

**Отчисления от экспортной пошлины на круглый лес на китайском
направлении в 2008–2013 гг.**

Год	Объем экспорта, млн куб. м	Цена, долл. США	Объем экспорта, млрд руб.	Отчисления в бюд- жет, млрд руб.
2008	25,60	143	86,39	21,60
2009	27,39	153	98,89	24,72
2010	28,40	163	109,23	27,31
2011	29,32	173	119,69	29,92
2012	30,17	183	130,29	32,57
2013	30,96	193	141,04	35,26

Таблица 6

Мощности домостроительного комбината по годам реализации проекта

Показатель	Год реализации проекта					
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й
Произведено домов, шт.	0	225	340	480	500	500
Построено площадей, кв. м	0	36 000	54 400	76 800	80 000	80 000

1 кв. м [6], что намного дешевле, чем прочее домостроение. Поэтому при наличии обозначенного дефицита в жилищном секторе вопрос о потенциале спроса не возникает. В таблице 7 приведен расчет прибыли предприятия по годам реализации проекта.

Прибыль домостроительных предприятий может быть использована на различные цели. Она может быть направлена на самоокупание проекта, т.е. в бюджет, либо на дальнейшее развитие домостроительной отрасли. Если вся прибыль будет направляться на строительство новых предприятий, то к 2013 г. будут получены результаты, представленные в табл. 8. За пять лет, таким образом, может быть создано 207 домостроительных предприятий.

Эффекты от реализации предложенной программы являются разноплановыми. При выходе каждого из 207 созданных домостроительных

Таблица 7

Прибыль и налоговые отчисления комбинатов по годам реализации проекта, млн руб.

Показатель	Год реализации проекта					
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й
Прибыль до налогообложения	0	125,0	188,8	266,6	277,7	277,7
Налог на прибыль	0	30,0	45,3	64,0	66,6	66,6
Прибыль после налогообложения	0	95,0	143,5	202,6	211,0	211,0

Таблица 8

Результаты развития домостроительной отрасли при реинвестировании прибыли предприятий в ее развитие

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013	Итого за 5 лет
Построено заводов, шт.	25	56	94	144	207	207
Поступления от прибыли, тыс. руб.	2,37	6,53	13,12	21,76	32,67	76,46
Налог на прибыль, тыс. руб.	0,75	2,06	4,14	6,87	10,32	24,15
Произведено домов, тыс. шт	5,63	15,48	31,09	51,55	77,42	181,16
Произведено домов, млн кв. м	0,90	2,48	4,97	8,25	12,39	28,98

предприятий на проектную мощность в 500 домов в год (к 2013 г. на проектную мощность выходят только 56 предприятий, созданных в 2009–2010 гг.) будет производиться в год 103,5 тыс. домов общей площадью 16,6 млн кв. м. В целом в 2009–2013 гг. будет создано 28,9 млн кв. м жилья, что покроет 7,42% дефицита жилья (при норме обеспечения жильем 35 кв. м на 1 чел.) в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах по данным 2006 г. (сегодня он составляет 390,8 млн кв. м).

Таким образом, к 2013 г. экологически чистым доступным жильем может быть обеспечено 828,1 тыс. чел., или около 236,6 тыс. семей. Также к 2013 г. будет создано 43,8 тыс. рабочих мест (без учета сетей сбыта) в регионах с низким уровнем занятости (регионы, где происходит заготовка леса, – это позволит снижать затраты на сырье за счет низкой логистики).

Поступления в бюджет за счет налога на прибыль домостроительных предприятий составят за пять лет 24,2 млрд руб. Потребление круглого леса на строительство домов за пять лет составит почти 43,5 млн куб. м (30% от общего экспорта в Китай в 2009–2013 гг.), что позитивно скажется на структуре экспортно-импортного баланса.

Создание подобного масштабного домостроительного государственного холдинга, безусловно, монополизирует отрасль, поэтому по истечении шестилетнего срока, когда все механизмы будут отработаны, а продукция будет пользоваться устойчивым спросом, предполагается продажа этого холдинга по частям.

Расчет стоимости на основании сравнительного анализа финансовой отчетности международных лесоперерабатывающих компаний («Weyerhaeuser Co.», «Sumitomo Corp.», «Stora Enso Oyj», «International Paper» и др. [7]) говорит о том, что возможно будет получить 327 млрд руб. С учетом того, что объем пошлины за это время составит 171 млрд руб., государство эффективно вложит средства. Если сравнить с доходами от экспорта, то они составят за этот период 10,3 млрд руб. Эффективность предложенного проекта очевидна уже из этих сравнений, даже если не учитывать прочие перечисленные эффекты.

Литература

1. **Липин А.С., Эскин В.Н.** Регулирование лесного экспорта // ЭКО. – 2007. – № 3. – С. 72–91.
2. **State Forestry Administration.** China Forestry Development. – Beijing: China Forestry Publishing House, 2003.
3. **Липин А.С.** Оценка спроса на российский лес на азиатско-тихоокеанском рынке: методические подходы // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 2. – С. 89–104.
4. **Tropical Timber Market Report.** – 2008. – № 10.
5. **Блам Ю.Ш., Гвоздева Г.П., Гвоздева Е.С. и др.** Лесные поселки малолесных районов Западной Сибири в новых условиях хозяйствования // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 4. – С. 80–94.
6. **Вертикальная интеграция предприятий ЛПК и предприятий по производству деревянных домов: предпосылки и стратегия развития.** – СПб.: ООО «ЛесИнформКонсалт», 2006.
7. www.bloomberg.com (дата обращения 16.06.2008).

Регион: экономика и социология, 2008, № 3, с. 126–146

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

О.Э. Бессонова

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

Аннотация

В контексте общей теории институциональных трансформаций показано, что на современном этапе развития государство эволюционирует в такую общественную систему, в которой экономическая эффективность находится в балансе с принципами социальной справедливости, а основой такой гармонизации выступает созданная на базе сочетания рыночных и раздаточных механизмов институциональная система, позволяющая максимально полно использовать и приумножать человеческий потенциал страны. Эта эффективная система выстраивается с двух сторон: рыночная экономика Запада с XX в. модифицировалась в «социальный рынок», а раздаточная экономика России с 2000-х годов трансформируется в «либеральный раздаток».

Ключевые слова: институциональная трансформация, цивилизационное развитие, социальный рынок, либеральный раздаток, служебный контракт, государственные корпорации, стратегическое планирование, проектный подход, бюджетный хозрасчет

Главная характеристика современного этапа институционального развития России связана с изменением в экономике позиции государства, которое из стороннего наблюдателя вновь превращается в актив-

ного экономического субъекта. Новые функции государства повлекли за собой существенную модификацию «правил игры» и формирование иной по сравнению с 90-ми годами институциональной системы. В связи с этим на повестку дня в экономической и социологической науке в очередной раз поставлен вопрос о сущности государства, его функциях в экономике и месте в обществе. «Общее место» мейнстрима* экономической теории состоит в замалчивании фактической роли государства в становлении и поддержании рыночного порядка в прошлом и активного хозяйственного вмешательства государства в регулирование рынка в настоящем. И те, кто пытается осмыслить этот феномен через категорию «социальное государство», сталкиваются с жестким сопротивлением сторонников экономического мейнстрима. Однако с помощью общей теории институциональных трансформаций удастся выявить реальную роль государства как в рыночной, так и в раздаточной среде [1–4].

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ РАЗДАТОК – ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА НОВОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Механизм либерального раздатка строится на служебных контрактах, конкурсных торгах, государственном заказе. Эти черты нового раздатка обеспечат соревновательность, конкурентный механизм, эффективную селекцию при выборе тех или иных организаций, что будет способствовать оптимизации стратегических решений [5].

Основным документом, регламентирующим взаимоотношения между государственным заказчиком и подрядчиком, должен стать **контракт**, заключаемый на весь период реализации инвестиционно-го проекта. В контракте четко фиксируются обязательства подрядчика по сдаче объекта в эксплуатацию и обязательства государства по финансированию. При этом смета должна рассматриваться исключительно как составная часть **конкурсной** документации при проведении **подрядных торгов**. Важная особенность контрактов в либеральном раздатке – их служебный характер. Это означает прежде всего то,

* Мейнстрим (от англ. *mainstream* – главное течение) экономической науки – ее теоретическое ядро.

что одним из участников контракта являются либо государственные органы в качестве заказчика, либо государственные предприятия (корпорации) в качестве подрядчика. Служебный контракт содержит в себе правила функционирования объектов государственной собственности (нормативы, стандарты, правила расходования бюджетных средств), в нем определяются норма рентабельности и цены.

Распорядители бюджетных средств будут наделены полномочиями **самостоятельно** определять формы финансового обеспечения и способы предоставления государственных услуг, включая их предоставление на основе **государственного заказа**. Кроме того, в пределах сметы уже позволено вводить системы оплаты труда, отличные от Единой тарифной сетки. Применение таких методов должно обеспечить соответствие качества труда работника и уровня его оплаты в бюджетной сфере. Фактически выстраивается новый хозяйственный механизм: бюджетные ресурсы выделяются в нормативном объеме под результат, зафиксированный в служебном контракте, и в отличие от советского раздатка предоставляется свобода выбора в расходовании денежных средств в интересах повышения эффективности деятельности организации. Эта новая модель и является собой тот искомый вариант «хозрасчета» в рамках целостного экономического организма, при котором самостоятельность базовых хозяйственных единиц сочетается с едиными стандартизованными правилами в общегосударственном масштабе.

В рамках национальных проектов предпринимается попытка снять ограничения Единого тарифного кодекса: повышение заработной платы происходит не по должностной сетке с сохранением пропорций между тарифными уровнями (что каждый раз раскручивает инфляцию), а по «узким местам», например участковым врачам, детским врачам, врачам общей практики, медсестрам, работникам скорой помощи. Механизм расходования бюджетных средств не по штатному расписанию, а в соответствии с реальным вкладом каждого участника в достижение поставленной цели – главная проблемная зона выстраивания либерального раздатка в России. Попытка ввести «коэффициент трудового участия» в рамках единого тарифного расписания в период советского раздатка 80-х годов привела лишь к еще

большим деформациям в оплате труда и перекачиванию средств с уровня низовых работников на уровень управленческого звена.

Делалось это довольно просто: незаполненные места в штатном расписании распределялись между имеющимся персоналом, однако доплаты за совмещение ставок составляли гораздо меньшую сумму, чем та, которая должна была соответствовать количеству замещаемых мест. К примеру, сантехник в ЖЭУ, «закрывающий» три или четыре ставки получал оплату не более чем в 1,7 раза выше стандартной (плюс некоторые добавки). В результате образовывалась «экономия фонда оплаты труда», которая и подлежала распределению между занятыми работниками по КТУ [6]. До этого момента практика не противоречила теоретическим предложениям советских экономистов, бившихся над проблемой увязывания качества и количества труда с его оплатой. Однако вот что происходило далее: в число тех, кому распределялась экономия фонда оплаты труда по КТУ, входили и управленцы соответствующей низовой хозяйственной ячейки. При этом КТУ определялся уровнем оплаты труда по тарифной сетке, в которой уже была заложена четырехкратная дифференциация. В итоге львиная доля экономии фонда оплаты труда перекачивалась в фонд оплаты труда управленческого звена.

Подробное напоминание этого дефектного механизма советского раздатка в настоящий момент имеет особое значение, поскольку на первый план выходят преобразования в социально-бюджетной сфере. Именно выработка новой институциональной модели, которая блокирует «бюрократический перераспределительный» механизм, сохраняющий свои корни до сих пор, является стратегической задачей перехода от устаревшего неэффективного раздатка советских времен к либеральному раздатку. Эта блокировка важна для формирования у всех работников мотивации на конечный результат и производительный труд.

При реализации национальных проектов отлаживается новый механизм раздачи ресурсов тем, кто будет осуществлять эффективные способы деятельности, выборочно и достойным, а не «всем сестрам по серьгам», как это было в советское время. В рамках проекта «Образование» стали выделяться гранты лучшим учителям, гранты школам,

в которых внедряются передовые методики обучения, гранты и стипендии талантливой молодежи, гранты вузам, ведущим активную инновационную деятельность.

Государство вновь признает свою ответственность в создании социальной инфраструктуры развития общества. Намечено оснащение поликлиник новым диагностическим оборудованием, а школ – учебным оборудованием, запланированы закупка современных машин скорой помощи и школьных автобусов для села, строительство новых федеральных центров по оказанию высокотехнологичной медицинской помощи, интернетизация школ. Государство также берет на себя функцию создания инновационных центров развития, таких как национальные университеты, технопарки, наукограды, бизнес-школы по подготовке топ-менеджеров как для частных компаний, так и для государственного управления.

Внедряемая система одноканального финансирования в сфере здравоохранения и система нормативно-подушного финансирования в сфере образования имеют целью увязку между результатами деятельности учреждения и суммой выделяемых ему средств. Либеральный раздаток в здравоохранении означает по-прежнему «бесплатное» (через систему налогообложения) предоставление медицинских услуг в размере, определяемом государственным социальным пакетом. В отличие от советского раздатка теперь гражданин будет иметь право выбора участкового врача, поликлиники, больницы, страховой компании. Сохранится сектор платной медицины по всем видам медицинских услуг в частных клиниках для высокодоходных групп населения. Вне государственной сферы бесплатного обеспечения останутся услуги, связанные с личным потребительским вкусом, повышенным качеством и не входящие в базовый социальный стандарт (косметология, борьба с лишним весом, люксовое протезирование, пластическая хирургия и т.д.).

Либеральный раздаток в образовании также предполагает бесплатное обязательное среднее образование и наличие бюджетных мест в высших учебных заведениях, что повлечет за собой возрождение механизмов распределения выпускников на хозяйственные объекты, определяемые насущными потребностями государства, на срок

до двух-трех лет. Но по сравнению с раздаточными механизмами советского периода изменятся принципы финансирования: средства образовательных учреждений будут формироваться не по затратным нормативам, а по количеству обучаемых и распределяться между субъектами образовательного процесса (педагогами и др.) по качеству подготовки учащихся.

А каким будет жилищный сектор в экономике либерального раздатка? В Минрегионразвития разработан проект Долгосрочной стратегии массового строительства жилья для всех категорий граждан, рассчитанной до 2025 г. и предусматривающей широкомасштабное строительство социального, индивидуального и наемного жилья. В основе стратегии лежит раздаточный механизм: муниципалитет будет формировать заказ строительным компаниям, оплачивать их услуги за счет госкредитов, выдаваемых на срок до 50 лет, а затем распределять жилье среди нуждающихся. При этом подрядчикам придется выиграть лишь один конкурс – на строительство жилья определенного качества и цены. Согласно этой программе социальный сектор будущей жилищной системы вновь займет значимое место: на социальный наем будет приходиться до 80% сдаваемых площадей.

Если сравнить проектируемый в данном документе жилищный сектор с существовавшим в советский период, то видно, что в будущей жилищной системе доминирует тот же раздаточный принцип. Однако это уже качественно иной жилищный раздаток, учитывающий все категории населения в соответствии с их платежеспособностью и выстраивающий различные механизмы обеспечения жильем для разных доходных групп. Уже разрабатываются и внедряются новые формы предоставления служебного и ведомственного жилья.

Либеральный раздаток в жилищной сфере позволит решить проблемы, которые не мог решить раздаток советского периода. Если вспомнить ситуацию 20-летней давности, текучесть кадров напрямую была связана с предоставлением жилья: обещая жилье, кадры «переманивали» во вредные и трудозатратные производства. Как широко известно, после получения жилья через два-три года работник увольнялся, сохраняя его за собой, и искал менее напряженное место работы. В связи с этим жилье стали выделять после все более длительного

срока «стояния» в ведомственной очереди. Фактически жильем работник стал «награждаться» за нелегкий и добросовестный многолетний труд, срок которого в связи трудовым дефицитом все увеличивался (с 8 лет до 12, а порой и до 18). При этом, работая на предприятии, семья вынуждена была жить в тяжелых жилищных условиях (в бараках, с родителями или снимая у «бабушек»).

Как может изменить эту ситуацию либеральный раздаток в жилищной сфере? Его ключевым компонентом будет социальная и служебная ипотека при сохранении прямой раздачи жилья социально незащищенным группам населения (инвалидам, ветеранам и др.) и лицам, состоящим на военной службе у государства (войска, внутренние органы правопорядка и т.д.). Социальная и служебная ипотека должна «развязать узлы» старого раздатка. Работник сразу получает жилье в ипотеку от предприятия или организации под низкий процент (в случае социальной ипотеки) или без процента (в случае служебной ипотеки) под условие его работы в течение определенного периода, фиксируемого как в ипотечном контракте, так и в трудовом договоре.

За период отработки при условии рождения детей предприятие погашает задолженность нанятого работника в определенных пропорциях. А поскольку он уже живет в приличном жилье, высока вероятность регулярного прибавления семейства, что стимулируется не только жилищными условиями, но и бонусами демографической государственной программы. В конце трудового срока, установленного договором, жилье переходит в собственность работника, и он может распоряжаться им по своему усмотрению, как и своей рабочей силой, т.е. имеет выбор: либо остаться на данном предприятии, либо устраивать свой карьерный рост соответственно своим способностям или потребностям (часто жилищные стратегии заставляют пренебрегать собственными творческими способностями в связи с обязательствами перед семьей и детьми). Если же работник решил разорвать отношения с предприятием раньше срока, то остаток суммы по ипотеке ему придется выплачивать по рыночной стоимости квадратного метра и коммерческой процентной ставке, что должно быть оговорено в трудовом договоре в момент его заключения.

Другими словами, старый раздаток «мучился» из-за неявно сформулированных «правил игры» в жилищной сфере, в рамках которых жилищные стратегии основных игроков (предприятий, государства и работников) были зачастую «остро перпендикулярны», что вызывало конфликтность, непрекращающийся поток жалоб и низкую трудовую мотивацию. Новый либеральный раздаток в жилищной сфере обеспечит ясными правилами всех ее субъектов на основе апробированных в трансформационную фазу институтов частной ипотеки, которые будут преобразованы в социальную и служебную ипотеку. Частная ипотека сохранится для обеспеченных слоев населения, приобретающих второе или дополнительное жилье в качестве инвестиций в недвижимость.

Просматривается модель либерального раздатка и в науке. Вместо бюджетного распределения средств, строго расписанных по статьям расходов на основе пятилетних планов научно-исследовательских работ, как это было в советский период, вводится субсидиарное финансирование под фундаментальные проекты на конкурсной основе. В рамках проектных средств руководитель сам определяет направления их расходования с целью достижения поставленных задач самым эффективным способом, с учетом конкретной обстановки и специфики научного характера деятельности. Эта модель позволяет совместить полную научную самостоятельность с единой системой управления научно-исследовательской деятельностью, что даст возможность концентрировать средства на важнейших направлениях развития науки. Уже введены изменения в оплате труда научных сотрудников: она будет включать дополнительные бонусы за публикации в рецензируемых журналах, участие в интеграционных проектах и т.д. Другими словами, будет стимулироваться результативность научного труда, а не только сам факт научного процесса, зафиксированного в разрядной тарифной системе.

Проектный подход станет одним из основных механизмов либерального раздатка. Национальные проекты – это начальный этап выстраивания отношений по типу либерального раздатка в бюджетной сфере: российское государство после трансформационной фазы активно вмешалось в дела каждой из социальных сфер с целью «заткнуть» самые большие прорехи, но главное, найти те формы, которые

обеспечат эффективный механизм функционирования. С их помощью осуществляется переход к единой стратегической программе развития страны, разложенной на плановые средне- и краткосрочные действия в форме проектов. Фактически проектный подход – это интегральная форма эффективного использования ресурсов для реализации поставленной цели, использующая программно-целевой подход в виде региональных комплексных программ и территориально-производственных комплексов, идеи которых были развиты еще в советские времена выдающимися сибирскими экономистами.

К институциональным инновациям, экспериментально опробуемым в рамках национальных проектов, относятся

- родовые сертификаты и материнский капитал;
- государственная поддержка молодым семьям и молодым сельским специалистам в приобретении жилья или строительстве индивидуального жилья с помощью ипотечных кредитов;
- предоставление государственных гарантий по кредитам на обеспечение земельных участков коммунальной инфраструктурой и субсидирование процентной ставки по таким кредитам;
- развитие инфраструктуры рынка ипотечных ценных бумаг и рефинансирования ипотечных жилищных кредитов.

К новым организационным формам, способным переломить негативные экономические тенденции, относятся Банк развития и внешне-экономической деятельности, Инвестиционный фонд РФ, Стабилизационный фонд РФ, преобразованный в Резервный фонд и Фонд будущих поколений, Российская венчурная компания, система Федерального казначейства, осуществляющая в соответствии с едиными стандартами и процедурами кассовое обслуживание исполнения бюджетов.

В экономике либерального раздатка функции государства существенно изменяются: от роли производителя ресурсов, когда оно напрямую участвует в производстве товаров и услуг, государство переходит к роли заказчика, когда субъекты экономической деятельности сами могут планировать свою деятельность, ориентируясь на заказ государства, при этом государство выступает двигателем идей и координатором действий других субъектов экономики. Уже в настоящее

время реализация приоритетных проектов привела к долгосрочному планированию и бюджетированию [7]. Короткие горизонты планирования – это существенный признак неэффективности государства в создании условий для нормальной долгосрочной экономической деятельности. Вот почему в государственных программах и правительственных документах уже очень часто возникают слова «план», «план социально-экономического развития» [8].

Планирование в условиях либерального раздатка будет существенно отличаться от предыдущего опыта. В его рамках не будет больше предписываться выполнение сотен тысяч параметров, включая номенклатуру товаров в торговле. Новое планирование создаст стимулы для оптимизации бюджетных расходов, поскольку при среднесрочном прогнозировании повышается гарантия стабильности финансирования действующих обязательств государства, в том числе капитальных расходов. «Успех может быть достигнут... путем создания системы стратегического (индикативного) планирования» [9, с. 21].

В экономике формирующегося либерального раздатка будут использоваться институциональные формы, заимствованные из западной экономической системы и апробированные в период рыночных трансформаций в России. Такой важной институциональной инновацией являлась частная корпорация в ее зрелой мультидивизионной форме [10]. Но перенесенная в российскую реальность, она была преобразована в государственные корпорации, в которых рыночно-ориентированный хозяйственный механизм совмещен с национальными интересами, что воплощено в их государственном статусе. Именно госкорпорации станут доминирующей организационной формой либерального раздатка.

Перинатальная фаза закончится, когда найденная новая организационно-правовая форма станет воспроизводственной основой нового институционального цикла. На эту роль как раз и претендует государственная корпорация с отработанными в трансформационную фазу механизмами вертикальной интеграции, контрактной моделью трудовых отношений и договорными механизмами межхозяйственных связей. С 2010-х годов Россия войдет в структурированную стадию либерального раздатка, лежащего в основе интегральной формации, в рам-

ках траектории развития цивилизационных матриц с раздаточным институциональным ядром. Этот тип экономики синхронен экономике социального рынка, реализуемой рыночными цивилизационными матрицами со второй половины XX в.

СОЦИАЛЬНЫЙ РЫНОК КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЕЛИКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАПАДА

Социальный рынок – экономическая система, построенная на интеграции базовых рыночных институтов, с одной стороны, и раздаточных механизмов в форме широкомасштабных социальных программ, общественных секторов, государственной поддержки низкорентабельных отраслей и государственных инвестиций в инфраструктуру и новые технологии – с другой. Но главное то, что в ней модифицирована сама основа рыночной экономики посредством введения значительных ограничений на права владельцев собственности в отношении непроизводительного, нерационального ее использования, в результате чего институт частной собственности преобразовался в институт эффективного собственника.

Хозяйство США часто приводят в качестве примера системы свободного предпринимательства, в которой конкуренция обеспечивает эффективность и динамичность развития фирм. В действительности американское федеральное правительство и власти штатов всегда были напрямую вовлечены в организацию хозяйства. Например, компьютерная революция 80–90-х годов, ведущая роль в которой принадлежала фирмам Силиконовой долины, является символом американского предпринимательского капитализма. Однако тщательное изучение фактов, проведенное американскими экономистами, показывает, что на протяжении последних 50 лет американское правительство принимало непосредственное участие в формировании исследований и образовательных программ, в приобретении продукции компьютерной отрасли. Более 70% финансовой поддержки научных исследований в области машиностроения, вычислительной техники осуществлялось по линии федерального правительства [11].

В законодательстве США после кризиса 1929–1933 гг. были введены комплекс прав собственника, новые законы о наследовании. Собственников ограничили в правах на общественно бесполезное «проедание» капитала, т.е. на неэффективное управление принадлежащими им предприятиями. Социализация наследования в США состояла в ограничении прав наследников в отношении нерационального либо неэффективного использования частного производственного капитала. С 60-х годов в стране введено централизованное планирование по тщательно отработанным и законодательно утвержденным публичным процедурам. К примеру, авиастроение с 1928 г. является в США объектом государственного планирования, и сегодня там разрабатываются поддерживаемые из бюджета текущие и долгосрочные программы развития авиастроительной макротехнологии. США и другие развитые страны решали жилищную проблему на основе общенациональных целевых программ, на которые выделялись огромные средства из бюджета [12].

Функции современного государства чрезвычайно разнообразны. К ним относятся

- создание и воспроизводство общественных благ, т.е. тех товаров и услуг, которые не могут быть произведены с целью извлечения прибыли отдельными предпринимателями;
- сокращение негативных последствий, которые возникают в результате частной хозяйственной деятельности (загрязнение окружающей среды, вредные условия труда, опасные продукты питания);
- государственное образование, поскольку если образование обеспечивается только рынком, многие не смогут его себе позволить;
- производство общественных благ в разных формах: собственно государственное производство через субсидии частным производителям, а также совместное производство государственными и частными агентами;
- макроэкономическая стабилизация для смягчения влияния бизнес-цикла: поддержка постоянного доступа к кредитам через учреждение институтов кредитования, регулирование банковской сферы, ограничение вывоза золота;

- преодоление рыночных последствий в сфере распределения: введение государственного обеспечения в случае болезни, инвалидности и старости, социальное страхование;
- стимулирование национальной промышленности, установление таможенных пошлин, построение инфраструктуры как средства стимулирования частных инвестиций, поддержание высокого уровня инвестиций в производство во всей экономике за счет государственных средств;
- содержание оборонного комплекса, отраслей высоких технологий, финансирование программ освоения космоса;
- контроль и регулирование ценового механизма, в частности через налоговые системы.

Новая парадигма «реструктурирования рынка» [13], зародившаяся в западной экономической социологии, базируется на том, что действия государства всегда играют ключевую роль в формировании хозяйства и позиционировать государство как нечто, находящееся за рамками хозяйственной деятельности, бессмысленно.

С позиций общей теории институциональных трансформаций социальный рынок – это результат длительного исторического развития рыночного институционального ядра западной цивилизационной матрицы, траектория которой представлена на рис. 1. Экономическая эволюция Запада – это циклическое развитие рыночных институтов, которые в каждом институциональном цикле принимали формы, соответствующие конкретно-историческому этапу. Форма рыночных институтов определялась соответствующей трудовой моделью.

Первый институциональный цикл – начальная формация, базировавшаяся на рабской модели частного характера, поскольку рабы принадлежали частным лицам и являлись объектом частной собственности.

В первом цикле уже была создана первичная рыночная инфраструктура, характеризующаяся наличием частной собственности на землю, при этом организация производства и управление им осуществлялись крупными землевладельцами; часть продукции продавалась на рынке сельхозпродуктов. Значительная часть оборудования и инвентаря, используемых как в поместье, так и в городском доме, покупалась, что означало наличие рынка средств производства, а также зе-

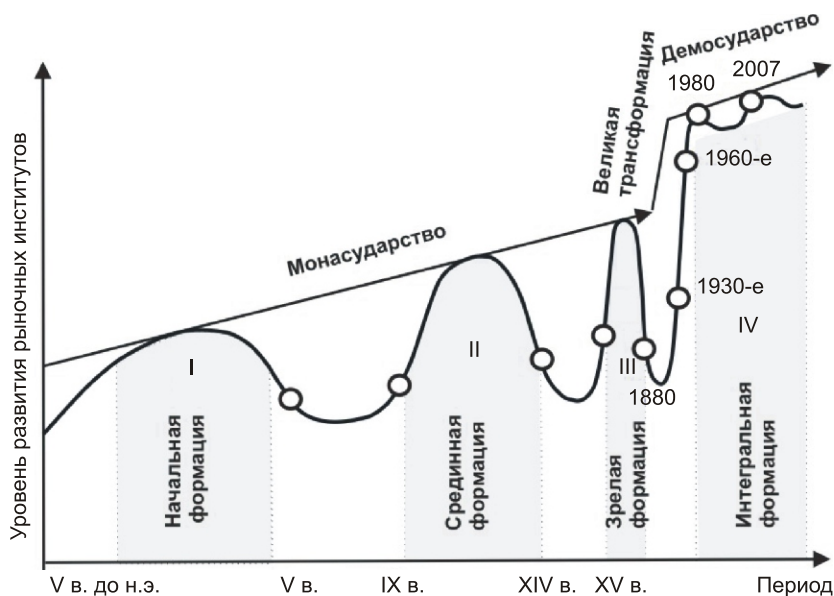

Рис. 1. Траектория развития цивилизационной матрицы Запада

мельного рынка и региональных рынков труда, где устанавливались цены на рабов разных специальностей. Налогообложение осуществлялось в форме общественных литургий. Историк Э. Мейер назвал экономику этого периода «античным капитализмом» [14, с.11].

В основе **срединной формации** и **второго институционального цикла** лежала крепостная модель трудовых отношений. Земельные владения являлись частной собственностью, т.е. подлежали отчуждению (купле-продаже, дарению) и наследованию по завещанию. При этом крепостные крестьяне находились в частной собственности землевладельцев (феодалов) и имели собственный надел на правах держания. Вотчинник являлся верховным владельцем – сеньором, главное занятие которого – служба королю, знати, церкви или служба в войске. Он содержал штат управляющих и надсмотрщиков. Крестьянин обрабатывал господскую землю своими орудиями и выполнял многообразные повинности, включающие в себя все виды ренты – отработочную, продуктовую и денежную, среди которых доминировала денежная.

В Средние века рынки были прикреплены к определенному месту, некоторые из них функционировали периодически, как местные городские рынки, но крупные ярмарки могли ежегодно длиться несколько недель или месяцев. Для открытия рынка или ярмарки нужна была лицензия, и устройство рынков столь же жестко регламентировалось, как и деятельность самих гильдий, которые устанавливали монополии на большинство видов производства и торговли. На рынке продавцы предлагали то, что они сами произвели, а покупатели приобретали товары для собственного пользования. В этом была основная специфика рыночных институтов срединной формации.

Внутри поместья также существовали денежные отношения. Деньги нужно было платить за услуги, которые мог оказать только сеньор: за использование мельницы, хлебопекарни, винного пресса, лесопилки. Существовала также торговля между поместьем и внешним миром: часть производимого в поместье продавалась вовне, а закупались оружие, одежда, украшения. Крестьяне сами отвозили продукты на рынок и сами их продавали. Характерной особенностью средневекового рынка как в поместье, так и в городе было то, что крестьянин, кузнец, мельник и ремесленник были равным образом обязаны предоставить услуги всякому, кто пожелал заплатить, причем по установленной законом цене.

Зрелая формация и третий институциональный цикл были сформированы на основе наемной трудовой модели. В ее рыночной модификации фабрики и агрофирмы функционировали на праве частной собственности и базируясь на частном наемном труде, который регулировался цензом оседлости (Акт оседлости 1662 г.). Этот документ регламентировал место жительства простых людей и до предела ограничивал их свободу передвижения. По образному выражению К. Поланьи, имело место приходское крепостное право. Оно было отменено только к самому концу XVIII в.

По статуту о ремесленниках 1563 г., который относился и к сельскохозяйственным рабочим, организация труда опиралась на три столпа: законодательное принуждение к труду, семилетний срок ученичества и ежегодное установление размеров заработной платы государственным должностным лицам. В течение двух с половиной столе-

тий он служил правовой основой общенациональной организации труда, базировавшейся на принципах регулирования и патернализма. Наемный рабочий этого периода был лично свободен и пользовался равенством перед законом, но не имел права свободно выбирать род занятий для себя и своих детей, не мог селиться где ему угодно и обязан был работать [15].

Отношения найма по своей структуре являются отношениями административного подчинения. В результате найма нанимаемый признает административную власть работодателя, относящуюся к связанным с работой предписаниям. Обязательной основой его поведения является выполнение приказов и указаний, которые поступают к нему со стороны организации.

С середины XVI до середины XVIII в. осуществлялся постепенный переход от средневековой практики торговли на условиях, определяемых традицией и законом, к свободной рыночной торговле, в которой цены устанавливались соглашением между продавцом и покупателем. В самом конце цикла была изобретена публичная корпорация, которая позволяла инвесторам распределять коммерческий риск и которая с необходимостью произвела на свет рынок акций промышленных предприятий (1890 г.).

Интегральная формация реализуется на основе контрактной (договорной) модели трудовых отношений, имеющей в рыночной экономике частную природу. В наемной модели работник нанимается как специалист, заполняющий позицию в штатном расписании, а в контрактной – с конкретным физическим лицом заключается правовое соглашение на выполнение определенного вида работы с обоюдными обязательствами.

Основное значение юридического контракта состоит в обеспечении рамок, хорошо приспособленных к изменениям, и в установлении ориентиров для упорядочения колебаний в деловых отношениях. Кроме того, в 70-х годах происходит вытеснение профсоюзов путем предоставления работникам на основе индивидуально заключаемых контрактов льгот и выплат, гарантирующих во многих случаях весьма высокий уровень социальной защищенности.

Организация больших промышленных корпораций претерпела значительные изменения между 1920 и 1960 гг., когда были разделены принятие стратегических решений и оперативное управление. Именно с этого времени появилась фирма как «управляющая структура, а не как производственная функция» [16, с. 324], с 60-х годов ставшая базовой организационной формой интегральной формации.

Между тремя институциональными циклами имели место трансформационные фазы. В Европе, как и в России, прошло три трансформации.

Первая трансформационная фаза длилась с V по IX в. После распада Римской империи и до возникновения средневековых империй шла непрерывная война, одна из целей которой – охота за людьми, поскольку использование рабского труда севров было основным источником извлечения прибыли. «После V в., когда империя распалась и наступили темные века, в течение пяти столетий Запад пребывал в упадке» [16, с. 27].

Вторая трансформационная фаза продолжалась с XIV по XVI в. В этот период в Европе распадались империи и формировались национальные государства. «Установлено, что уже в XIV в. имел место кризис институтов феодализма. С другой стороны, стало общим суждение, что капитализм начался в конце XVI в. Таким образом, образуется двухсотлетний разрыв между началом упадка феодализма и началом подъема капиталистического способа производства. Он получил название переходного» [16, с. 110].

Вторая трансформационная фаза была эпохой катастроф: войны, эпидемии чумы, неурожаи и резкое сокращение населения. И только к 1660 г., когда население Европы опять достигло уровня 1347 г., рыночный феодализм уступил место новому экономическому порядку, базирующемуся не на ценообразовании в соответствии с законом и обычаем, а на механизме торга между продавцом и покупателем.

Третья трансформационная фаза (XIX в.) – саморегулирующийся рынок, который возник в ходе промышленной революции для ее осуществления и формирования новой институциональной среды в виде свободного перемещения труда и капиталов. Фактически в XIX в. свободный от государственного вмешательства рынок стал переходом к новой модели развития западной цивилизации. Это была временная,

преходящая форма, в которой, по мнению К. Поланьи, и произошла Великая трансформация на Западе.

В трансформационные фазы роль государства снижалась до минимума, а в структурированные фазы описанных выше институциональных циклов она повышалась до максимального уровня, возможного в конкретный исторический период. И если в две первые трансформационные фазы это происходило под влиянием исторических явлений более глобального порядка (распад империй), то в третью фазу это была осознанная политика под знаменами либеральной идеологии. В результате Великой трансформации рыночная модель приобрела новые черты и придала новое качество всей социально-экономической системе, но обнаружились существенные диспропорции в уровне жизни населения. Это способствовало возникновению в противовес идеологии либерализма новых идеологий – фашизма и социализма. Их разворачивание в политические системы стало угрозой для развития всей западной цивилизации. Кроме того, в 30-е годы XX в. свободный саморегулирующийся рынок попал в системный кризис, выбраться из которого помогло только государственное вмешательство. Все эти факторы в совокупности привели к преобразованию свободного рынка в «социальный рынок», который синтезировал идеи либерализма и социализма в форме государственных социальных программ с целью блокирования фашизации менталитета народа, поляризованного по доходам.

Таким образом, исторические факты демонстрируют, что в начале XIX в. и ранее западные правительства очень активно способствовали развитию производства и торговли. Правительства внедряли правовые механизмы, обеспечивающие возврат кредитов и выполнение соглашений, субсидировали сооружение каналов, железных и шоссе-ных дорог, защищали с помощью тарифов и льгот национальную промышленность от иностранной конкуренции, предоставляли монопольные права новым отраслям, выдавали патенты на новые изобретения, а также поддерживали партнерство с капиталистами в форме особых механизмов военных поставок.

И только в XIX в. стало «немодным» регулировать торговлю, облагать ее значительными налогами, контролировать цены или заработную плату или стремиться к сглаживанию заметных различий в до-

ходах. Лишь во второй половине XIX в. отмерли старые формы торговли через «привилегированные (регулируемые) компании» купцов и ремесленников и было признано, что старая традиция жесткого контроля над образованием корпораций не должна применяться к акционерным компаниям [16]. Более того, «общество XIX в., в котором хозяйственная деятельность была выделена в особую сферу и приписана характерному только для нее собственно экономическому мотиву, стало, в сущности, поразительным исключением из правила» [15, с. 68].

Институциональной основой свободного рынка в период Великой трансформации были

- децентрализация власти и ресурсов, необходимых для экспериментирования;
- практическое отсутствие политических и религиозных препятствий к экспериментированию;
- стимулирование экспериментаторов, имеющих возможность присваивать прибыль, получаемую в случае успеха, и рисковавших большими убытками в случае провала.

Все это способствовало, в частности, тому, что массовая инкорпорация в Европе осуществлялась за одно десятилетие [16]. Именно этими чертами характеризуется третья трансформационная фаза и в России, создавшая институциональные условия для перехода к новому циклу развития страны.

Если сравнить циклы развития России и Запада (рис. 2), то можно говорить о синхронизации их развития со сдвижкой на один цикл. Действительно, в IX–XII вв. в России господствовала начальная формация, в Европе – срединная, в XVI–XIX вв. в России развилась срединная формация, в Европе – зрелая. В XX в. Россия переживает зрелую формацию, а Европа и Америка, претерпев Великую трансформацию, начали переход к собственно интегральной формации.

При поверхностном взгляде может показаться, что этот факт в рамках общей теории институциональных трансформаций подтверждает позицию сторонников «догоняющего развития». Однако при более глубоком рассмотрении напрашивается совершенно другой вывод. Дело в том, что три институциональных цикла и выход на уровень интег-

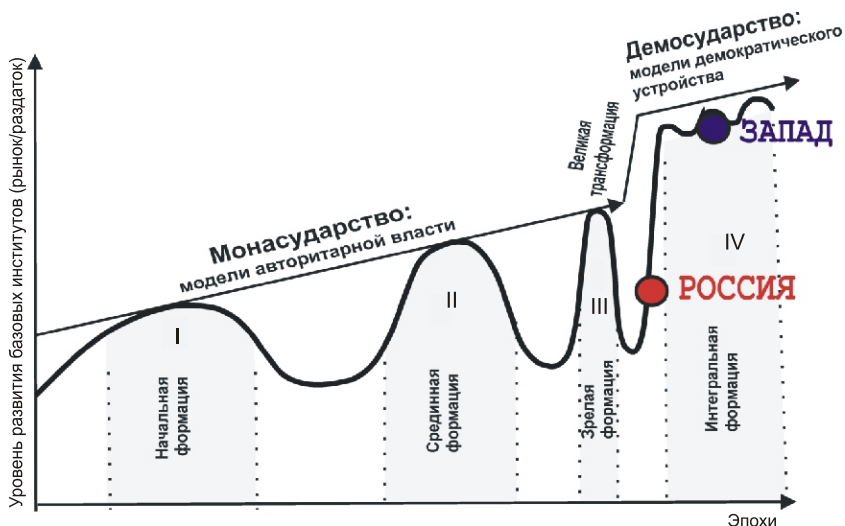

Рис. 2. Запад и Россия на траектории цивилизационного развития в 2007 г.

ральной формации – это эволюционная программа, заложенная в глобальной цивилизационной матрице развития всего человечества, а локальные матрицы реализуют ее в своем ритме и темпе. И если сравнить сроки, за которые была реализована одинаковая часть этой программы на Западе и в России, то выяснится, что Россия реализует эволюционную программу в 2 раза быстрее. Формационная история Западной Европы продолжалась с V в. до н.э. и по XX в., что означает траекторию в 2500 лет – столько прошло времени до достижения Западом интегральной формации. А Россия затратила на практически аналогичный путь время с IX в. по начало XXI в., т.е. несколько более 1100 лет.

Таким образом, темпы эволюционной динамики России значительно выше. Кроме того, в настоящее время фактически сформировано институциональное ядро либерального раздатка. После его созревания Россия войдет в структурированную фазу и наберет существенное ускорение в своем развитии для совершения очередного скачка, как это происходило во всех трех предыдущих институциональных циклах. Все это дает основание полагать, что в ближайшем будущем развитие России и Западной Европы совпадет в пространстве интегральной формации.

Литература

1. **Бессонова О.Э.** Общая теория институциональных трансформаций: парадигмальное переосмысление цивилизационного развития России // СОЦИС. – 2008. – № 1. – С. 13–23.
2. **Бессонова О.Э.** Траектория развития России в контексте общей теории институциональных трансформаций // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 4. – С. 88–108.
3. **Бессонова О.Э.** Общая теория институциональных трансформаций как новая картина мира // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 130–142.
4. **Бессонова О.Э.** Образ будущего России и код цивилизационного развития. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2007. – 124 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://management.edu.ru/db/msg/321348.html> (дата обращения 29.02.2008).
5. **Бюджетное** послание Президента Федеральному собранию РФ о бюджетной политике в 2008–2010 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=66865> (дата обращения 9.03.2007).
6. **Бессонова О.Э.** Рыночный эксперимент в жилищно-коммунальной сфере // Социальная траектория реформируемой России: исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Под ред. Т.И. Заславской, З.И. Калугиной. – Новосибирск: Наука, 1999. – С. 350–359.
7. **Медведев Д.** Нацпроекты: от стабилизации к развитию [Электронный ресурс] // Сайт Виперсона. – <http://www.viperson.ru/wind.php?ID=273473&soch=1> (дата обращения 25.01.2007).
8. **Дворкович А.** О различных моделях государственного участия в экономике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cefir.ru/download.php?id=558> (дата обращения 13.10.2006).
9. **Полтерович В.М.** О стратегии догоняющего развития для России // Экономическая наука современной России. – 2007. – № 3. – С. 17–24.
10. **Уильямсон О.И.** Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, отношенческая контрактация. – СПб.: Лениздат, 1996. – 702 с.
11. **Флигстин Н.** Государство, рынки и экономический рост // Экономическая социология. – 2007. – Т. 8, № 2. – С. 41–60.
12. **Амосов А.И.** О победе социального хозяйства в XX в. // Экономическая наука современной России. – 2006. – № 4. – С. 36–49.
13. **Блок Ф.** Роли государства в хозяйстве // Экономическая социология. – 2004. – Т. 5, № 2. – С. 37–56.
14. **История** древнего мира / Под ред. И.М. Дьяконова и др. – М.: Наука, 1989. – Кн. 1. – 470 с.
15. **Поляны К.** Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с.
16. **Розенберг Н., Бирдселл Л.Е.** Как Запад стал богатым: Экономическое преобразование индустриального мира. – Новосибирск: Экор, 1995. – 352 с.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ: ФАКТОРЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИНДИКАТОРЫ

С.В. Соболева, О.В. Чудаева

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

*Статья подготовлена в рамках комплексного интеграционного проекта
СО РАН «Развитие человеческого потенциала Сибири в условиях
социальных и экономических инноваций» (координаторы проекта
З.И. Калугина и С.В. Соболева)*

Аннотация

Представлены методологические подходы к решению проблемы демографической безопасности страны. Дается авторское определение понятия «демографическая безопасность», рассматриваются внутренние и внешние факторы формирования демографических угроз. Представлена классификация демографических угроз. Обозначены наиболее значимые для России последствия современных демографических угроз. Разработаны индикаторы демографической безопасности, оценены их пороговые значения по данным статистической отчетности, показаны области применения индикаторов.

Ключевые слова: демографическая безопасность, демографическая политика, депопуляция, сверхсмертность, иммиграционные потоки, факторы, индикаторы демографических угроз, субъект демографической безопасности

Демографическая безопасность – один из видов безопасности общества наряду с такими видами безопасности, как военная, политическая, культурная, экономическая, социальная, продовольственная, экологическая и др. Все они рассматриваются в контексте националь-

ной безопасности. Демографическая безопасность тесным образом связана с другими видами национальной безопасности и при этом является ее важнейшей составляющей. В последнее время в связи со сложившейся в России демографической ситуацией проблема демографической безопасности страны приобретает особую актуальность.

В современной литературе под демографической безопасностью понимается защищенность процесса жизни и непрерывного естественного возобновления поколений людей. По мнению Л.Л. Рыбаковского, демографическая безопасность «может быть представлена как такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства. Демографическая безопасность – это функционирование и развитие популяции как таковой в ее возрастно-половых и этнических параметрах, соотнесение ее с национальными интересами государства, состоящими в обеспечении его целостности, независимости, суверенитета и сохранении существующего геополитического статуса» [1].

Проблема демографической безопасности разрабатывалась в трудах белорусских демографов и социологов. В 2002 г. президентом Республики Беларусь А. Лукашенко был подписан Закон о демографической безопасности республики, разработанный на основе их исследований. Л.П. Шахотько и Н.Н. Привалова определяют демографическую безопасность как «состояние защищенности жизненно важных демо-воспроизводственных процессов от реальных и потенциальных угроз» [2, с. 17]. Такое определение позволяет им четко выделить предмет исследования как совокупность мер, направленных на предупреждение возникновения угроз безопасности в демографической среде.

Формируя свое, авторское понятие демографической безопасности, мы исходили, учитывая уже наработанный опыт, из следующих основных моментов. Во-первых, поскольку основным предметом демографической науки является воспроизводство населения – непрерывный процесс возобновления поколений и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), постольку рассматриваемое понятие должно опираться на представление о целевых установках именно процесса воспроизводства населения. Во-вторых, это

понятие должно содержать в себе возможности оценки и измерения безопасности/опасности существования основных компонентов процесса воспроизводства и формирования населения: рождаемости, смертности, состояния здоровья, семейной структуры, миграции.

Следуя этому, под **демографической безопасностью** мы будем понимать состояние защищенности жизни, воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, этнической, семейной) от демографических угроз, поддерживаемое с помощью институциональной среды. **Демографические угрозы** – это явления, тенденции и действия, которые отрицательно влияют на функционирование демографической сферы и противоречат национальным и (или) региональным целям демографического развития*, нарушают целостность, независимость и суверенитет государства.

Перечень демографических угроз на разных этапах формирования и развития общества (страны) может быть различным. Так, если до начала XIX в. основной причиной смертности в России были инфекционные заболевания, сопровождавшиеся массовыми вымираниями (эпидемиями), то, естественно, основные риски смертности были связаны именно с этой группой заболеваний. Современные же риски смертности имеют иную природу.

Целью обеспечения демографической безопасности является создание условий, необходимых для нейтрализации реальных и предупреждения возникновения потенциальных демографических угроз.

В целом разработка проблемы демографической безопасности должна включать в себя следующие важнейшие задачи:

- выявление факторов, формирующих демографические угрозы;
- характеристику реальных и потенциальных демографических угроз;
- разработку индикаторов демографических угроз и определение предельных критических значений состояния отдельных составляющих демографической среды: формирования демогра-

* Национальные цели демографического развития должны формироваться исходя из демографических интересов государства, общества и личности с соблюдением конституционных прав граждан.

фических структур (половозрастной, семейной, этнической), естественного и механического движения, отдельных характеристик семьи;

- разработку механизма обеспечения демографической безопасности.

ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РИСКИ

Среди факторов, формирующих демографические риски, выделяются внутренние и внешние по отношению к данной территории (стране, федеральному округу, экономическому району, области, краю). К *внутренним факторам* следует отнести

- экономико-географическое положение территории и ее ресурсную базу, оказывающую влияние на формирование населения;
- исторические особенности формирования и размещения населения, сложившиеся для данной территории миграционные связи;
- уровень социально-экономического развития территории и его основных инфраструктурных элементов (жилье, образование, здравоохранение, социальная защита населения);
- созданную экономическую и финансовую основу взаимодействия территории и федерального центра, оказывающую значительное влияние на формирование внутрироссийских потоков миграции с востока на запад и межрегиональных перемещений населения;
- нарушение этнокультурных традиций, сложившихся на протяжении длительного времени и оказывающих влияние на все составляющие воспроизводства и формирования населения;
- реализацию политики государства (в том числе демографической политики), воздействующей на все стороны жизни страны.

К *внешним факторам* относятся

- состояние и процессы, имеющие место в сфере жизнедеятельности в других государствах (регионах) и формирующие иммиграционные (миграционные) потоки;

- целенаправленная деятельность внешних структур по формированию демографических рисков.

Характеризуя внутренние факторы, формирующие демографические риски, необходимо отметить, что **экономико-географическое положение региона и его ресурсная база**, играющие важнейшую роль в экономическом развитии территории, а также в формировании и размещении населения, могут в значительной мере усилить или ослабить демографические риски. К таким рискам приводят следующие процессы: 1) связанное с экономическим развитием и освоением ресурсной базы интенсивное «перекачивание» населения из одних регионов в другие, которое, с одной стороны, образует относительно избыточное население и перенаселенность территорий, а с другой – ведет к обезлюдению целых пространств; 2) формирование в результате миграции половозрастных диспропорций в структуре населения, связанных с отраслевой спецификой территорий, приводящее, в свою очередь, к нарушению процесса воспроизводства и массовому оттоку населения. В качестве примера таких диспропорций можно привести специфические поселения с преимущественно мужским населением, сложившиеся в северных лесных и нефтегазоносных районах Томской и Тюменской областей, где используется мужская рабочая сила, а также поселения преимущественного сосредоточения отраслей легкой промышленности, использующих женский труд, – это, например, Ивановская область в прошлом. Нарушение половых пропорций в демографической структуре подобных территорий приводит к появлению таких социально-демографических проблем, как рост разводимости, внебрачной рождаемости, увеличение числа неполных, бездетных и малодетных семей, интенсивный миграционный обмен, не способствующий формированию постоянного населения территорий, и др.

Говоря об уровне **социально-экономического развития территории** и его влиянии на формирование демографических рисков, необходимо отметить, что социально-экономическое развитие территории через показатели уровня жизни ее населения влияют на все составляющие процесса воспроизводства и формирования населения. Следовательно, нарушение пропорций в том или ином показате-

ле уровня жизни будет приводить к возникновению демографических рисков в отдельных составляющих воспроизводственных процессов. Особенно отчетливо это можно проследить на примере показателей естественного движения населения и миграции в период радикальных преобразований, происходивших в России с начала 90-х годов прошлого века и приведших, в том числе, к возникновению социально-демографических проблем в результате произошедшей трансформации общества и экономики. В частности, в 1992–1999 гг. естественная убыль населения России в среднем составляла свыше 700 тыс. чел. ежегодно, а в 2000–2005 гг. – около 900 тыс. чел. ежегодно. Ни одна другая страна не имела таких потерь населения в мирное время. При столь высоких величинах естественной убыли произошло также снижение миграционной активности населения. Разделенные огромными пространствами, многие россияне оказались не в состоянии осуществить потенциальную миграцию. В результате показатели межрегиональной миграции в 1992–2004 гг. уменьшились вдвое: численность прибывших сократилась с 4,4 млн чел. в 1992 г. до 2,2 млн чел. в 2004 г., а численность выбывших – с 3,9 млн до 2,1 млн чел. соответственно.

Изменился и вектор перемещения населения: если раньше заселялись территории с осваиваемыми природными ресурсами, то теперь идет переселение в южные и центральные районы России. Миграционные связи с большинством стран СНГ стали односторонним движением в Россию. Усилился «западный дрейф» мигрантов вследствие выраженной полярности центра страны (притягивающего население всех районов) и Дальнего Востока (отдающего население всем районам) [3]. Межрегиональная (внутрироссийская) миграция, много лет служившая важным фактором формирования структуры и источником прироста населения восточных регионов страны, в том числе Сибири, становится фактором его убыли в этих регионах.

Значительное влияние на формирование внутрироссийских потоков миграции с востока на запад оказала и *сложившаяся экономическая и финансовая основа взаимодействия территории и центра*, когда значительные финансовые потоки и материальные ресурсы концентрируются в крупных городах европейской части России. В такой ситуации все территориальные несоответствия, например между ре-

альной заработной платой (показателями уровня жизни и условий жизнедеятельности, определяемых материальными благами) и нормой прибыли на капитал, формируют миграционные потоки. То есть в случае значительных межрегиональных различий в уровне жизни населения перемещение рабочей силы осуществляется вслед за перемещением капитала. И пока эти различия не устранены, миграционные потоки будут направлены с востока на запад, создавая «вакуум» для притяжения мигрантов из соседних перенаселенных стран.

Особо следует отметить такой фактор формирования демографических угроз, как *нарушение этнокультурных традиций населения страны*. Культура является способом адаптации к окружающей действительности. Она вырабатывается на протяжении длительного времени, предоставляет уникальную возможность доступа к будущему, и ее резкое изменение может привести к дезориентации со всеми вытекающими негативными последствиями. Попытка сменить культурную парадигму, агрессивное навязывание совершенно чуждых большинству россиян норм и ценностей, идущие со стороны Запада при массовой поддержке СМИ, приводят в России не к модернизации, а к деградации и, соответственно, к вырождению.

Надо заметить, что в регионах, сохранивших национальные традиции, сложилась более благоприятная демографическая ситуация, чем в России в целом, и депопуляция им пока не грозит. Это связано либо с традиционно высокой рождаемостью, что характерно, например, для некоторых коренных народов Сибири, либо с повышенной по сравнению со среднероссийской рождаемостью и более низкой смертностью, как это имеет место на Северном Кавказе. Причину относительно низких показателей смертности населения в республиках Северного Кавказа исследователи видят, помимо прочего, в практическом отсутствии среди мусульманского населения алкоголизма, который столь пагубно влияет на смертность населения в депрессивных регионах Европейской России, Сибири и Дальнего Востока и которому в особенности подвержены коренные народы Сибири и Севера. Кроме того, возможность вести подсобное хозяйство в условиях благоприятного климата, развитые родовые связи и взаимопомощь делают человека более устойчивым ко всякого рода кризисам и воздей-

ствиям извне. Традиционно существующее на Кавказе уважение к пожилым людям, которые не чувствуют себя ущербными, балластом для общества, а наоборот, выполняют важную функцию передачи знаний и традиций новым поколениям, также способствует большей продолжительности жизни.

Таким образом, можно констатировать, что *в качестве одного из принципов обеспечения демографической безопасности в Российской Федерации должно рассматриваться уважение этнических ценностей, культурных традиций и устоев населения страны в сфере реализации репродуктивных установок и демографического поведения.*

Что касается последнего из названных внутренних факторов – *реализации политики государства*, то следует отметить, что после распада СССР на протяжении почти 10 лет в России не были сформулированы даже цели демографического развития страны. Поразительно, но за 16 лет депопуляции не было ни одной сессии Академии наук, Медицинской академии, ни одного заседания Минздрава, Государственной думы, посвященных важнейшему вопросу – поиску причин сверхвысокой смертности, в том числе сильно возросшей смертности от сердечно-сосудистых заболеваний. Лишь в сентябре 2001 г. была принята Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года, которая своей целью провозглашала стабилизацию численности населения и создание предпосылок его роста с учетом мобилизации как воспроизводственных, так и миграционных компонентов. Предусматривался комплекс мер демографической политики, связанных с тремя основными направлениями: повышением рождаемости и укреплением института семьи; улучшением здоровья населения и ростом продолжительности жизни; обеспечением необходимого миграционного прироста и совершенствованием путей привлечения и использования трудовых мигрантов. Однако никаких реальных программ в соответствии с Концепцией на федеральном уровне разработано не было.

В некоторых регионах России в последние годы разрабатывались планы мер по реализации региональной демографической политики, учитывающей специфику территорий. Однако ориентация на собст-

венные ограниченные ресурсы ввиду отсутствия поддержки со стороны федеральных властей, а самое главное, слабая проработка целей и механизмов их достижения привели к тому, что эти усилия имели незначительный и неустойчивый эффект.

Если каждый из приведенных выше внутренних факторов формирует демографические риски в составляющих как естественного, так и всех видов механического движения, то такой из внешних факторов, как *состояние и процессы, имеющие место в сфере жизнедеятельности в других государствах и формирующие иммиграционные потоки*, касается только межгосударственной миграции.

В начале 90-х годов при переходе стран, образовавшихся после распада СССР, к рыночной экономике в результате сокращения производства и роста безработицы произошло массовое вытеснение жителей этих стран из привычной для них среды существования, и значительная часть из них сформировала внешние по отношению к России потоки иностранной рабочей силы.

Благоприятность условий для развития трудовой миграции в 90-х годах заключалась в лояльности законов принимающей стороны, а также в отсутствии юридических ограничений, что позволяло свободно пересекать «прозрачные» в то время государственные границы, провозить коммерческий груз, находиться в стране и работать без законодательных препятствий. И только к началу нового тысячелетия в России вводятся новые официальные нормы международной миграции из стран СНГ. Важным фактором иностранной трудовой миграции стало и то, что как части бывшего одного государства эти страны имели схожее правовое поле, однотипную номенклатуру профессий, общую принадлежность сразу к двум языковым ареалам (например, русскому и тюркскому), а пребывание долгие годы в единой социальной структуре и единой идеологии выработало у населения этих стран общие «коммуникативные» нормы и образцы социальной организации.

Однако выполняя значимые социальные функции, потоки такой миграции сопряжены и с целым рядом рисков, таких как нарушение этнодемографического баланса территорий вселения, межнациональные конфликты, рост наркомании, этническая преступность, ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации, угроза потери страте-

гических территорий и т.д. Эти риски часто по своему негативному эффекту перекрывают все преимущества, которые связаны с массовым привлечением мигрантов с целью усиления трудового и демографического потенциала территорий.

Как свидетельствует опыт западных стран, интегрировать мигрантов в социальном, культурном, политическом и правовом пространстве принимающих территорий весьма непросто. С каждым годом в этих странах, с одной стороны, растет число «новых бедных» – представителей незападных культурных моделей, а с другой – усиливается отторжение принимающим обществом иммиграционных общин. В такой ситуации для самих мигрантов их культурная идентичность становится главной опорой их солидарности и, таким образом, формируются дополнительные стимулы к консервации традиционных культурных моделей, соответствующих им способов социализации, норм поведения и ценностных ориентаций. Это, в свою очередь, рассматривается принимающим обществом как реальная угроза его системе ценностей и его безопасности. Иными словами, население, проживающее на территории одного государства, может оказаться настолько разнородным, что люди потеряют свое единство как общество, перестанут друг друга понимать, не смогут решать какие-то общие задачи, возникнет угроза конфликтов, что приведет к ослаблению страны.

Ощущение опасности усиливается вместе с увеличением масштабов иммиграции, и в определенный момент иммиграция может достичь такого критического порогового значения, при котором принимающее общество будет не в состоянии обеспечить всестороннюю интеграцию иммигрантов. Неконтролируемая иммиграция может поставить под вопрос то необходимое качество нации, которое называется идентичностью.

Другим важнейшим внешним фактором является *целенаправленная деятельность внешних структур по формированию демографических рисков*. В 1975 г. Советом по национальной безопасности США при участии Министерства обороны, ЦРУ, Министерства сельского хозяйства, Агентства по международному развитию под руководством госсекретаря США Г. Киссинджера был разработан документ NSSM-200 (National Security Study Memorandum), который стал

руководством к действию в области американской внешней политики. Опубликование фрагментов этого документа стало возможным лишь в июне 1990 г. «При том, что население США составляет 6% от мирового, мы потребляем около трети природных ресурсов, – констатировалось в нем. – В последние десятилетия Соединенные Штаты все больше зависят от импорта полезных ископаемых из развивающихся стран, и эта тенденция, судя по всему, продолжится... Поэтому США все больше заинтересованы в поддержании политической, экономической и социальной стабильности в странах-поставщиках...» (цит. по: [4, с. 13–14]).

Что же понималось под поддержанием стабильности в других странах? Продолжим цитирование: «Поскольку, снижая рождаемость, мы можем улучшить перспективы такой стабильности, – политика в области народонаселения становится весьма важной для соблюдения экономических интересов США». И далее говорится еще более откровенно: «Быстрый рост населения в развивающихся странах... наносит ущерб их внутренней стабильности и отношениям с теми странами, в развитии которых США заинтересованы, создавая, таким образом, политические проблемы или даже угрозу национальной безопасности США» [4, с. 14]. Это неблагоприятно для систематического освоения природных ресурсов и долгосрочных инвестиций. И далее: «...Подобные кризисы наименее вероятны при низком или отрицательном приросте населения» [4, с. 14–15].

Таким образом, *систематическое использование мировым капиталом чужих природных ресурсов требует минимизации численности населения*, проживающего на территориях, богатых различными природными ресурсами.

Снижать рождаемость предполагалось уже отработанным способом – распространением служб планирования семьи, которые занимались бы пропагандой различных методов предупреждения беременности, включая контрацепцию, аборт и стерилизацию. Можно создавать службы планирования семьи в качестве самостоятельных организаций, но желательно вписывать их в уже имеющиеся структуры здравоохранения, с целью использования последних в качестве прикрытия, так как население им доверяет, а также обеспечения бюджетного финансирования

ния. Это и происходило в России в 90-е годы, когда в разгар депопуляции и тяжелейшего общего кризиса из нищего бюджета осуществлялось финансирование федеральной программы «Планирование семьи», пока по требованию депутатов Госдумы оно не было прекращено. Однако в ответ Минздрав тут же выдал директиву регионам осуществлять аналогичные местные программы через государственные учреждения здравоохранения, включая роддома и женские консультации.

Конечно, одного предложения услуг по планированию семьи мало. По правилам маркетинга необходимо организовать спрос, создать соответствующие политические, экономические, социальные и психологические предпосылки для якобы стихийного снижения рождаемости.

В NSSM-200 предусматривалась широкая пропаганда методов и средств сокращения рождаемости по самым различным каналам, и в первую очередь через систему образования, с целью «ориентации новых поколений на создание малодетной семьи». «Не снижая усилий, направленных на взрослое население, необходимо сконцентрироваться на юном поколении – тех, кто сейчас в начальной школе или еще моложе» [4, с. 17]. Важнейшую пропагандистскую роль должно сыграть телевидение. В документе прямо говорится, что политика планирования семьи обречена, если она «не поддержана изнутри», и его авторы призывают опираться на местных лидеров. Поддержки с их стороны можно добиться, например, приглашением их на семинары в Нью-Йорк со всеми сопутствующими этому приятными обстоятельствами. А для гарантии успеха меморандум рекомендует, предоставляя той или иной стране кредиты, оказывая продовольственную и другие виды помощи, учитывать, как она ведет себя в области планирования семьи.

Как видим, происходившее в России идеально подходит под это описание. В 90-е годы страна фактически была на грани потери государственного суверенитета. Ее внешняя и внутренняя политика находилась под контролем Запада, использующего, в том числе, финансовые рычаги воздействия. Ежегодно наш федеральный бюджет приходилось утверждать в МВФ, а власти в своей деятельности руководствовались рекомендациями многочисленных западных советников и экспертов, например из Всемирного банка.

Вот откуда корни той разрушительной и в буквальном смысле слова антинародной политики. По мнению А. Антонова, сегодняшний демографический кризис в России связан с социально-экономическими и политическими реформами в стране, инициированными Западом, которые и были направлены на депопуляцию населения [5]. В начале 2008 г. по первому каналу ТВ неоднократно показывали документальный фильм «Империя добра» – о том, как США в течение длительного времени при помощи спецслужб и своей агентуры внутри стран свергают по всему миру неугодные правительства и радикально меняют политику соответствующих государств. В фильме бывший сотрудник ЦРУ Ф. Эйджи, который лично занимался организацией государственных переворотов в Латинской Америке и прекрасно знаком с этими технологиями, свидетельствует, что распад СССР и Варшавского договора имел много внутренних причин, но эти причины в течение многих лет тщательно формировало ЦРУ.

Публикация фрагментов рассекреченного плана весьма ценна еще и тем, что в нем подробно рассказывается о его исполнителях. Со стороны США этот план курирует Агентство по международному развитию (ЮСАИД). Головная организация во всемирном масштабе – Фонд народонаселения ООН (ЮНФПА), львиную долю финансирования которого составляет вклад США. ЮНФПА, по замыслу авторов меморандума, играет координирующую роль в осуществлении депопуляционных проектов. «США должны объединить страны-доноры, ВОЗ, ЮНФПА, ЮНИСЕФ и Всемирный банк для создания консорциума, который бы помогал наиболее нуждающимся странам в организации... системы здравоохранения, неотъемлемой составной частью которой станет планирование семьи» [4, с. 21]. ЮНЕСКО призывалось возглавить работу с учениками начальной школы, чтобы внушить им «в процессе формального и неформального обучения» идеал малодетной семьи.

По существу, в меморандуме представлены стратегия и тактика войны нового образца, которая с разным успехом ведется далеко не только в России, но и во многих других странах. Еще весной 1989 г. на страницах журнала «Washington Quarterly» в статье «Глобальные демографические тенденции к 2010 г. в аспекте безопасности США»

Пентагон открыто призывался к тому, чтобы «планированию населения» был придан статус программы по разработке новых видов оружия [4, с. 21].

Как видим, те, кто стремится к мировому господству, как говорится, не намерены ждать «милостей от природы» – снижения рождаемости в разных странах, поскольку страны с традиционным укладом, например многие африканские или исламские, не демонстрируют особых признаков снижения рождаемости, и предпринимают самые активные действия по всему миру с целью реализации своих планов.

В связи с вышесказанным в совершенно новом свете представляется широко распространенная теория демографического перехода, активно развивавшаяся западной наукой и в последнее время пропагандируемая в России. Теория утверждает, что все страны в своем демографическом развитии рано или поздно приходят к снижению рождаемости, которое является объективным и неизбежным. Прикрываясь этой теорией, некоторые демографы, тесно связанные с Западом и финансируемые им, снижение рождаемости в России считают закономерным процессом, лежащим в русле общемировых тенденций, и заранее объявляют бесперспективными любые попытки повысить рождаемость в стране.

Таким образом, представители науки, прежде всего западной, возможно неосознанно, осуществляют идеологическое прикрытие подрывных действий таких одиозных организаций, как ЦРУ, реализующих по всему земному шару геноцидные технологии. И это пример глобализации в действии.

К чести западной науки, она нашла в себе силы признать ошибочность долгое время главенствовавшей в демографии теории демографического перехода в связи с тем, что та не подтвердилась на практике, даже несмотря на все попытки ее модернизации, и все чаще подвергалась критике. Наконец Ж. Валлен, президент Международного союза по изучению населения, в своей речи на открытии XXV Международного конгресса по народонаселению, проходившего во Франции в 2005 г., констатировал смерть этой теории [6].

Надо сказать, что представленный пример целенаправленной деструктивной деятельности в области демографии в виде демографических войн далеко не единственный. Наступление на демографическую сферу всего мира ведется самым широким фронтом с применением самых современных достижений науки и, естественно, не афишируется, а наоборот, осуществляется под различными прикрытиями, в том числе и идеологическими.

В связи с изложенным *основными принципами обеспечения демографической безопасности* в Российской Федерации необходимо считать

- приоритет национальных демографических интересов при соблюдении общепризнанных принципов международного права, прав человека;
- самостоятельность Российской Федерации в выборе форм и методов воздействия на развитие демографических процессов вне зависимости от сложившихся стандартов, принятых в международных организациях и центрах.

Рассмотренные внутренние и внешние факторы, формирующие демографические угрозы, в разной степени влияют на отдельные составляющие демографической ситуации. *Наиболее значимые последствия современных демографических угроз* проявляются в следующих характеристиках воспроизводства и формирования населения:

- длительное сокращение численности населения (сохранение продолжительного во времени отрицательного естественного прироста) – депопуляция;
- низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий простое воспроизводство населения, и большое число аборт, превышающее число рождений;
- высокий уровень смертности, сверхсмертность мужского населения, усиление социальной обусловленности смертности за счет роста алкоголизма, наркомании, заболеваемости туберкулезом, проблем иммунодефицита;

- низкая ожидаемая продолжительность жизни, особенно у мужчин, а также у обоих полов среди некоторых этносов;
- снижение качества человеческих ресурсов (демографический аспект) за счет роста заболеваемости и ухудшения репродуктивного и психического здоровья;
- трансформация брачно-семейных отношений и традиционных ценностей семьи и, как следствие, высокий уровень разводов и рост количества неполных семей, увеличение числа бездетных и малодетных семей, брошенные старики и социальное сиротство, рост внебрачной рождаемости. Все это влечет за собой целый спектр социальных проблем;
- нарушение половозрастной структуры населения;
- старение населения и увеличение демографической нагрузки на экономически активное население;
- сокращение доли государствообразующего (субъектообразующего) этноса.

ИНДИКАТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УГРОЗ И ИХ ИНФОРМАЦИОННАЯ ОСНОВА

Индикаторы демографических угроз – функциональные характеристики отдельных сторон процесса демографического воспроизводства и формирования демографических структур (половозрастной, семейной, этнической), отражающие его негативный характер. Каждый из индикаторов может быть описан одним или совокупностью показателей и отображает либо состояние объекта исследования, либо ход демографических процессов, их количественные и качественные характеристики в наиболее агрегированном виде. Каждому индикатору соответствует шкала допустимых значений его изменения, при этом важно знать предельные, так называемые пороговые значения, к которым необходимо стремиться на первом этапе хотя бы для нейтрализации или смягчения негативных демографических тенденций.

Множество индикаторов демографических угроз состоит из пяти групп (см. таблицу). Первая и вторая группы описывают угрозы

Индикаторы демографической безопасности России в 2005 г.

Показатель	Величина показателя	Пороговое значение	Вероятные демографические последствия
<i>Естественное движение населения</i>			
Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных женщиной за весь репродуктивный период)	1,30	2,15	Депопуляция (отсутствие протостого замещения поколений), старение населения
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	65,3 – все население; 58,9 – мужчины, 72,4 – женщины	70 лет – все население; 65 лет – мужчины, 75 лет – женщины (данные 1987 г.)	Снижение жизнеспособности населения страны, половые диспропорции, сокращение демографического потенциала
Младенческая смертность (число умерших до года детей на 1000 родившихся)	11,0	В 1,5–2 раза превышает уровень развитых стран	Сокращение численности детей
Коэффициент смертности населения трудоспособного возраста (число умерших на 1000 чел. соответствующего пола и возраста)	8,3 – все население; 13,0 – мужчины, 3,4 – женщины	3,8 – все население; 5,5 – мужчины, 2,3 – женщины (данные 1960 г.)	Нарушение структуры населения, сокращение демографического потенциала
Распространенность бесплодия и невынашивания, % от численности женщин, состоящих в браке	15,0–20,0	5,0	Нарушение процессов воспроизводства
Число абортотв на 100 родов	121	В 10 раз превышает уровень развитых стран	Значительное сокращение числа родившихся, ухудшение здоровья, в том числе репродуктивного, рост числа бездетных и малодетных семей

Продолжение таблицы

Показатель	Величина показателя	Пороговое значение	Вероятные демографические последствия
<i>Здоровье и качественные характеристики населения</i>			
Удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности детей (0–15 лет), %	12,0–15,0	8,0% от общей численности детей	Ухудшение здоровья, формирование нездорового поколения
Заболеваемость населения психическими расстройствами, чел. на 100 тыс. населения	117	Рост показателя	Ухудшение здоровья нации
Уровень потребления абсолютного алкоголя на душу населения, л	17	8 (по данным ВОЗ)	Сверхсмертность мужского населения, сокращение продолжительности жизни, ухудшение физического и психического здоровья, рост числа инвалидов, в том числе среди детей, увеличение числа распадающихся браков, неполных семей, социальное сиротство, деградация населения
<i>Характеристики семьи</i>			
Доля внебрачных рождений в общей численности новорожденных, %	30,0	4,0	Нарушение структуры семей: рост числа неполных семей
Число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (общая численность)	Около 1 млн детей (4,3% от численности детей в возрасте 0–14 лет)	0,5–1,0% от численности детей	Рост числа брошенных и оставленных без попечения родителей детей, социальное сиротство

Окончание таблицы

Показатель	Величина показателя	Пороговое значение	Вероятные демографические последствия
<i>Механическое движение населения</i>			
Коэффициент миграционного прироста, чел. на 1000 постоянного населения	0,75 – для России в целом; показатель дифференцирован по регионам России	Дифференцированный показатель в зависимости от плотности населения, стратегической важности территории и ее геополитического значения для страны	Обезлюдение территорий (в том числе стратегически важных) и концентрация населения вокруг крупных мегаполисов как диаметрально противоположные проблемы демографической безопасности
Коэффициент трудовой иммиграции (число трудовых иммигрантов на 1000 занятых в экономике)	Отсутствует в статистической отчетности	Дифференцированный показатель в зависимости от плотности населения и потребностей экономического развития территории	Сокращение доли государствообразующего (субъектообразующего) этноса
<i>Этнодемографическая структура населения</i>			
Доля государствообразующего этноса в общей численности населения, %	79,8	Сокращение показателя от 80%	Сокращение численности государствообразующего этноса, ослабление страны
Соотношение доли детей и доли пенсионеров в общей численности населения	1,0/1,4	1,2/1,0	Депопуляция, ухудшение возрастной структуры, рост демографической нагрузки на экономически активное население в будущем
Заселенность стратегически важных территорий (в том числе пограничных) постоянным населением (плотность населения), чел. на 1 кв. км	Показатель дифференцирован по территориям страны	Тенденция сокращения плотности населения	Обезлюдение стратегически важных территорий страны; локализованное размещение населения из других стран

в отношении составляющих естественного движения, здоровья и качественных характеристик населения, третья группа – угрозы в отношении характеристик семьи. Четвертая и пятая группы характеризуют демографические угрозы, связанные с миграцией и расселением населения по территории страны и формированием этнодемографической структуры.

Большинство из индикаторов демографической безопасности и их пороговые (предельные) значения могут быть рассчитаны как для России в целом, так и для отдельных ее регионов с помощью данных статистической отчетности Федеральной службы государственной статистики. Вместе с тем такие индикаторы, как распространенность бесплодия и невынашивания беременности, удельный вес детей первой и второй групп здоровья в общей численности детей, число детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, доля внебрачных рождений в общей численности новорожденных, могут быть рассчитаны только на основании региональных статистических данных. Их пороговые значения для России в целом получены либо на основании экспертной оценки, либо в сравнении с развитыми странами мира. Во всей совокупности индикаторов только один индикатор – коэффициент трудовой иммиграции (число трудовых иммигрантов на 1000 занятых в экономике) не отражается в статистической отчетности ни регионов, ни страны в целом. Между тем данные о потоках трудовой иммиграции из ближнего и дальнего зарубежья существуют в региональной отчетности управлений ФМС регионов, а следовательно, этот индикатор может быть рассчитан на уровне отдельных регионов.

Разработанные индикаторы позволяют осуществлять диагностику демографической сферы страны на данный период и на будущее и могут рассматриваться в качестве ориентиров для разработки и реализации федеральной и региональной демографической политики государства.

Государственная политика в области обеспечения демографической безопасности должна реализовываться в региональных программах демографического развития, разработанных в отдельных субъектах Федерации с учетом новой Концепции демографической полити-

ки Российской Федерации и региональных особенностей в сфере формирования демографических рисков.

В качестве *субъекта демографической безопасности на региональном уровне* должны выступать исполнительные органы власти в пределах их компетенции в рамках реализации целевых программ демографического развития субъекта Федерации, а также контролирующие государственные органы, ответственные за безопасность страны, в том числе ФСБ. Большую помощь в обеспечении демографической безопасности могут оказать общественные организации и СМИ, чья деятельность должна быть направлена на пропаганду семейных ценностей, здорового образа жизни, самосохранительного поведения и профилактики заболеваний. Важна и роль ученых в информировании общества о демографических угрозах, их последствиях и мерах, принимаемых для обеспечения демографической безопасности.

Литература

1. **Рыбаковский Л.Л.** Демографическая безопасность: геополитические аспекты. 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.religare.ru/article10942.htm> (дата обращения 30.05.2008).
2. **Шахотько Л.П., Привалова Н.Н.** Демографическая безопасность: сущность, задачи, система показателей и механизм реализации // Вопросы статистики. – 2001. – № 7. – С. 16–21.
3. **Иностранные** мигранты на сибирском рынке труда / Под ред. С.В. Соболевой, И.В. Октябрьской. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 316 с.
4. **Медведева И., Шишова Т.** Демографическая война против России. – Новосибирск: Слово и дело, 2000. – 40 с.
5. **Заседание** Клуба экспертов «Демографическая перспектива», 21.11.2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=1&idArt=643 (дата обращения 30.05.2008).
6. **Валлен Ж.** Речь на открытии XXV Международного конгресса по народонаселению во Франции // Этнопанорама. – 2005. – № 3–4. – С. 96–100.

© Соболева С.В., Чудаева О.В., 2008

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ УРОВНЕМ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ И РАЗВИТИЕМ МАЛОГО БИЗНЕСА

В.Г. Басарева

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

*Исследование проведено при финансовой поддержке Московского
общественного научного фонда (грант № 075/1-02)*

Аннотация

Теоретически и эмпирически доказывается, что для России существует значимая связь между уровнем развития малых предприятий и уровнем жизни населения. Обосновывается, строится и оценивается система одновременных уравнений, где эндогенными переменными являются индикаторы развития предпринимательства и уровня жизни, а экзогенными – социально-экономические характеристики субъектов Федерации. Модель оценивается способами 2SLS и FIML. Подтверждение гипотезы о взаимовлиянии указанных процессов позволяет разрабатывать новые стратегии развития регионов.

Ключевые слова: малый бизнес, уровень жизни, одновременные уравнения, методы оценивания

Проблемам развития малого и среднего бизнеса в России уделяется постоянное внимание. Так, в начале 2008 г. при Правительстве Российской Федерации создана Комиссия по развитию малого и среднего предпринимательства, призванная разрабатывать комплекс мер по поддержке частного предпринимательства. Подписан Указ Президента РФ «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности», где определены первоочередные меры, направленные прежде всего на

устранение избыточных административных барьеров. Такое внимание к развитию малого бизнеса вполне закономерно: это важная задача для любых экономических сообществ. Мировой опыт свидетельствует, что основной источник роста занятости – расширение малого бизнеса. В странах, где развивается малое предпринимательство, ниже показатели смертности и уровня бедности.

Для России задача развития малого бизнеса является приоритетной. Пока результаты в этой области более чем скромные: число малых предприятий на конец 2000 г. составило 879,3 тыс., т.е. в среднем на 1000 жителей приходилось шесть предприятий [1], за последующие четыре года их число выросло до 6,6, в 2006 г. оно достигло 7,2. На предприятиях малого бизнеса в среднем по стране трудится 17% экономически активного населения. В развитых же странах численность занятых на малых предприятиях составляет почти половину экономически активного населения, а доля малых предприятий в валовом выпуске продукции – около 50%.

Безусловно, развитие малого бизнеса в России тормозят как общие проблемы, так и административные барьеры, существующие в разных секторах экономики [2]. Есть проблемы, связанные и с созданием бизнеса с нуля, и с получением разного рода разрешений, проведением различных проверок. Значительное влияние на развитие малого предпринимательства оказывают законодательные преференции и льготы, устанавливаемые на местном уровне*. Но есть и факторы, без учета которых будет трудно реализовать конструктивные меры, способствующие развитию малого бизнеса. Например, влияет ли на него уровень жизни населения страны?

В работах российских и зарубежных исследователей имеются подтверждения такой гипотезе. Например, А.В. Кольчугина считает, что «к объективным факторам, препятствующим развитию малого бизнеса и требующим выработки управленческих решений на государственном и региональном уровнях, в первую очередь относится низкий уровень доходов населения и недостаточная доступность получения кредитов, необходимых для организации самостоятельного бизнеса, особенно на первоначальном этапе» [4, с. 47]. В работе [5] пока-

* Обзор обширной литературы по этой проблематике представлен в работе [3].

зано, что в развитых странах резкий рост количества малых предприятий объясняется возросшими доходами населения: возникает возможность удовлетворять разнообразные потребности и сегментировать рынки, а малые предприятия для этого лучше приспособлены, чем крупные компании. Авторы этой работы изучили данные по шести странам, входящим в ОЭСР. Оказалось, что прирост численности занятых на малых предприятиях в значительной степени зависит от промышленной реконструкции двух типов: децентрализации предприятий и образования объединений новых малых предприятий. По мнению этих авторов, такая связь объясняется реакцией на увеличение потребительского спроса на более дифференцированные товары.

Д. Кибл для объяснения процессов появления новых малых предприятий в Англии предлагает несколько теоретических моделей, и в том числе модель роста доходов населения, который приводит к последующему изменению в рыночном спросе и появлению новых малых фирм [6].

Авторы работы [7], основываясь на статистических данных по 47 центральным городам российских регионов, утверждают, что развитие малого бизнеса способствует повышению доходов населения, обеспечивая, таким образом, экономический рост. Для измерения роста уровня жизни в регионах в указанной работе используется средний годовой темп роста регионального душевого денежного дохода, дефлированный на региональный индекс потребительских цен. По утверждению авторов, основная закономерность состоит в том, что рост доходов населения и образование новых предприятий тесно коррелируют.

Сопоставление выводов разных исследований позволяет предположить, что уровень доходов населения и развитие предпринимательства влияют друг на друга. Сегодня в России две трети малых предприятий – это предприятия торговли и сферы услуг. Повышение доходов населения приводит к увеличению спроса на их продукцию. Увеличение спроса стимулирует появление новых предприятий, создаются новые рабочие места, а следовательно, повышаются доходы. В то же время большая доля населения с низкими доходами и уровнем жизни снижает спрос на продукцию малого бизнеса. Предприятия разоряются, снижаются доходы.

Такая постановка проблемы относительно взаимовлияния доходов населения и развития малых предприятий вносит определенные поправки в разработку управленческих решений, касающихся форм

и методов поддержки малого бизнеса на государственном уровне. Ответ на вопрос о том, что является причиной, а что – следствием, далеко не праздный. Он связан прежде всего со стратегией расходования средств из бюджетов всех уровней. Куда целесообразнее направлять средства в первую очередь? В фонды поддержки предпринимательства (а такие структуры созданы на федеральном уровне и в регионах) или на поддержку социально незащищенных слоев населения? Как выбрать на федеральном и субфедеральном уровнях стратегию, которая бы наилучшим образом содействовала развитию малого бизнеса? Какие характеристики регионов следует принимать во внимание при выборе стратегии помощи им со стороны федерального центра?

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чтобы ответить на поставленные вопросы, эмпирической проверке подвергались следующие гипотезы, модельное обоснование которых представлено в работе [8].

1. Уровень развития предпринимательства и уровень жизни населения – взаимосвязанные индикаторы. Чем ниже уровень жизни населения, тем ниже уровень развития предпринимательства. Чем выше уровень развития малого бизнеса, тем выше уровень жизни.

2. Для регионов России справедлива теория, согласно которой уровень развития предпринимательства в регионе зависит от склонности населения к риску [9] (чем больше склонность к риску, тем выше уровень развития предпринимательства), а также от наличия капитала, необходимого для открытия своего дела (чем больше у населения первоначальные накопления, тем больше создается малых предприятий).

3. Уровень развития предпринимательства в регионе зависит от экономического потенциала региональных институтов. Высокий потенциал институтов способствует развитию предпринимательства.

4. Уровень жизни населения зависит также от уровня урбанизации, доли экономически активного населения в общей численности населения, уровня безработицы и начальных условий экономического развития в регионе. Уровень жизни выше в тех регионах, где больше доля городского населения, выше уровень экономического развития, ниже безработица, больше доля экономически активного населения.

Сформулированные гипотезы предполагают одновременное рассмотрение двух связанных между собой регрессионных уравнений, т.е. оценивание системы одновременных уравнений, где в качестве зависимых переменных выступают показатели развития малого предпринимательства и индикаторы уровня жизни в регионе, а в качестве основных регрессоров – социально-экономические характеристики регионов России.

Оценивалась следующая система уравнений:

$$Small_{it} = \alpha_{it} + b_1 IB_{it} + b_2 BudGRm_{it} + b_3 (Polor \cdot Ostvklad)_{it} + \sum_t b_t dummy_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

$$IB_{it} = \beta_{it} + c_1 Small_{it} + c_2 Nastrud_{it} + c_3 City_{it} + c_4 GRP_0 + c_5 Unemp_{it} + \sum_t c_t dummy_{it} + u_{it}, \quad (2)$$

где $Small_{it}$ – индикатор развития малого предпринимательства в регионе i в году t ; IB_{it} – индикатор уровня жизни в регионе i в году t ; $City_{it}$ – доля городского населения в регионе i в году t ; $BudGRm_{it}$ – региональная политика в регионе i в году t ; $Polor \cdot Ostvklad_{it}$ – предпринимательский потенциал региона i в году t ; $Nastrud_{it}$ – доля экономически активного населения региона i в году t ; GRP_0 – начальные условия экономического развития региона i ; $Unemp_{it}$ – уровень безработицы в регионе i в году t ; $dummy$ – дамми для соответствующего года; ε , u – символ ошибки.

В модель включены временные фиктивные переменные дамми, которые позволяют учитывать специфику периодов времени.

Условно назовем уравнение (1) моделью развития предпринимательства, уравнение (2) – моделью благосостояния.

ПРОБЛЕМА ИЗМЕРЕНИЯ ИНДИКАТОРОВ

Для оценки уровня развития малого предпринимательства исследователи, как правило, не строят сложных индикаторов, ограничиваясь такими показателями, как число малых предприятий на 1000 жителей или доля населения, занятого в малом бизнесе. Именно эти показатели использовались нами при расчетах.

Уровень жизни населения традиционно измеряется рядом показателей. Росстатом предлагаются такие измерители, как среднедушевые денежные доходы населения, реальные располагаемые денежные доходы населения, величина прожиточного минимума, численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, индекс Джини, коэффициент фондов и др. В качестве индикатора уровня жизни региона можно использовать также индекс человеческого развития по аналогии с соответствующим индексом, используемым в программе ООН для измерения уровня развития разных стран. Этот показатель подсчитывается как ВРП на душу населения, взвешенный на ожидаемую продолжительность жизни и показатель, свидетельствующий об уровне образованности жителей региона.

Проверка выдвинутых гипотез проводилась с использованием двух индикаторов уровня жизни: индекса человеческого развития региона в относительных измерителях по отношению к среднероссийскому уровню и доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.

Предпринимательский потенциал региона – переменная $Polor \cdot Ostvklad_{it-1}$ определялся в нашей модели комбинированным воздействием, или произведением двух переменных: $Polor$ – оценкой склонности населения к риску и $Ostvklad_{it-1}$ – накоплениями населения в году $t-1$.

Допускалось, что хорошим индикатором склонности населения к предпринимательским рискам может быть стабильность политических предпочтений населения. В России предпринимательство – новый вид деятельности. Занимается ею в большей степени та часть населения, которая характеризуется склонностью, восприимчивостью к социальным нововведениям и, в более широком смысле, к экономическим и политическим преобразованиям. Результаты избирательных кампаний, прошедших в России, достаточно устойчиво демонстрируют политические предпочтения избирателей, что может означать наличие устойчивой территориальной дифференциации общества по показателю склонности к рискам.

Показатель стабильности политических предпочтений населения $Polor$, рассчитанный на основе обработки данных по результатам выборов, взят нами из работы [10]. Чем больше переменная $Polor$, тем большая доля населения склонна к предпринимательскому риску.

Согласно теории, влияние на развитие предпринимательства оказывает доля населения со склонностью к рискам, располагающая, с некоторой вероятностью, необходимым капиталом. Воздействие переменной *Polor* в нашей модели усиливается (ослабляется) в зависимости от наличия капитала, необходимого для открытия собственного дела.

Для оценки этого капитала использовался показатель, характеризующий накопления населения. Мы ориентировались на информацию, полученную из данных опросов предпринимателей, которые свидетельствуют, что первоначальный капитал для открытия своего дела респонденты, как правило, занимали у близких родственников, знакомых или он был их собственностью. Использовались такие показатели, как остатки на счетах в Сбербанке или средний размер вклада, которые представлены в данных Росстата.

$BudGRm_{it}$ (регрессор «региональная политика») – показатель экономического потенциала институтов в регионе i в году t . Он измеряется отношением расходов региональных бюджетов к ВРП в регионе i в году t . Используется в относительных измерителях по отношению к среднероссийскому уровню.

Остальные детерминанты в модели измеряются на основании данных статистической отчетности Росстата.

Оценивание модели уравнений (1)–(2) проводилось двумя способами: 2SLS (Two Stage Least Squares) – двушаговым методом наименьших квадратов, который является частным случаем метода инструментальных переменных (instrumental variable estimators), и FIML (Full-Information Maximum Likelihood). Методы оценивания описаны, например, в работе [11]. Если первый метод позволяет оценить каждое уравнение по отдельности, то второй – все уравнения и параметры совместно.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗ

Эмпирическая проверка выдвинутых гипотез представлена реализацией системы одновременных уравнений. В расчетах использовались данные двух периодов: 1995–1999 гг. и 2000–2005 гг. Первый период включает в себя этап становления малого бизнеса. Второй период характеризуется подъемом экономики страны и ее регионов. Вы-

бор временных интервалов объясняется изменениями в показателях статистической отчетности.

Результаты оценки модели для 1995–1999 гг. с зависимой переменной «индекс человеческого развития» приведены в табл. 1 и 2. Получено эмпирическое подтверждение (см. табл. 1) влияния относительного индекса человеческого развития на уровень развития предпринимательства. Положительная связь, уровень значимости при 2SLS- и при FIML-оценивании –1%. Подтвердилась гипотеза о том, что на развитие предпринимательства положительно влияет комбинированное воздействие склонности населения к предпринимательским рискам и наличия у населения капитала. Показатель $Polor \cdot Ostvklad_{it}$ включен в уравнение при всех способах оценивания со знаком «плюс». Показатель значим (при 2SLS – 1%, при FILM – 1%). Коэффициент при переменной $BudGRm$ – «плюс», он значим при всех способах оценивания на уровне 1%. Получено важное свидетельство о том, что для развития малого предпринимательства региона имеет значение величина государственных расходов на цели экономического и социального развития территории.

Таблица 1

Модель развития предпринимательства
(зависимая переменная – число малых предприятий на 1000 жителей)

	2SLS	FIML
Consta	0,1632651131** [0,371230901]	0,2413565148 [0,5520153294]
Индекс человеческого развития	0,0201582123** [4,0949112079]	0,0204423401** [4,139392131]
Региональная политика	1,9772413152** [3,9432928271]	1,8303324011** [3,6001489309]
Предпринимательский потенциал региона	1,919307E-06** [4,8644221466]	1,97540E-06** [5,0491311073]
Число наблюдений	282	282
R^2_{adj}	39,6%	39,6%
F-татистика	$F(3,278) = 62,53994$ [0,0000]	$F(3,278) = 62,5364$ [0,0000]

Примечание: в скобках указана t-статистика; ** – 1%-й уровень значимости.

Таблица 2

**Модель благосостояния
(зависимая переменная – индекс человеческого развития)**

	2SLS	FIML
Consta	–175,43403253** [–2,9256625972]	–209,59820085** [–3,5807571166]
Число малых предприятий на 1000 жителей	13,346452091** [7,4305386775]	13,292464362** [7,4007918853]
Доля безработных	–1,9718551048** [3,9485189479]	–2,3531677099** [–4,2214151516]
Доля населения трудоспособ- ного возраста	3,9073862177** [3,3749472974]	4,6952477418** [4,2234183107]
Начальные условия развития региона – ВРП в 1990 г.	14,564168321** [3,9485189479]	8,3529856829* [2,2009750781]
Число наблюдений	282	282
R^2_{adj}	46%	46%
F-статистика	$F(4,277) = 61,48327$ [0,0000]	$F(4,277) = 60,96679$ [0,0000]

Примечание: в скобках указана *t*-статистика; * – 5%-й уровень значимости; ** – 1%-й уровень значимости.

Во втором уравнении (см. табл. 2) показатель развития малого бизнеса значим на уровне 1%. Получены близкие значения коэффициентов по методам 2SLS и FIML. При увеличении количества малых предприятий на 1000 жителей на единицу относительный индекс человеческого развития увеличивается на 13 (эластичность благосостояния по уровню предпринимательства). Все знаки регрессоров – ожидаемые. В отличие от первоначальных гипотез не подтвердилась зависимость благосостояния от доли городского населения. Расчеты не подтвердили значимость этого регрессора.

Эмпирически подтверждено, что относительный индекс человеческого развития региона, который мы интерпретируем как комплексный уровень благосостояния, отрицательно зависит от безработицы (чем меньше безработица, тем выше относительный индекс человеческого развития). Он положительно зависит от начальных условий реформирования и численности трудоспособного населения. Чем выше был уровень экономического развития региона в 1990 г. и чем больше была

доля трудоспособного населения, тем более высокий относительный индекс человеческого развития был характерен для региона.

Для того чтобы учесть влияние особенностей года на случайный член в регрессиях, в уравнения благосостояния и развития предпринимательства были включены годовые dummy. Результаты расчетов показали, что значимыми в этих уравнениях являются dummy, соответствующие 1995 и 1996 гг., и только в модели развития предпринимательства (табл. 3, 4). Оценивание проведено методом FIML. R^2_{adj} в модели с dummy увеличился, что подтверждает правильность уточнения.

В 1995 г. малое предпринимательство развивалось активнее по сравнению с 1996 г. В 1995 г. величина эффекта года составила 2,87 дополнительных малых предприятий на 1000 жителей, а в 1996 г. – 1,46.

В таблицах 5–8 представлены результаты оценки модели с использованием в качестве индикатора уровня жизни показателя «доля населения с уровнем доходов ниже прожиточного минимума», а в качестве показателя уровня развития малого предпринимательства – логарифм показателя «число малых предприятий на 1000 жителей»

Таблица 3

**Модель развития предпринимательства с годовыми dummy
(зависимая переменная число малых предприятий на 1000 жителей)**

	Коэффициент	<i>t</i> -статистика
Consta	–0,9989260459*	–2,4333300177
Индекс человеческого развития	0,0096680286*	1,9370006507
Региональная политика	2,3106542554**	5,0764874141
Предпринимательский потенциал региона	3,905767E-06**	8,2469691559
Dummy 1995	2,8715747923**	7,225541567
Dummy 1996	1,4630176085**	4,2076279744
Число наблюдений	282	
R^2_{adj}	52,5%	
<i>F</i> -статистика	$F(5,276) = 63,15357 [0,0000]$	

Примечание: в скобках указана *t*-статистика; * – 5%-й уровень значимости; ** – 1%-й уровень значимости.

Таблица 4

**Модель благосостояния с годовыми dummy
(зависимая переменная – индекс человеческого развития)**

	Коэффициент	t-статистика
Consta	–255,16828699**	–4,7298568214
Число малых предприятий на 1000 жителей	11,067554862**	8,1065662297
Доля безработных	–2,1625493764**	–3,9199336625
Доля населения трудоспособного возраста	5,6343348763**	5,6731840601
Начальные условия развития региона – ВРП в 1990 г.	10,981450666**	3,0739901836
Число наблюдений	282	
R^2_{adj}	52,5%	
F-статистика	$F(5,276) = 63,15357 [0,0000]$	

Примечание: в скобках указана t-статистика; ** – 1%-й уровень значимости.

Таблица 5

**Модель развития предпринимательства для 1995–1999 гг.
(зависимая переменная логарифм числа малых предприятий на 1000 жителей)**

	2SLS	FIML
Consta	1,3912907324** [9,9522287479]	1,2718446043** [9,3114433357]
Доля населения с уровнем доходов ниже прожиточного минимума	–0,0117963288** [–3,8238041737]	–0,0092857272** [–2,992233465]
Региональная политика	0,3991604369** [5,4045881004]	0,4494861122** [6,3121144313]
Предпринимательский потенциал региона	4,51041E–08** [4,6411009993]	4,247151E–08** [4,3826568126]
Dummy 1995	0,20566368098** [3,6637938367]	0,1840167076** [3,2761770695]
Число наблюдений	356	356
R^2_{adj}	21,7%	21,2%
F-статистика	$F(4,351) = 25,68985 [0,0000]$	$F(4,351) = 24,96339 [0,0000]$

Примечание: в скобках указана t-статистика; ** – 1%-й уровень значимости.

Таблица 6

Модель благосостояния для 1995–1999 гг. (зависимая переменная – доля населения с уровнем доходов ниже прожиточного минимума)

	2SLS	FIML
Consta	32,435534085** [6,8588660202]	32,924470587** [5,7482399046]
Логариф числа малых предприятий на 1000 жителей	–7,4708606588** [–2,8829024731]	–8,0618091236* [–2,43049163]
Доля безработных	1,1224719265** [8,1271855608]	5,7482399046** [8,0377899151]
Начальные условия развития региона – ВРП в 1990 г.	–2,4611181688** [–2,8211422629]	–2,5701634151** [–2,9227322952]
Dummy 1997	–7,5848567853** [–4,7078482252]	–6,2991213923** [–3,9138858367]
Число наблюдений	356	356
R^2_{adj}	28,09%	27,5%
F-статистика	$F(4,351) = 35,67254$ [0,0000]	$F(4,351) = 34,80261$ [0,0000]

Примечание: в скобках указана *t*-статистика; * – 5%-й уровень значимости; ** – 1%-й уровень значимости.

Таблица 7

Модель развития предпринимательства для 2000–2005 гг. (зависимая переменная логарифм числа малых предприятий на 1000 жителей)

	2SLS	FIML
Consta	1,6485624448** [13,349836904]	1,6541536923** [11,398605397]
Доля населения с уровнем доходов ниже прожиточного минимума	–0,0189829005** [–6,6920438586]	–0,0187650754** [–5,510964131]
Региональная политика	0,1216833746* [2,530318356]	0,1041335057* [2,1062382453]
Предпринимательский потенциал региона	8,06136E-05** [6,4190816675]	8,318581E-05** [6,3467002096]
Dummy 2000	0,3423904832** [5,4153090731]	0,3439365392** [5,2657925451]
Dummy 2001	0,2310123019** [3,9342557493]	0,2315661396** [3,858595089]
Число наблюдений	456	456
R^2_{adj}	33,4%	32%
F-статистика	$F(5,450) = 46,81758$ [0,0000]	$F(5,450) = 43,96484$ [0,0000]

Примечание: в скобках указана *t*-статистика; * – 5%-й уровень значимости; ** – 1%-й уровень значимости.

Таблица 8

Модель благосостояния для 2000–2005 гг. (зависимая переменная – доля населения с уровнем доходов ниже прожиточного минимума)

	2SLS	FIML
Consta	72,805391407** [8,005534193]	76,616414358** [8,5530833077]
Логарифм числа малых предприятий на 1000 жителей	–8,0738303187** [–4,6470414181]	–5,8967441401* [–2,3032180199]
Доля безработных	1,3090639865** [5,9534657669]	1,5415058019** [6,814568223]
Доля экономически активного населения	–0,4940630015** [–3,2433843713]	–0,6198656133** [–4,0250677887]
Начальные условия развития региона – ВРП в 1999 г.	–5,316181698** [–5,7406240552]	–4,7297140324** [–4,3815624024]
Dummy 2000	13,70792449** [11,661004516]	14,069207686** [11,999845097]
Dummy 2001	9,6400756887** [8,4483066899]	9,8529235645** [8,6528778378]
R^2_{adj}	54,202221197%	54,049078855%
F-статистика	$F(6,449) = 90,74966$ [0,0000]	$F(6,449) = 90,19782$ [0,0000]

Примечание: в скобках указана *t*-статистика; * – 5%-й уровень значимости; ** – 1%-й уровень значимости.

(в табл. 5 и 6 – результаты расчетов для периода 1995–1999 гг., в табл. 7 и 8 – для периода 2000–2005 гг.).

Изменение индикатора уровня жизни дало ожидаемое изменение знака регрессора. В модели развития предпринимательства индикатор уровня жизни для рассматриваемых периодов значим, имеет знак «минус» (чем больше доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, тем меньше число малых предприятий в регионе). В модели благосостояния индикатор развития предпринимательства вошел со знаком «минус» (чем меньше число малых предприятий в регионе, тем больше доля населения с доходами ниже прожиточного минимума). Чем больше

доля безработных в общей численности экономически активного населения, тем больше доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. Отрицательные знаки имеют регрессоры «начальные условия развития» и «доля экономически активного населения».

Некоторые методические изменения в измерении регрессоров модели для 1995–1999 гг. и для 2000–2005 гг. фактически не оказали существенного влияния на результаты оценивания. Подтверждение гипотез при разных индикаторах и для разных интервалов времени свидетельствует об устойчивости модели. Выбранный индикатор измерения уровня жизни населения «доля населения с уровнем доходов ниже прожиточного минимума» может быть интерпретирован как уровень бедности. Таким образом, получено подтверждение, что для России развитие малого предпринимательства – эффективная мера борьбы с бедностью.

* * *

Президентом России поставлена задача к 2020 г. довести долю занятых предпринимательской деятельностью до 60–70% от активного населения страны. К решению этой задачи необходимо подойти комплексно, учитывая, в том числе, особенности развития отдельных регионов. Полученное эмпирическое подтверждение гипотезы о взаимовлиянии уровня развития предпринимательства и уровня жизни населения дает основание для некоторых рекомендаций органам власти всех уровней относительно выполнения стоящей задачи.

При разработке комплекса мер по развитию малого бизнеса в России необходимо учитывать не только экономические, но и институциональные характеристики регионов, склонность населения к предпринимательским рискам. Россия – многонациональная страна, и многие народы, проживающие на ее территории, не имеют национальных традиций в организации предпринимательства. Развитие малого предпринимательства в таких регионах малоперспективно.

При формировании бюджетов всех уровней при определении размера трансферта, выделяемого территории, целесообразно ввести индикаторы, стимулирующие развитие малого бизнеса. Следует включить эти показатели в оценку деятельности руководителей регионов, расширив тем самым список показателей, определенных Указом Пре-

зидента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». Скорее всего, в регионах с высоким уровнем бедности развитие малого бизнеса будет замедленным из-за низкого внутреннего спроса. В таких регионах целесообразна государственная поддержка малого бизнеса в форме компенсации недостатка платежеспособного спроса населения и в форме государственных заказов малому бизнесу на предоставление услуг населению.

Статистически доказано взаимовлияние развития малого бизнеса и уровня человеческого развития на территориях Российской Федерации. Таким образом, общее оживление экономики, здоровье и образовательный потенциал населения, и прежде всего молодежи, создают благоприятные условия для развития частной инициативы и малого предпринимательства.

Литература

1. **Российский** статистический ежегодник. – М.: Росстат, 2007.
2. **Тамбовцев В.Л.** Экономические потери от административных барьеров в хозяйственной деятельности // Регион: экономика и социология. – 2001. – № 3. – С. 44–54.
3. **Мигин С.В., Шестоперов О.М., Шеховцов А.О., Щетинин О.А.** Оценка доли теневого оборота в малом предпринимательстве в 2002–2006 гг. – М.: МОНФ, 2007. – 128 с.
4. **Кольчугина А.В.** Деятельность малых предприятий Российской Федерации в начале XXI века // Вопросы статистики. – 2004. – № 4. – С. 45–48.
5. **Loveman G., Sengenberger W.** The re-emergence of small-scale production: An international comparison // Small Business Economics. – 1991. – V. 3, No. 1. – P. 1–38.
6. **Keeble D.** New firm and regional economic development: Experience and impacts in the 1980s // Cambridge Regional Review. – 1990. – V. XX–XXI. – P. 38–54.
7. **Berkowitz D., DeJong, D.** Accounting for growth in post-soviet Russia // University of Pittsburg, 1998 (Manuscript).
8. **Басарева В.Г.** Институциональные особенности возникновения малого бизнеса в регионах России // Консорциум экономических исследований и образования: Научный доклад № 02/02-2002/. – М., 2002. – 64 с.
9. **Schumpeter J.A.** Business cycles: A theoretical, historical and statistical analysis of the capitalist process. – N.Y.: McGraw-Hill, 1939.
10. **Предпринимательский** климат регионов России: География России для инвесторов и предпринимателей. – М.: Начала Пресс, 1997. – 230 с.
11. **Green W.H.** Econometric analysis. – Macmillan Publishing Company, 1993.

Регион: экономика и социология, 2008, № 3, с. 183–199

**ЭКОНОМИКО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ И ТЕКУЩЕЙ СТАТИСТИКИ)**

А.А. Кисельников, И.В. Курцев *

*Территориальный орган Федеральной службы государственной
статистики по Новосибирской области*

** Научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства
СО РАСХН*

Аннотация

На материалах сельскохозяйственных переписей 1917, 1920 и 2006 гг. и текущей статистики анализируется развитие сельского хозяйства Сибири. Выделены этапы позитивного и деструктивного развития сельского хозяйства макрорегиона. Анализируется период реформ 1990-х годов, сформулированы проблемы современного этапа развития сибирского села и дана количественная оценка этих процессов.

Ключевые слова: Сибирь, экономика, сельское хозяйство, сельскохозяйственные переписи, статистические данные, предельная продуктивность территории, продовольствие, обеспеченность

ЗНАЧЕНИЕ ИТОГОВ ПЕРЕПИСИ

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2006 г. – уникальное событие не только в истории российской статистики, но и в истории сельского хозяйства страны. Получен огромный и разнообразный по содержанию массив информации, который имеет многоцелевое

значение. Хотелось бы выразить надежду, что при государственном подходе к использованию материалов переписи и при корректной интерпретации ее итогов удастся покончить с внедренным в массовое сознание мифом о наших несметных земельных ресурсах и о том, что достаточно только привлечь «эффективных менеджеров-реструктуризаторов», как все наладится. Под прикрытием этого мифа в смутное время реформ 1990-х годов был принят пакет законов, запустивших механизм купли-продажи земли, невзирая на исторический опыт и угрозу национальной безопасности.

По размеру территории Россия находится на первом месте в мире, а по так называемой «эффективной площади»¹ – только на пятом. Лишь третья часть территории страны пригодна для жизни и ведения рентабельного сельского хозяйства. В Сибири эта доля еще ниже. Основные сельскохозяйственные угодья Западной Сибири южнее Транссиба по показателю предельных значений температурного параметра (+0,2°C) характеризуются понятием «на пределе продуктивной территории». В местах же восточнее оз. Байкал и севернее Томска комфортно жить и вести рентабельное сельское хозяйство нельзя. Остальная (и большая) часть территории Сибири, за исключением нескольких очагов освоения природных ресурсов, может лишь упоминаться в риторических рассуждениях на тему «сколько Франций может уместиться на территории...».

«Сельскохозяйственные угодья» – это еще более узкое понятие, чем «продуктивная площадь» (поскольку требуются плодородный слой, вегетативный период, условия увлажнения). К тому же под воздействием хозяйственной (и бесхозяйственной) деятельности человека, а также вследствие планетарных и региональных биосферных процессов сельхозугодья неуклонно сокращаются. В Сибири находится большая часть гидроэнергетических мощностей страны, поэтому затопленными оказались лучшие земли в Новосибирской, Иркутской областях и Красноярском крае. В итоге сегодня сельхозугодья занимают 56 млн га, или 11,8% от территории Сибирского федерального округа (СФО).

Нельзя не замечать тревожной ситуации, в которой мы живем. Оленьих пастбищ в нашей стране в 1,5 раза больше, чем земель, при-

¹ Термин «эффективная площадь» ввел в научный оборот в XIX в. французский географ Ж.Э. Реклю в своем труде «Земля и люди. Всеобщая география».

годных для продуктивного сельского хозяйства, а пашни (около 100 млн га) с учетом более низкой (в 4 раза по сравнению с Западной Европой) урожайности уже сейчас не хватает для самообеспечения страны продуктами питания.

Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. показывают, что есть уникальная возможность провести интегральную оценку оставшихся в России сельскохозяйственных земель и сформулировать принципиальные изменения в земельной и аграрной политике государства.

МЕСТО СИБИРИ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СТРАНЫ И СПЕЦИФИКА РЕГИОНА

По данным текущей статистики по состоянию на 1 января 2007 г. и предварительным итогам переписи 2006 г., доля Сибирского федерального округа во всей площади сельхозугодий и во всем объеме производимой в стране сельскохозяйственной продукции выше, чем его доля в численности населения страны (рис. 1). На округ приходится 13,8% численности населения, 25,7% площади сельхозугодий, 19,8% посевной площади, 14,3% производства сельскохозяйственной продукции, 13,9% продукции растениеводства, 16,5% продукции животноводства, 20% поголовья крупного рогатого скота, 19% поголовья свиней.

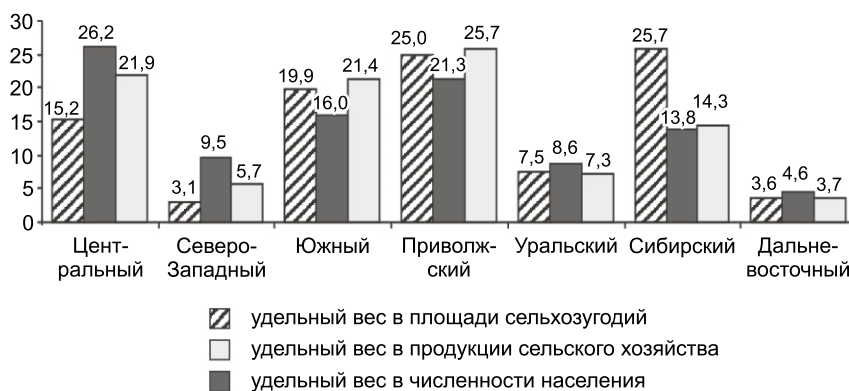

Рис. 1. Распределение федеральных округов по площади сельскохозяйственных угодий, численности населения и продукции сельского хозяйства

Если рассматривать Сибирь в экономико-географическом понимании, то к территории СФО нужно добавить Тюменскую область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В этом случае доля Сибири по численности населения составит 16,2%, по сельхозугодьям – 26,8, по пашне – 21, по валовой продукции сельского хозяйства – 17,3% (в среднем за 2001–2003 гг.). По сравнению с до-реформенным периодом (1986–1990 гг.) вклад Сибири в сельскохозяйственное производство России увеличился с 16,6 до 17,3%.

Можно выделить ряд особенностей этого макрорегиона, отличающих его от других сельскохозяйственных районов страны.

Во-первых, это холод. Период вегетации со среднесуточной температурой выше +10°C колеблется по районам Сибири в диапазоне от 75 до 150 дней. В европейской части России этот период не бывает меньше 120 дней.

Во-вторых, в Сибири практически нет земель, где не требуется проведение работ по преодолению тех или иных неблагоприятных природных факторов. Наиболее серьезный из них – засуха. В зоне недостаточного количества осадков находится 50% пашни; засуха повторяется с периодичностью раз в три года. По совокупности действия природных факторов за длительный период наблюдений в среднем три года из пяти являются неурожайными. Это позволяет относить Сибирский регион в целом к зоне рискованного земледелия.

В-третьих, в Сибири самая низкая трудообеспеченность. На 100 га пашни приходится три работника, тогда как по России в среднем – четыре; в расчете на 100 га сельхозугодий разрыв еще больше: 1,5 и 2,4 работника соответственно.

В-четвертых, фондооснащенность 1 га сельхозугодий в Сибири составляет лишь 60% от среднего уровня по стране, хотя экстремальные природные условия и более короткий полевой сезон предполагают более высокую фондовооруженность и ресурсообеспеченность.

Агроклиматический потенциал Сибири оценивается на уровне 60% от среднего по России, а в Забайкальском крае, Республике Тыве и Республике Бурятия – 35%.

В-пятых, в качестве положительного момента можно отметить более высокую, чем в среднем по России, землеобеспеченность. В расчете на одного проживающего в Сибири приходится 2,14 га, в том числе

пашни – 1,06 га. По России в среднем эти показатели составляют соответственно 1,33 и 0,83 га, т.е. они примерно в 1,5 раза ниже.

В-шестых, несмотря на менее благоприятные природные условия и худшую ресурсобеспеченность, сельское хозяйство Сибири оказалось более устойчивым под ударом реформ. Так, объем производства мяса снизился по сравнению с 1990 г. в Сибири в 1,8 раза, а в целом по стране – в 2 раза, молока – соответственно в 1,5 и 1,6, зерна – в 1,2 и 1,4 раза.

Агропромышленный комплекс Сибири лучше обеспечивает проживающее здесь население продуктами питания. На одного жителя в СФО производится по сравнению со среднероссийскими показателями молока больше на 17%, мяса – на 15, картофеля – на 22, зерна – на 10% [1].

В-седьмых, анализ зарубежных и отечественных публикаций по долгосрочным экологическим прогнозам, несмотря на их вероятностный характер, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что для Сибири климатические изменения будут благоприятными. На фоне ухудшения экологической ситуации во многих сельскохозяйственных районах планеты это будет означать повышение роли данного региона в продовольственном обеспечении страны.

Понимание того, что в этом суровом по природно-климатическим условиям и трудодефицитном регионе успешное ведение сельского хозяйства должно базироваться на достижениях науки и современных технологиях, сформировалось еще в начале прошлого века. Но этапы уверенного, поступательного развития сменялись кризисами и разрухой, которые отбрасывали сельское хозяйство Сибири на много лет назад.

Данные переписей и текущей статистики позволяют не только выстроить и проанализировать динамику основных параметров развития сельского хозяйства, но также, сопоставив эту динамику с ключевыми историческими событиями и этапами социально-экономического развития страны, сделать полезные выводы.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В XX в.

В современном восприятии экономика Сибири ассоциируется в первую очередь с нефтегазовым комплексом, добычей сырья, тяжелой промышленностью. Но 100 лет назад, как и в более ранний период, Сибирь развивалась как аграрный регион.

В начале XX в. Россия имела мощный, растущий демографический потенциал (в семьях было по шесть-семь детей). Славянский этнос находился в пассионарной фазе, и основной вектор его движения был направлен на восток. Этому способствовали не только обширные неосвоенные территории Сибири, но и отсутствие частной собственности на землю (помещичьего земледелия) к востоку от Урала, более щадящая, чем в западных районах страны, налоговая политика (налоговые ставки в диапазоне 10–22% дохода) и сильная государственная поддержка, в том числе в рамках Столыпинской реформы 1907–1913 гг.

Результатом такой осмысленной стратегии стал резкий рост объемов производства и товарности сельского хозяйства Сибири. Основной целью строительства крупнейшей в мире Великой сибирской магистрали был вывоз зерна из Сибири. Но уже накануне ввода в эксплуатацию первого участка магистрали (Челябинск – Новониколаевск) С.Ю. Витте ввел заградительный тариф – так называемый «челябинский перелом тарифов» [2]. Цель его – спасти от разорения под давлением дешевого сибирского хлеба помещичьи хозяйства центральных губерний. Эта мера примерно на 30% увеличивала стоимость провоза хлеба из Сибири до балтийских портов.

Правда, вскоре выход сибирскому хлебу и другим товарам из Сибири был найден: их стали вывозить по направлению Называевская – Пермь – Вятка – Котлас – Архангельск. На данном маршруте транспортные затраты были ниже, поскольку они были свободны от «челябинского перелома». Это способствовало продвижению сибирского зерна на европейский рынок (через Архангельск) и обеспечению хлебом севера европейской части России, где часто случались неурожаи и вызванные этим голодовки. Не случайно Пермь-Котласскую железную дорогу С.Ю. Витте рассматривал как составную часть Великого сибирского пути. Самостоятельный интерес представляет опыт использования железнодорожных тарифов в качестве инструмента регулирования зерновых и продовольственных рынков России.

Приведем несколько цифр и фактов, характеризующих результаты аграрного развития Сибири в первые 15 лет XX в.:

- в период 1901–1914 гг. в Сибирь прибыло 2,7 млн чел., из которых около 90% пополнили сельское население [3];
- посевные площади за это время увеличились в 2 раза. Среднегодовое производство зерна в 1911–1915 гг. превысило уровень 1901–1905 гг. на 66%;
- поголовье крупного рогатого скота с 1900 по 1916 г. увеличилось примерно в 1,7 раза. Соответственно динамике развития животноводства выросло производство мяса. В 1916 г. доля сибирского мяса на рынках Москвы и Петербурга составляла 45–50% [4]. Вывоз сливочного масла из Сибири увеличился с 1050 тыс. пудов в 1900 г. до 4612 тыс. пудов в 1915 г. [5]. Экспортная выручка от продажи масла вдвое превысила доходы от золотодобывающей промышленности.

Возникает закономерный вопрос: почему так различаются, можно сказать, противоположны результаты аграрного развития Сибири в начале XX и XXI столетий? Ведь несмотря на то, что указанные периоды (1900–1916 гг. и 1991–2006 гг.) разделяет 90–100 лет, оба они могут быть названы периодами становления капитализма в России. Однако в первом случае (1900–1916 гг.) население в массовом порядке приезжает в Сибирь, а во втором – уезжает. В начале XX в. наблюдался резкий рост площади пашни, валовых сборов зерна, поголовья скота, экспорта и т.д., а в результате рыночных реформ 1990-х годов все эти показатели падают, и сельское хозяйство Сибири не может прокормить даже собственное население, несмотря на достижения научно-технического прогресса.

Институциональная теория, не вдаваясь в политические оценки (кто виноват и в чьих интересах), на подобные вопросы дает лаконичный ответ: причина – в разнице институтов. Действительно, если приглядеться, то при внешнем сходстве этих исторических эпох между ними имеется масса различий, в том числе принципиальных. Резкая, революционная ломка одних институтов и поспешная их замена другими ввергают в шоковое состояние экономику и социальную сферу. Статистика беспристрастно фиксирует результаты этих болезненных трансформаций, накапливая ценный эмпирический материал для анализа.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПЕРЕПИСЬ В СИБИРИ В 1920 г.

Сопоставление итогов переписей 1920 и 2006 гг. интересно в историческом контексте. Обе они проводились после революционных потрясений, ввергнувших сельское хозяйство в состояние тяжелого кризиса.

В Сибири была слабо развита земская статистика, поэтому основная нагрузка при проведении переписи 1920 г. легла на статистические подразделения переселенческих управлений. Перепись проводилась и результаты ее обрабатывались по шести губерниям: Алтайской, Енисейской, Иркутской, Новониколаевской, Омской, Томской. Переписывалось семь категорий хозяйств: крестьянские общины; коммуны; артели; совхозы; поселки городского типа; полевые посевы; хутора и другие изолированно расположенные хозяйства. Всего было переписано 1,2 млн хозяйств, разместившихся в 16688 пунктах. Подавляющее их число составляли общинные крестьянские хозяйства (в Алтайской губернии – 99%, в Омской – 99,3%). Аналогичным образом распределились по категориям хозяйств посевные площади (в Алтайской губернии – 99,3%, в Омской – 98,7%) [6, 7].

В каждом крестьянском хозяйстве в среднем по Сибири было 5,57 души, в том числе 2,52 работника, и велось оно преимущественно без привлечения наемных работников. Наемной рабочей силой пользовались 2,7% хозяйств, количество нанятых работников составляло лишь 0,6% от общего их числа [8].

По сравнению с 1917 г. – годом предыдущей сельскохозяйственной переписи в 1920 г. общая площадь посевов уменьшилась на 15%, поголовье лошадей сократилось на 25%, крупного рогатого скота – на 44%, мелкого скота – на 33%. В среднем на одно хозяйство приходилось 4,8 десятины (1 десятина = 1,0925 га) полевой посевной площади, 2,4 головы лошадей, 2,5 – крупного рогатого скота, 4,7 – мелкого скота против соответственно 6,5; 3,7; 5,1 и 8 в 1917 г. В посевной площади 96,6% занимали зерновые культуры, что свидетельствует о еще большей степени распространения монокультуры по сравнению с 1917 г., когда на зерновые приходилось 95,2% посевов [6, 7]. В среднем каждое десятое хозяйство было лишено основы сельскохозяйственной деятельности, т.е. не имело ни земли, ни скота.

Значительно ухудшилась обеспеченность крестьянских хозяйств машинами и орудиями. Так, в 1920 г. по сравнению с 1917 г. по Сибири в целом количество плугов уменьшилось на треть, сеялок – в 2,4 раза. Об уровне технического оснащения крестьянских хозяйств можно судить по данным, касающимся Алтайской губернии. На 100 крестьянских хозяйств приходилось 47 плугов, 12 сох, 142 бороны с железными зубьями, одна сеялка, 10 жнеек, 11 сенокосилок, 10 конных граблей, шесть молотилок, один сепаратор, две маслобойни, 116 кос, 65 серпов [9].

Данные переписи 1920 г. отразили тяжелейшее состояние сельского хозяйства Сибири, обусловленное последствиями Первой мировой и Гражданской войн и политикой военного коммунизма, в результате которых рынок сельскохозяйственной продукции был почти полностью закрыт, его сменила продразверстка с обязательной сдачей продукции в количестве, намного превышающем ее излишки у крестьян. Почти полностью было разрушено сибирское маслоделие.

Эти данные стали одним из аргументов в пользу изменения государственной политики в отношении крестьянства. В 1921 г. были провозглашены замена продразверстки продналогом и переход к новой экономической политике, обещавшей повышение материальной заинтересованности крестьян. Эта политика базировалась на восстановлении товарно-денежных отношений, усилении стимулирующей роли налогов, применении льготного режима налогообложения. Именно НЭП стал основой довольно быстрого преодоления кризиса сельского хозяйства².

ПЕРИОДЫ ПОДЪЕМА И СПАДА АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ В XX в.

После 1920 г. вплоть до 2006 г. в Сибири, как и во всей стране, сплошные сельскохозяйственные переписи не проводились. В связи с организацией действовавшего учета, колхозной и совхозной отчетности необходимость в них отпала. Основу сельскохозяйственной статистики в советский период составляли данные сельсоветской

² Более подробно итоги переписей 1920 и 2006 гг. рассмотрены в статье [10].

и хозяйственной отчетности, а также результаты нерегулярно проводимых выборочных или частичных переписей.

Имеющиеся статистические данные (как архивные, так и опубликованные в открытой печати) позволили исследователям сформировать динамические ряды основных натуральных статистических показателей, характеризующих развитие аграрного сектора экономики Сибири в сопоставимых границах.

Отметим несколько ключевых событий в интервале 1920–2000 гг.:

- 1923 г. – переломный год, ознаменовавший переход от политики военного коммунизма к НЭПу;
- 1927–1928 гг. – восстановление сельскохозяйственного производства в Сибири. Достигнуты показатели 1915–1916 гг. по растениеводству и животноводству;
- 1928 г. – поездка И.В. Сталина в Сибирь, положившая начало внедрению методов грубого административного нажима на крестьян, сворачиванию НЭПа и развертыванию кампании коллективизации. Коллективизация сельского хозяйства была проведена в экстремально короткие сроки и принудительным способом. Она привела не только к резкому спаду сельскохозяйственного производства, но и к безвозмездному изъятию из села колоссальных ресурсов всех видов для целей индустриализации, национальной обороны и реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов. Крайне тяжелые последствия для страны в целом и для Сибири в частности имел вызванный коллективизацией слом многовекового жизненного уклада у большей части населения. В результате, можно сказать, насильственным способом был осуществлен переход от многодетной семьи к семье, имеющей, как правило, двух детей (первый демографический переход).

Как видно из табл. 1, в течение XX в. периоды подъема сельского хозяйства чередовались с периодами кризиса или резкого спада. Иногда это было обусловлено проявлением причин внешнего характера, но в большинстве случаев – недостаточно продуманными экспериментами во внутренней политике.

Таблица 1

Подъемы и спады в аграрном развитии Сибири в XX в.

Период	Характеристика процесса	Результат
1901–1916 гг.	Рост сельскохозяйственного производства – экстенсивный и интенсивный, связанный с аграрной экспансией и проведением Столыпинской реформы	+
1917–1922 гг.	Резкий спад сельскохозяйственного производства вследствие Первой мировой и Гражданской войн и политики военного коммунизма	–
1923–1928 гг.	Восстановительный рост сельскохозяйственного производства в условиях НЭПа	+
1928–1933 гг.	Спад сельскохозяйственного производства вследствие коллективизации, резкого перехода к новым организационным формам	–
1934–1940 гг.	Рост сельскохозяйственного производства на базе коллективных предприятий и достижений НТП	+
1941–1945 гг.	Спад сельскохозяйственного производства вследствие Великой Отечественной войны	–
1946–1950 гг.	Рост сельскохозяйственного производства – восстановление довоенного уровня	+
1951–1970 гг.	Рост сельскохозяйственного производства, укрепление материальной базы села. Широкое распространение волонтеристского подхода	+ –
1971–1990 гг.	Рост сельскохозяйственного производства на базе НТП, инвестиций. Ухудшение динамики к концу периода («перестройка»)	+ –
1991–2000 гг.	Резкий спад сельскохозяйственного производства	–

Здесь уместно отметить, что сельское хозяйство Сибири практически во все указанные периоды (военный коммунизм, коллективизация, послевоенный восстановительный рост) подвергалось большим изъятиям хлеба и других ресурсов, чем аграрные регионы европейской части страны. Данные статистики этот вывод подтверждают.

В целом можно утверждать, что в XX в. в развитии сельского хозяйства Сибири прогресс наблюдался только 60 лет. Остальные 40 лет –

регресс, вызванный разрухой после революции, войнами и деструктивными реформами. Закономерным итогом такого изнурительного «бега на месте» в течение 100 лет стало, в частности, то, что если в 1901–1905 гг. среднегодовой чистый сбор (без семян) зерновых культур на душу населения в Сибири составил 608 кг, то в 1999–2002 гг. на душу населения производилось зерна почти столько же – 602 кг, но включая семена [11].

Таким образом, с точки зрения продовольственного обеспечения населения ситуация за 100 лет даже ухудшилась, несмотря на выдающиеся достижения научно-технического прогресса в XX в. В других секторах экономики наша страна достигла невиданных высот: ВВП за 100 лет увеличился в 79,3 раза, основные фонды – в 89,1, промышленное производство – в 216,3, внешнеторговый оборот – в 257 раз [12].

По Сибири таких опубликованных данных нет, но есть основания полагать, что они в разы выше, чем в среднем по стране (городское население в Сибири за 100 лет выросло в 55 раз, а по России – в 11 раз). На фоне этих цифр результаты развития аграрного сектора сибирской экономики выглядят совершенно неудовлетворительными, причем наиболее деструктивным оказался период рыночных преобразований – 1990-е – начало 2000-х годов.

ИТОГИ РЕФОРМИРОВАНИЯ АПК СИБИРИ В ПЕРИОД 1990–2006 гг.

Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. и данные текущей статистики позволяют сделать следующие выводы.

1. По разным причинам значительное число сельхозпроизводителей СФО по всем без исключения категориям хозяйств прекратили свою деятельность (рис. 2). Особенно выделяется категория крестьянских (фермерских) хозяйств: из них прекратили или приостановили свою деятельность около 60%. Близкие результаты получены по индивидуальным предпринимателям: их осталось 56,2%. Видимо, в силу природно-климатических условий, исторических традиций и иных причин фермерская форма хозяйствования не приживается на сибирской земле. Не случайно и в рамках Столыпинской реформы

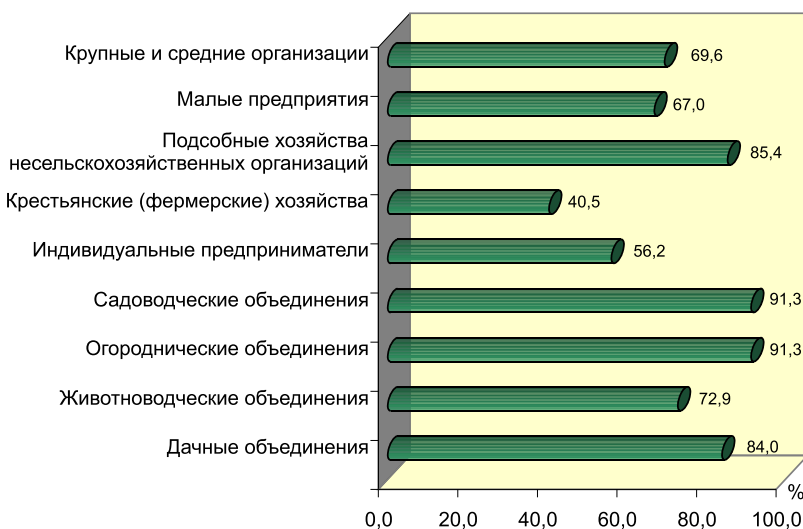

Рис. 2. Удельный вес сельскохозяйственных производителей, осуществляющих сельскохозяйственную деятельность в 2006 г., % от общего числа соответствующей категории хозяйств

1907–1913 гг. при более благоприятной демографической ситуации и более эффективных формах стимулирования во всем Зауралье удалось создать лишь 72 тыс. фермерских хозяйств, на долю которых приходился лишь 1% сельхозугодий.

2. Из общей площади земли сельскохозяйственного назначения, по предварительным данным переписи 2006 г., фактически используется 73%, в том числе по категориям хозяйств: сельскохозяйственные организации – 72,1%, крестьянские (фермерские) хозяйства – 81,7, хозяйства населения – 73,5%.

В докладе академика РАСХН С.А. Донченко на Первом съезде работников АПК Сибири (г. Барнаул, 25 октября 2007 г.) [1] было отмечено, что за последние 15 лет общая площадь сельхозугодий в Сибири сократилась на 5,3 млн га, в том числе площадь пашни – на 4,6 млн га. Идет стихийный процесс вывода пашни из оборота, что сопровождается засорением и закустариванием. Посевная площадь зерновых культур уменьшилась на 25%.

3. Крупные и средние организации сохранили основную долю в структуре используемых земель сельскохозяйственного назначения (62%). На долю фермерских хозяйств приходится 11%, малых предприятий – 10, хозяйств населения – 9%.

4. Производство сельскохозяйственной продукции в Сибири не достигло дореформенного уровня, за исключением производства овощей и картофеля (табл. 2). Потери объемов производства в период 1991–2000 гг. не только в абсолютном, но и в относительном выражении для сельского хозяйства Сибири оказались более тяжелыми, чем потери в период между переписями 1917 и 1920 гг., на который пришлись революция, Гражданская война и военный коммунизм.

5. Основным фактором, обуславливающим кризис сельского хозяйства (наряду с резким сокращением бюджетных ассигнований на поддержку села), является диспаритет цен, который увеличился после 1990 г. в 4 раза. С помощью этого «инструмента» из сибирского села за годы рыночных реформ 1990-х годов выкачано не меньше ресурсов, чем в период коллективизации с помощью репрессивных мер.

Даже в относительно благополучный период 2001–2005 гг. удельный вес убыточных предприятий составлял около 40%, а финансовый результат по всей хозяйственной деятельности колебался от убыточ-

Таблица 2

Производство сельскохозяйственной продукции в Сибирском федеральном округе по всем категориям хозяйств в среднем за год, тыс. т

Вид продукции	1986–1990	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006
Зерно (в весе после до- работки)	17569	14039	11032	13315	12015
Картофель	5119	6180	5820	6505	6482
Овощи	1193	1304	1501	1967	2009
Мясо (в убойном весе)	1519	1235	836	816	797
Молоко	8962	7769	5817	5703	5454
Яйцо, млн шт	6709	5563	4666	5266	5401

ности (–1,8%) в 2002 г. до рентабельности (16,2%) в 2004 г., что далеко не отвечает задачам и требованиям расширенного воспроизводства.

5. Вследствие сокращения государственной поддержки, диспаритета цен, дезорганизации прежней системы управления, ухудшения финансового состояния сельскохозяйственных предприятий и других причин резко ухудшилась материальная база села:

- фондооснащенность сельского хозяйства Сибири уменьшилась до 30–40% от нормативного уровня, что соответствует 1960 г.;
- парк тракторов и машин к 1990 г. сократился в 2 раза, что соответствует началу 1960-х годов;
- парк комбайнов уменьшился до уровня 1950-х годов;
- внесение удобрений сократилось в 12 раз.

По интегральной оценке материальной базы, отрасль отброшена на 40–45 лет назад, т.е. к периоду начала 1960-х годов.

По указанным выше причинам произошел также регресс на основных направлениях внедрения достижений НТП: в генетике, селекции, племенной работе, технологии интенсивного земледелия и восстановления плодородия земель.

6. Кризисное состояние сельскохозяйственной отрасли негативно воздействует на социально-экономическое развитие региона в целом. Данные текущей статистики указывают на наличие прямой корреляционной связи между удельным весом сельского хозяйства в структуре ВРП и уровнем бедности (депрессивности) конкретного субъекта федерации – СФО: чем больше в регионе удельный вес сельского хозяйства, тем беднее живет население в целом.

7. До проведения переписи в 2006 г. довольно распространенной была точка зрения о большой доле не учтенных текущей статистикой материальных и финансовых потоков на селе. Якобы истинная картина не так печальна, как ее отражают статистические показатели. Сопоставление предварительных данных переписи 2006 г. и текущей статистики по Новосибирской области позволяет сделать вывод, что по сопоставимому кругу показателей принципиальных расхождений нет.

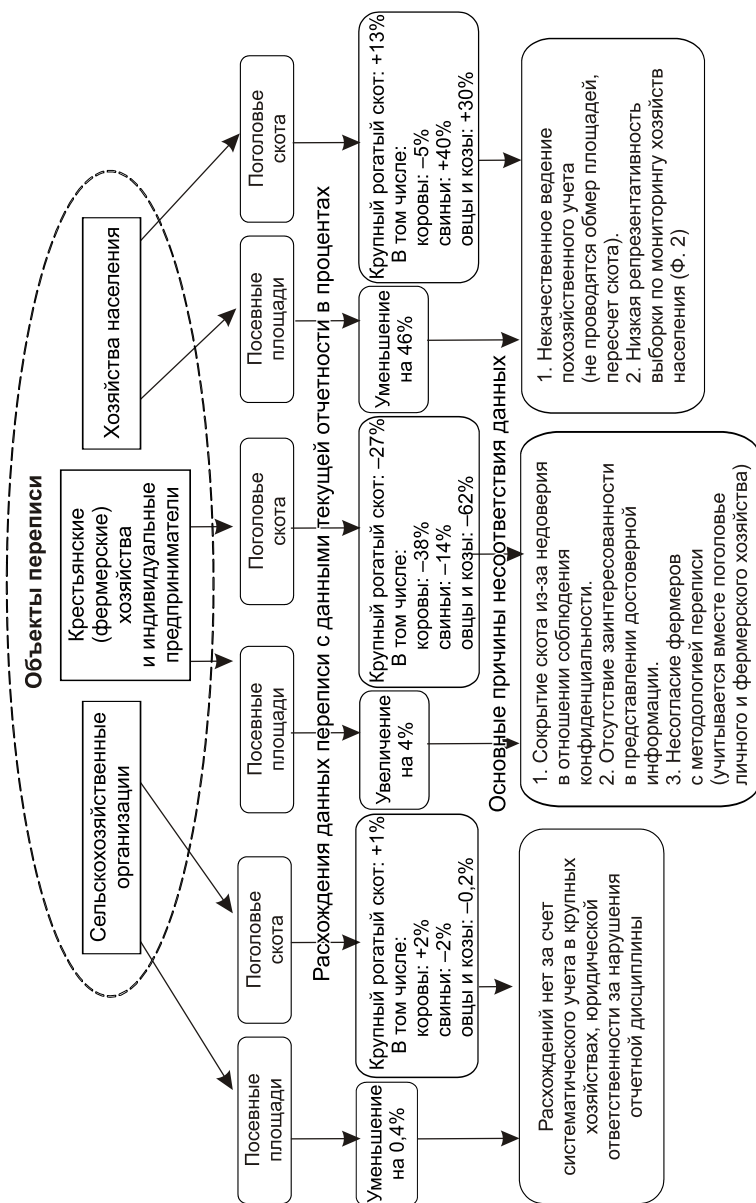

Рис. 3. Сравнительные результаты данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. и текущего учета на примере Новосибирской области

Из данных, представленных на рис. 3, видно, что практически нет таких расхождений по сельскохозяйственным организациям. Данные переписи по фермерским хозяйствам и хозяйствам населения имеют существенные отклонения от данных текущего учета (особенно по поголовью скота), но они взаимно погашаются, и имеющиеся расхождения вполне логично объясняются. С учетом удельного веса различных категорий хозяйств предварительные итоги переписи 2006 г. вполне корреспондируют с выводами, которые сделаны на основе текущей статистики.

Литература

1. **Донченко А.С.** Стратегия развития сельского хозяйства Сибири и пути ее реализации: Доклад на Первом съезде работников АПК Сибири (г. Барнаул, 25 октября 2007 г.). – Барнаул, 2007. (Препринт).
2. **Витте С.Ю.** Собрание сочинений и документальных материалов: В 5 т. Т. 1: Пути сообщения и экономического развития России. – М.: Наука, 2004. – Кн. 2, ч. 1.
3. **Литошенко Л.Н.** Социализация земли в России. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001.
4. **Крестьянство** Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск: Наука, 1983.
5. **Ершов В.П.** Рынок сбыта сибирского масла // Жизнь Сибири. – 1924. – № 7–9.
6. **Государственный архив** Новосибирской области. – Ф. 1328. – Оп. 1. – Д. 200. – Л. 1–3.
7. **Государственный архив** Новосибирской области. – Ф. 1328. – Оп. 1. – Д. 207. – Л. 2.
8. **Сборник** Сибирского статистического управления. – Новониколаевск: Тип. Губсовнархоза № 1, 1922. – Вып. 7, т. 2.
9. **Итоги** Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. по Алтайской губернии // Фонды ЦНСХБ СО РАСХН.
10. **Курцев И.В., Кисельников А.А.** Сельскохозяйственные переписи в Сибири 1920, 2006 гг.: исторические аналогии // Сборник докладов конференции. – Южно-Сахалинск: Сахалинстат, 2006.
11. **Курцев И.В.** Устойчивое развитие АПК Сибири: предпосылки, факторы, пути. – Новосибирск: Изд-во СО РАСХН, 2005.
12. **Симчера В.М.** «Лукавая цифра» – 20 лет спустя // Российская Федерация. – 2007. – № 18.

ПРИПОЛЯРНАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ МАГИСТРАЛЬ: АНАЛИЗ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ЭФФЕКТОВ

А.И. Шипилина

Сибирский государственный университет путей сообщения

Аннотация

Рассматривается актуальная проблема сооружения Приполярной железнодорожной магистрали. Показана перспективность проекта в связи с необходимостью освоения Россией шельфа Северного Ледовитого океана. Проанализированы альтернативные железной дороге варианты транспортного освоения. С использованием теории принятия решений в условиях неопределенности и аппарата расплывчатых множеств оценена предпочтительность сооружения железной дороги.

Ключевые слова: Приполярная магистраль, альтернативы, Арктический шельф, «мертвая дорога», сценарий, лингвистическая переменная

По данным Американской геологической службы, в Арктике сосредоточено около 25% всех мировых запасов нефти и природного газа, а также имеются богатые залежи алмазов, золота, платины, олова, марганца, никеля и свинца [1]. Вокруг Арктического шельфа уже бушуют страсти. На ресурсы континентального шельфа Северного Ледовитого океана претендуют Россия, США, Канада, Норвегия, Дания. Россия заявила, что освоение углеводородов шельфа Арктики будет осуществляться цивилизованным методом, т.е. на основе международного права будет выстроена четкая система взаимодействия всех участников освоения [2]. Правительство Российской Федерации в июне 2008 г. уже объявило международный тендер на проведение геолого-разведочных работ в российском секторе шельфа. По оценкам специалистов, здесь может залежать до 5 млрд т углеводородов [3].

Объемы буровых работ (вначале геолого-разведочных, а затем и эксплуатационных) будут огромными. А как известно, «бурить – значит возить», и без надежного всепогодного транспорта круглогодичного действия освоение ресурсов Крайнего Севера очень затруднено. Таким транспортом пока остается железнодорожный.

Советский Союз сразу после окончания Великой Отечественной войны начал сооружение Приполярной железнодорожной магистрали. Строительство велось в экстремальных природно-географических условиях Крайнего Севера в основном силами заключенных. Оно было прекращено в 50-е годы, после смерти Сталина. Построенный участок магистрали ныне известен как «мертвая дорога».

Сегодня на Приполярной магистрали в эксплуатации находится один только центральный участок – от Надыма до Коротчаева, а западный (до Салехарда) и восточный (до Игарки) заброшены. Их восстановление и продолжение железной дороги на восток считаются перспективным проектом и активно обсуждаются, правда пока только на уровне проектного замысла. Приполярная магистраль как важнейший элемент экономической инфраструктуры может стать одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Крайнего Севера и России в целом. Новая магистраль позволит решить две крупные стратегические задачи: она обеспечит круглогодичный доступ к богатейшей минерально-сырьевой базе шельфа Северного Ледовитого океана, которая в будущем сыграет важнейшую роль в обеспечении ресурсной независимости России, и возьмет на себя функцию «транзитного моста» между странами Европейского союза и странами НАФТА.

В составе северо-восточного вектора Концепции развития транспортного комплекса России, разработанной учеными Сибирского государственного университета путей сообщения, одно из наиболее приоритетных мест отводится строительству Приполярной магистрали от Воркуты до Уэлена с продолжением на Аляску через тоннель под Беринговым проливом. Предполагается, что в пределах Азиатской России магистраль пройдет от Салехарда (Лабытнанги) примерно по трассе «мертвой дороги» до Игарки и далее через Эвенкию и Западную Якутию до Якутска с выходом на Уэлен [4]. Новая железнодорожная сеть позволит начать освоение перспективных территорий Сибири и Дальнего Востока, потенциально богатых природными ресурсами.

Оценка будущей эффективности железнодорожных проектов относится к слабоструктурированным задачам. В частности, проект возрождения Приполярной магистрали находится пока на стадии предварительных обсуждений и выяснения инвестиционных намерений будущих инвесторов. Следовательно, по необходимости обоснование эффективности проекта и принятие решения по нему будут осуществляться в ситуации ограниченной рациональности [5]. При этом нужно учитывать два важнейших фактора. Во-первых, объем имеющейся информации ограничен, т.е. невозможно провести полный, исчерпывающий анализ проблемной ситуации по имеющимся данным. Во-вторых, проект разрабатывается при высоком уровне неопределенности, именуемой «радикальной», когда затраты на него и его результаты могут оцениваться в основном вербально.

Выгода, которая может быть получена от строительства Приполярной железнодорожной магистрали, предсказуема, но не оставляет сомнения и тот факт, что для осуществления этого проекта потребуются огромные капиталовложения. Прежде чем оценивать совокупный эффект от реализации проекта строительства Приполярной магистрали, необходимо провести оценку сравнительной ожидаемой эффективности проекта и его альтернатив. Для оценки сравнительной эффективности различных альтернатив Приполярной магистрали нами были рассмотрены следующие варианты:

- альтернатива I – морской традиционный (МТ): реконструкция существующего Северного морского пути от Мурманска до бухты Провидения;
- альтернатива II – морской подводный (МП): создание Арктической подводной магистрали от порта Дудинка через желоб Святой Анны или Франц-Виктория до котловины Подводников в Чукотское море и до Берингова пролива;
- альтернатива III – железнодорожный традиционный (ЖДТ): строительство железнодорожной магистрали от Воркуты до Уэлена (с продолжением на Аляску через тоннель под Беринговым проливом).

Предполагалось, что перечисленные выше альтернативы будут реализованы в среде одного из трех сценариев:

оптимистический сценарий (ОС) – когда внешние условия способствуют достижению целей проекта, но в разной степени при различных альтернативах (МТ, МП, ЖДТ) его реализации. В качестве такого сценария-контраста рассматривался инновационный вариант развития России в интервале до 2020 г. [6];

пессимистический сценарий (ПС) – когда внешние условия не способствуют достижению целей проекта в полном объеме, но в разной степени при различных альтернативах (МТ, МП, ЖДТ) его реализации. В качестве такого сценария-контраста рассматривался инерционный вариант развития России в интервале до 2020 г. [6];

комбинированный сценарий (КС) – когда некоторые внешние условия способствуют достижению целей проекта, а некоторые препятствуют, но в разной степени при различных альтернативах (МТ, МП, ЖДТ) его реализации. Это комбинация двух предыдущих сценариев.

Для анализа ожидаемой эффективности проекта строительства Приполярной магистрали использовалась теория расплывчатых множеств [7], в которой центральным понятием является лингвистическая переменная, в общем виде характеризующаяся набором $[X, T(X), U, G, M]$, где X – название переменной; $T(X)$ обозначает множество названий лингвистических значений переменной X , причем каждое из таких значений является нечеткой переменной X со значениями из универсального множества U с базовой переменной u ; G – синтаксическое правило; M – семантическое правило, которое ставит в соответствие каждой нечеткой переменной X ее смысл $M(X)$ [8].

Применительно к рассматриваемому проекту выделим девять лингвистических переменных, характеризующих степень достижения системы целей проекта: X_1 – эффективность альтернативы МТ в сценарии ОС; X_2 – эффективность альтернативы МП в сценарии ОС; X_3 – эффективность альтернативы ЖДТ в сценарии ОС; X_4 – эффективность альтернативы МТ в сценарии ПС; X_5 – эффективность альтернативы МП в сценарии ПС; X_6 – эффективность альтернативы ЖДТ в сценарии ПС; X_7 – эффективность альтернативы МТ в сценарии КС; X_8 – эффективность альтернативы МП в сценарии КС; X_9 – эффективность альтернативы ЖДТ в сценарии КС.

Примем, что диапазон для всех девяти лингвистических переменных $U_i = [0, 1]$ при $i = 1, 2, \dots, 9$. Множества значений лингвистических

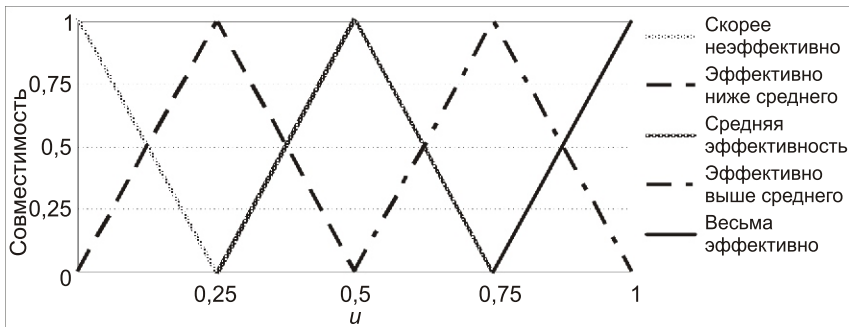
переменных (терм-множества) при $i = 1, 2, \dots, 9$ тоже одинаковы и формулируются так:

$T(X_i)$ = скорее неэффективно + эффективно ниже среднего + средняя эффективность + эффективно выше среднего + весьма эффективно.

Здесь каждое значение лингвистической переменной является названием нечеткой переменной в универсальном множестве $U_i = [0, 1]$, которое порождено грамматикой G .

Смысл лингвистического значения нечеткой переменной можно представить в виде математического выражения или графически, т.е. в виде функции совместимости, которая каждому значению базовой переменной ставит в соответствие число из интервала $[0, 1]$, символизирующее совместимость этого значения с нечетким ограничением. Функции совместимости нечетких переменных «скорее неэффективно», «эффективно ниже среднего», «средняя эффективность», «эффективно выше среднего», «весьма эффективно» (см. рисунок) представляют собой нечеткие подмножества множества $U_i = [0, 1]$ и вычисляются по формулам, приведенным в работе С.В. Минина [8].

Проверка согласованности экспертных суждений осуществлялась стандартными методами [9]. Формировалась экспертная группа и по результатам ее опроса методом анкетирования выявлялись оценки альтернатив по критерию степени достижения системы целей проекта в каждом из сценариев развития внешней среды. На основании формул, отображающих обратное выражение нечетких переменных через совмести-

Функция совместимости для значений лингвистической переменной

Таблица 1

Матрица средних оценок при $m = 1$

Альтернатива	Сценарии		
	ОС	ПС	КС
I	0,750	0,542	0,417
II	0,458	0,833	0,667
III	0,750	0,542	0,833

мость при уровне совместимости $m = 1$, определяются числовые значения нечетких переменных, отражающие экспертные оценки. На выходе получается оценочная матрица (табл. 1). Все множество элементов полученной оценочной матрицы отражает сравнительную оценку исходов всех возможных сочетаний альтернатив и сценариев.

Сформированная матрица дает возможность лицу, принимающему решение, проанализировать и сопоставить альтернативы, используя известные глобальные критерии из теории принятия решений: критерий Гурвица, максиминный критерий, критерий Сэвиджа, критерий максимакса, критерий Лапласа. Результаты расчета по глобальным критериям представлены в табл. 2. Метка в определенной клетке таблицы выделяет альтернативу, наилучшую по соответствующему глобальному критерию.

Таблица 2

Результаты расчета по глобальным критериям при уровне совместимости $m = 1$

Глобальный критерий	Альтернативы		
	I	II	III
Максиминный			+
Максимакс		+	+
Сэвиджа			+
Гурвица ($\alpha = 0 \dots 0,33$)			+
Гурвица ($\alpha = 0,33 \dots 1$)			+
Лапласа			+

Из результата расчета видно, что альтернативы I и II не являются эффективными по большинству критериев. Лишь вторая альтернатива по самому оптимистическому критерию (азартного игрока) представляется равнозначной третьей. Можно заключить, что доминирующее положение по результатам расчета по всем глобальным критериям занимает альтернатива III, т.е. вариант, предусматривающий строительство традиционной железной дороги от Воркуты до Уэлена.

* * *

Представляется, что данный подход уместен на стадии формирования инвестиционных намерений участников крупномасштабных проектов, демонстрирует возможность на основе слабоструктурированных данных принимать сложные решения на предпроектной стадии, предполагает экспертную оценку последствий (исходов) различных проектных альтернатив и ограждает от принятия катастрофически неправильных решений.

Литература

1. Кузнецова Т., Шахов В. Россия нырнула за богатствами // Аргументы и факты. – 2007. – 8 авг.
2. Аниськин А. Арктику поделят мирно // Комсомольская правда. – 2008. – 30 мая.
3. Крупеник Н. Арктический шельф – история с продолжением [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nkj.ru/news/13376/> (дата обращения 09.06.2008).
4. Концепция развития транспортного комплекса РФ: северо-восточный вектор / Под ред. К.Л. Комарова. – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2003. – 80 с.
5. Ди Меджлио Фр. Теория ограниченной рациональности // BusinessWeek. – 2004. – 26 Nov.
6. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года. – М.: Минтранс, 2005. – 78 с.
7. Заде Л. Понятие лингвистической переменной и ее применение к принятию приближенных решений. – М.: Мир, 1976. – 163 с.
8. Минин С.В. Использование теории расплывчатых множеств для оценки крупномасштабных инвестиционных регионально-транспортных проектов // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 4. – С. 144–156.
9. Кибалов Е.Б., Пахомова Г.Ф. Стратегический менеджмент: Учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2003. – 169 с.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СПРОСА НА ЭНЕРГОНОСИТЕЛИ В РЕГИОНЕ С УЧЕТОМ ИХ СТОИМОСТИ

Е.В. Гальперова, Ю.Д. Кононов, О.В. Мазурова

Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН

Аннотация

Предлагается методический подход к оценке спроса на топливо и энергию при разработке долгосрочных стратегий развития топливно-энергетического комплекса России и ее макрорегионов. Особое внимание уделяется ценовой эластичности спроса на энергоносители, учет которой в прогнозах актуален, так как в рыночной экономике цена и спрос взаимосвязаны. Предлагаемый подход применен для оценки спроса на газ восточных районов страны.

Ключевые слова: оценка, спрос, эластичность, сценарии развития, энергоносители, ТЭК, макрорегион, прогноз, модели

Прогнозирование спроса на топливно-энергетические ресурсы является многоэтапным и многоуровневым процессом, результаты которого используются как для определения рациональной стратегии развития ТЭК страны (задача верхнего уровня), так и для разработки схем топливо- и энергоснабжения отдельных территорий. При этом по этапам осуществляются разагрегирование рассматриваемой территории, уточнение и детализация энергопотребления. Соответственно меняется качество используемых данных и искомых показателей и изменяются методы прогнозирования.

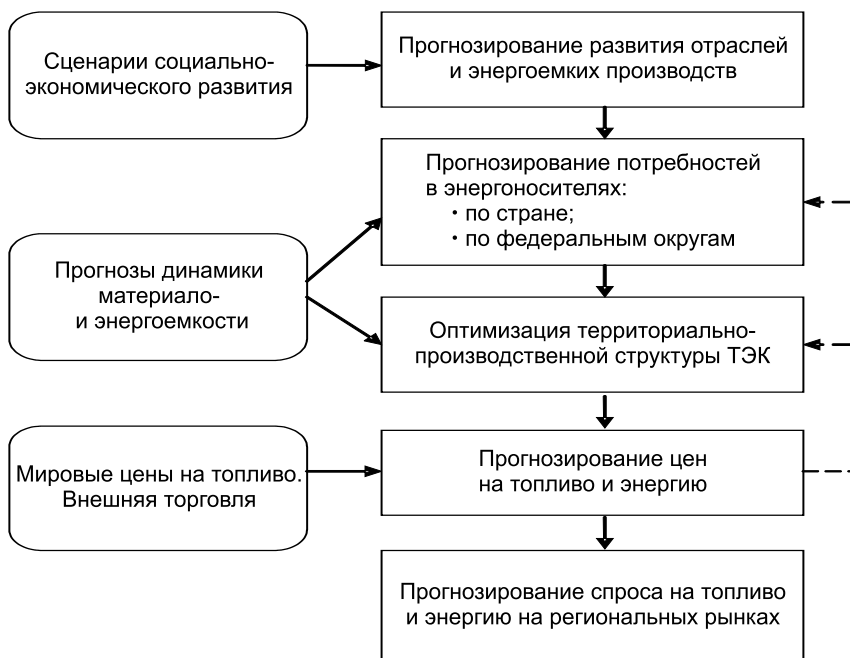
В данной статье рассматривается методический подход к оценке спроса на топливо и энергию, используемый в Институте систем энер-

гетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН при разработке долгосрочных стратегий развития ТЭК страны и укрупненных регионов, т.е. при расширении задачи верхнего уровня. При этом особое внимание уделяется ценовой эластичности спроса на энергоносители, учет которой в прогнозных исследованиях становится все более актуальным.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В рыночной экономике формирование цен и формирование спроса – взаимосвязанные процессы. Рост спроса на топливо вызывает увеличение объемов его добычи и транспорта и, соответственно, дополнительные затраты, а повышение цены стимулирует энергосбережение, переход к использованию альтернативных энергоносителей и способствует снижению потребности в данном топливе. Очевидно, что прогнозирование энергопотребления должно быть увязано с прогнозами цен на топливо и энергию, со сценариями развития экономики и топливно-энергетического комплекса. Теоретически должна решаться оптимизационная задача взаимосвязанного развития экономики и энергетики страны и регионов с учетом действия ценовых механизмов. Большая неопределенность условий, требований и связей делает нецелесообразным применение при долгосрочном прогнозировании сложных модельных комплексов с единой целевой функцией. Более реальным и соответствующим современному уровню знаний и возможностей является поэтапный подход, при котором долгосрочный прогноз спроса на энергоносители рассматривается как самостоятельная задача с итеративной увязкой ее с задачами прогнозных исследований развития экономики, энергопотребления и ТЭК. Предлагаемая схема ее решения приведена на с. 209.

Рассматривается несколько сценариев долгосрочного развития экономики России, различающихся прежде всего численностью населения, темпами роста ВВП, фонда потребления и инвестиций в основной капитал, а также структурой и объемами экспорта и импорта. На эти показатели настраивается межотраслевая динамическая модель [1], и с ее помощью определяется соответствующая каждому сценар

Этапы прогнозирования спроса на топливо и энергию

рию динамика развития промышленности (16 отраслей), строительства, транспорта, сельского хозяйства и сферы услуг.

Этим расчетам, как и расчетам энергопотребления, предшествует оценка вероятной динамики материалоемкости и энергоемкости отдельных отраслей. При этом учитываются российские и мировые тенденции, ожидаемые изменения внутриотраслевой и технологической структуры, соотношение существующих и новых производственных мощностей. Поскольку эти пропорции зависят от темпов развития каждой отрасли, постольку сценариям ускоренного развития экономики соответствуют более прогрессивные значения средних коэффициентов материалоемкости и энергоемкости. Умножая последние на прогнозные объемы производства продукции, можно получить предварительную оценку динамики потребностей в энергоносителях про-

изводственной сферы. Отдельно прогнозируется энергопотребление населения [2]. Определяются потребности в электроэнергии, теплоэнергии от централизованных источников, моторном топливе, топливе для нетопливных нужд и котельно-печном топливе для промышленных печей и населения.

Спрос на энергоносители, полученный для страны в целом, разагgregируется по федеральным округам пропорционально прогнозируемому изменению их доли в ВВП и численности населения. При этом учитываются тенденции изменения доли данного региона в общероссийском энергопотреблении в предплановый период, а также вся имеющаяся информация о возможном появлении на рассматриваемой территории новых крупных энергоемких производств.

На этой стадии расчетов потребность в конкретных видах топлива (газ, мазут, уголь и др.) не определяется. Это делается в оптимизационной модели ТЭК страны по федеральным округам [3]. В модели ТЭК определяется рациональный вариант удовлетворения заданной потребности в энергоносителях (в электроэнергии, теплоэнергии от централизованных источников и котельно-печном топливе) с учетом развития генерирующих мощностей и эксплуатации конкретных месторождений угля, газа и нефти. При расчете минимизируются так называемые приведенные затраты на производство и транспорт энергоресурсов.

Полученные в результате расчетов двойственные оценки (замыкающие затраты) топлива в самом первом приближении отображают рыночные цены. Из-за предшествующего агрегирования потребностей и территории они практически не учитывают разную эффективность использования взаимозаменяемых видов топлива в различных отраслях. Не учитывается также растущая зависимость цен на региональных энергетических рынках от мировых цен. Это заставляет включить в схему прогнозирования энергопотребления прогноз вероятной динамики цен на топливо и энергию. Используемый при этом методический подход отображает поведение на региональном энергетическом рынке потенциальных поставщиков топливно-энергетических ресурсов [4]. Для данного региона определяются минимальные цены предложения (цены самофинансирования, покрывающие эксплуатационные расходы и обеспечивающие минимальную прибыль

на вложенный капитал), цены межтопливной конкуренции и цены равновесия с мировыми. Последние равны ожидаемым экспортным ценам, за вычетом транспортных расходов и таможенных сборов.

На заключительном этапе прогнозирования энергопотребления определяется зависимость спроса на топливо и энергию от их стоимости.

СПОСОБЫ ОЦЕНКИ ЦЕНОВОЙ ЭЛАСТИЧНОСТИ СПРОСА НА ТОПЛИВО

Мировой опыт свидетельствует о существенной зависимости спроса на энергоносители и динамики энергоемкости отдельных отраслей и экономики в целом от изменения цен на топливо и энергию. Их рост вызывает сначала замену одного энергоносителя другим, затем переход к энергосберегающим технологиям (замену одного фактора производства другим: энергии – капиталовложениями или трудом) и, наконец, замену энергоемких видов продукции и услуг менее энергоемкими. При этом реакция экономики на значительное удорожание энергоресурсов носит длительный характер: простая замена энергоносителей требует до 2–3 лет, смена технологий – до 5–8 лет, перестройка структуры производства и конечного потребления – более 8–10 лет. Эта реакция может быть охарактеризована краткосрочной и долгосрочной эластичностью – изменением (в процентах) спроса на данный энергоноситель при изменении его стоимости на 1%.

Значения эластичности определяются обычно с помощью эконометрических моделей типа

$$D_i = F(Y, P_i, P_k), \quad (1)$$

где F – это, как правило, логарифмическая функция; D_i – потребление i -го энергоносителя; Y – валовой выпуск или доход; P_i – цена на энергоноситель i ; P_k – цена замещающего энергоносителя.

Коэффициенты при ценах в этих моделях, построенных по отчетным данным, характеризуют эластичность энергопотребления от цен.

Используются разные модификации формулы (1). Например, в анализе потребления газа в 30 странах в работе [5] применялись следующие три модели:

$$D_t = AP_t^{e_g} Y_t^{e_y}, \quad (2)$$

где D_t – потребление газа в году t ; A – константы; P_t – цена газа в году t ; Y_t – доход (ВВП); e_g – краткосрочная эластичность по цене; e_y – краткосрочная эластичность по доходу;

$$D_t = AP_t^{e_g} Y_t^{e_y} D_{t-1}^\lambda; \quad (3)$$

$$E_g = e_g / (1 - \lambda); \quad (3a)$$

$$E_y = e_y / (1 - \lambda), \quad (3b)$$

где E_g – долгосрочная эластичность по цене; E_y – долгосрочная эластичность по доходу; λ – временной лаг;

$$D_t = AP_{it}^{e_g} P_{ct}^{e_c} P_{ot}^{e_o} Y_t^{e_y}, \quad (4)$$

где P_{it} – цена топлива (газа, угля, нефти); e_i – ценовая эластичность топлива i .

Следует отметить, что тип используемой модели и набор включаемых в нее переменных оказывают заметное влияние на величину эластичности. Иллюстрацией может служить приведенный в табл. 1 разброс значений ценовой эластичности спроса на энергию, полученных для одного интервала времени.

Для получения достоверных значений эластичности с помощью эконометрических моделей спроса требуются достаточно длинные ряды статистических данных, отражающих устойчивые тенденции в изменении цен. С теми или иными корректировками эти коэффициенты используются для прогнозных расчетов в странах с рыночной экономикой.

В ряде прогнозных моделей делается попытка оценивать влияние стоимости энергоносителей на энергопотребление путем прямого сопоставления эффективности применения разных энергосберегающих технологий. Такого рода оценки проведены в 1992 г. в рамках одного из проектов Форума энергетических моделей – организации, которая при поддержке Министерства энергетики США осуществляет экспертизу сложных энергетических проблем. Наряду с базовым вариантом разви-

Таблица 1

Значения ценовой эластичности спроса на энергоресурсы, полученные с помощью разных моделей для периода 1970–1984 гг.*

Страна	Кол-во моделей	Эластичность	
		краткосрочная	долгосрочная
США	2	$-0,138 \div -0,141$	$-0,513 \div -0,517$
ФРГ	5	$-0,151 \div -0,485$	$-0,206 \div -1,170$
Япония	5	$-0,290 \div -0,551$	$-0,473 \div -1,080$
Франция	2	$-0,154 \div -0,448$	$-0,410 \div -0,448$
Великобритания	3	$-0,010 \div -0,166$	$-0,100 \div -0,210$
Канада	2	$-0,390 \div -0,62$	$-1,070 \div -1,100$

* *Источник: Welsch H. The reliability of aggregate energy demand function // Energy Economics. – 1989. – V. 11, No. 4. – P. 285–297.*

тия энергетики США в период 1991–2010 гг. (при темпах ее прироста на уровне 1% в год) рассматривался вариант увеличения стоимости всех энергоносителей на 25%. Расчеты на шести разных моделях дали заметный разброс оценок снижения энергопотребления к 2010 г. по сравнению с базовым сценарием: в непроемственной сфере – на 2–6%, в промышленности – на 4–8, на транспорте – на 1–8%.

Анализ зарубежных количественных оценок ценовой эластичности спроса на энергоносители показывает их нестабильность во времени и сильную зависимость от конкретных условий, специфики развития энергетики и экономики разных стран. Однако он позволяет сделать определенные качественные выводы, полезные при определении возможной реакции потребителей на изменение стоимости топлива и энергии:

- ценовая эластичность спроса увеличивается с развитием рыночных отношений, развитием экономики и ростом душевого ВВП;
- долгосрочная эластичность (адаптация потребителей за значительный промежуток времени к удорожанию топлива или энергии) в несколько раз выше краткосрочной;

- ценовая эластичность спроса на энергоносители в непродовольственной сфере ниже и более устойчива, чем в промышленности. Наиболее изменчива во времени и по странам эластичность спроса на топливо на электростанциях;
- при оценке возможной реакции на тот или иной энергоноситель надо учитывать изменение цен на конкурирующие энергоносители (перекрестную эластичность).

В России рыночные механизмы в экономике и энергетике только начинают развиваться. Со временем реакция разных категорий российских потребителей на изменение стоимости энергоносителей будет все более ощутимой, а численные значения эластичности спроса от цены будут приближаться к характерным для развитых стран. В настоящее время имеющихся статистических данных недостаточно для получения сколько-нибудь надежных значений ценовой эластичности спроса на топливо и энергию, пригодных для перспективных расчетов, а специфические российские условия допускают использование зарубежных оценок эластичности только в качестве очень грубого ориентира. Поэтому расчеты изменения спроса на энергоносители должны опираться на непосредственное сравнение экономической эффективности использования разных видов энергоносителей у разных групп потребителей, учитывать социальные и экологические критерии и требования.

Например, конкурентоспособность газа по сравнению с другими энергоносителями у отдельных потребителей определяется не только его относительной стоимостью, но и его технологическими, эксплуатационными и экологическими свойствами, обеспечивающими дополнительные экономические преимущества – так называемый «потребительский эффект». Эти свойства позволяют получить ту же цену конечной продукции при более высокой стоимости газа, чем конкурирующего энергоносителя.

Таким образом, конкурентоспособность газа по сравнению с углем у многих категорий потребителей определяется: 1) более низкими удельными капиталовложениями; 2) более высоким к.п.д.; 3) более низкими эксплуатационными затратами (без учета топливной составляющей себестоимости); 4) меньшим воздействием на окружающую

Таблица 2

**Допустимое превышение цены газа над ценой угля на электростанциях,
долл. США/тут**

Электростанция	Без учета экологического эффекта	С учетом экологического эффекта
Действующие ТЭС:		
перевод на газ с высококачественного угля	9–13	13–17*
перевод на газ с низкокачественного угля	13–17	18–23*
Строящиеся традиционные ТЭС	18–24	30–45*
Новые ПГУ ТЭС	50–65	75–90

* При экологических требованиях, характерных для Западной Европы и США.

среду и, соответственно, более низкими выплатами за загрязнение окружающей среды (табл. 2).

Метод оценки ценовой эластичности на основе учета потребительского эффекта желательно применять для всех групп потребителей, но в первую очередь – для электростанций, котельных, крупных промышленных печей. В отношении прочих потребителей при отсутствии необходимой информации для ориентировочных расчетов на долгосрочную перспективу, по-видимому, допустимо использовать значения эластичности, полученные из анализа зарубежных и отечественных публикаций.

ОЦЕНКА ЦЕНОВОЙ ЭЛАСТИЧНОСТИ СПРОСА НА ГАЗ ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ

Задача оценки влияния изменения стоимости газа на объемы его перспективного потребления на рассматриваемой территории осложняется тем, что в большинстве регионов природный газ еще не используется и, соответственно, отсутствует необходимая для расчетов статистическая база. Особенности же экономики, размещения производства и населения на территории, климатические и другие факторы не позволяют без серьезной корректировки переносить на восточные

регионы опыт, накопленный на территории, охваченной Единой системой газоснабжения.

С учетом неполноты и условности имеющейся исходной информации была сделана попытка оценить ценовую эластичность спроса на газ в регионе на основе учета потребительского эффекта и использования зарубежных данных об эластичности без построения каких-либо сложных моделей. Был применен следующий подход. В качестве базы для сравнения были приняты один из вероятных вариантов потребления газа в регионах до 2020 г. (с выделением объемов по основным группам потребителей) и соответствующая ему динамика цен на топливо (табл. 3). Рассматривались варианты повышения стоимости газа по отношению к углю в 2 и 3 раза. Изменение спроса на газ определялось сравнительно с базовым вариантом для тепловых электростанций, котельных, промышленности (непосредственное потребление топлива без газохимии), населения и сферы услуг.

При оценке влияния стоимости газа на объем его потребления на ТЭС в базовом варианте задавались уровень производства электроэнергии и количество действующих и вводимых в период 2016–2020 гг. ТЭС с соответствующим объемом потребления разных видов топлива. При этом в структуре мощностей рассматривались станции с тра-

Таблица 3

**Принимаемые в базовом варианте рыночные цены на топливо,
долл. США/тут***

Регион	2015		2020	
	Уголь	Газ	Уголь	Газ
Иркутская обл.	23–28	44–52	28–36	53–60
Республика Саха (Якутия)	36–41	42–48	45–50	52–61
Хабаровский край	35–40	65–78	42–50	71–87
Приморский край	51–56	74–87	55–60	81–97
Сахалинская обл.	51–56	58–70	53–60	68–83

* Без учета стоимости распределительного транспорта.

диционными и новыми технологиями, в том числе ПГУ. Предполагалось, что удорожание газа не должно привести к его замене углем или мазутом на уже действующих к 2015 г. газовых ТЭС, но его потребление на них может несколько снизиться из-за меньшей загрузки и дополнительных мероприятий по повышению к.п.д. С учетом потребительского эффекта газа определялась цена 1 кВт·ч электроэнергии при использовании его вместо угля. Если она превышала цену 1 кВт·ч для угольных ТЭС, то использование газа признавалось неэффективным. Таким образом, определялись общее количество станций, работающих на газе, и соответствующий объем его потребления.

Для оценки влияния удорожания газа на его потребление в котельных в базовом варианте задавался объем производства централизованного тепла и выделялись новые и существующие к 2020 г. котельные, работающие на разных видах топлива. С учетом потребительского эффекта газа рассчитывалась стоимость 1 Гкал тепла при переводе котельных на газ с угля или мазута и при сооружении новых котельных. При этом учитывалось, что строительство котельной, работающей на газе, вместо новой угольной по экономическим и экологическим соображениям целесообразно, даже если газ дороже угля в 2 раза, а потребительский эффект от перевода действующих по устаревшей технологии угольных котельных на газ еще выше, чем при сооружении новой газовой котельной. Таким образом, рассчитывался объем потребления газа котельными, необходимый для удовлетворения заданной потребности в тепле.

Для оценки изменения спроса на газ в производственной и непроизводственной сферах на основе анализа зарубежных данных [6–9] и экспертной оценки авторов были приняты следующие значения среднесрочной эластичности: для промышленности – в диапазоне от $-0,25$ до $-0,3$, для населения – от $-0,15$ до $-0,20$, для сферы услуг – от $-0,20$ до $-0,25$.

Итоговая расчетная ценовая эластичность спроса на газ в регионе определялась путем деления суммарного изменения спроса на газ (в процентах) на изменение его цены (в процентах) по отношению к базовому варианту. Результаты расчетов приведены в табл. 4. Из них можно сделать следующие выводы:

Таблица 4

Расчетные значения ценовой эластичности спроса на газ*

Потребитель	Иркутская обл.	Республика Саха (Якутия)	Приморский край	Хабаровский край	Сахалинская обл.
ТЭС	0,49–0,77	0,15–0,20	0,52–0,65	0,53–0,56	0,44–0,48
Котельные	0,37–0,72	0,17–0,19	0,50–0,63	0,50–0,80	0,19–0,26
Производственная сфера	0,25–0,28	0,28–0,30	0,26–0,29	0,25–0,28	0,27–0,30
Сфера услуг	0,2–0,23	0,23–0,25	0,21–0,23	0,20–0,23	0,22–0,24
Население	0,15–0,17	0,17–0,20	0,16–0,18	0,15–0,17	0,17–0,19
Суммарная эластичность	0,43–0,47	0,18–0,20	0,49–0,57	0,55–0,59	0,35–0,36

* Все коэффициенты имеют знак «–».

- эластичность спроса на газ существенно различается по регионам и группам потребителей;
- реакция суммарного спроса на газ на изменение его стоимости наиболее значима в Приморском, Хабаровском краях и Иркутской области, а наименее – в Республике Саха (Якутия). Это связано с различной структурой экономики регионов, наличием на их территории других видов топлива и разными ценами на них;
- из рассмотренных групп потребителей в наибольшей степени на изменение стоимости газа относительно угля реагируют тепловые электростанции: эластичность колеблется по всем регионам, кроме Республики Саха (Якутия), от –0,45 до –0,77. Почти столь же значительна реакция со стороны котельных. Только в Сахалинской области и Республике Саха (Якутия) эластичность ниже 0,20–0,26. В наименьшей степени спрос на газ зависит от его стоимости у населения, поскольку реальным конкурентом газу в городах может быть только дешевая электроэнергия.

гия. Дополнительного учета требует влияние платежеспособности населения на масштабы газификации непродовольственной сферы.

Очевидно, что приведенные количественные оценки являются весьма условными (особенно это касается промышленности). Однако представляется, что они могут быть полезными на предварительном этапе разработки стратегии и программы газификации территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Их значения должны уточняться на проектной стадии газификации конкретной территории и объектов при наличии более детализированной и более достоверной исходной информации.

Литература

1. **Кононов Ю.Д., Куклина А.Ю., Тыртышный В.Н.** Оценка макроэкономического последствия удорожания энергоносителей // Экономика и математические методы. – 2004. – Т. 40, № 4. – С. 93–101.
2. **Гальперова Е.В., Кононов Ю.Д.** Прогнозирование спроса на энергоносители // Методы и модели разработки региональных энергетических программ. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 29–37.
3. **Лагерева А.В., Ханаева В.Н.** Модели для оценки внешних топливно-энергетических связей региона // Методы и модели разработки региональных энергетических программ. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 16–28.
4. **Кононов Ю.Д., Кононов Д.Ю.** Долгосрочное прогнозирование динамики цен на российских энергетических рынках // Проблемы прогнозирования. – 2005. – № 6. – С. 53–59.
5. **Komigama R.** Projecting long-term natural gas demand as a function of price and income elasticities. RR. – IASA, 2000. – 10 p.
6. **Industrial** end-use planning methodology. – EPRI, USA, 1986. – V. 1.
7. **International** Journal of Electrical Power and Energy Systems. – 1994. – V. 16, No. 1.
8. **Dahl C.** Energy and product demand elasticities for the developing world: A survey of the econometric evidence. – Colorado School of Mines, 1992. – 150 p.
9. **Energy** supplies and prices in Western Europe to the year 2000: A new study from Energy Advice. – Geneva, 1985. – 175 p.

© Гальперова Е.В., Кононов Ю.Д., Мазурова О.В., 2008

Регион: экономика и социология, 2008, № 3, с. 220–232

ПРИНЦИПЫ ОБЩЕСТВЕННОГО АУДИТА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

**В.Л. Тамбовцев, Т.Д. Баснина, Е.П. Вигушина, С.А. Иванова,
В.С. Маньков, Е.Е. Полянская, Н.В. Суханова, А.П. Сысоев**

Московский государственный университет

Аннотация

Анализируются принципы общественного (гражданского) аудита деятельности органов местного самоуправления по показателям конечного результата и критериям удовлетворенности населения действиями муниципалитетов, а также методические подходы к его организации и проведению.

Ключевые слова: административная реформа, оценка, эффективность, взаимодействие, органы местного самоуправления, гражданское общество

ОБЩЕСТВЕННЫЙ АУДИТ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЕ

Одной из задач, определенных в Концепции административной реформы в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г., являются обеспечение прозрачности деятельности органов исполнительной власти, а также повышение эффективности взаимодействия органов власти и гражданского общества. В рамках административной реформы, согласно этой концепции, должны быть разработаны и внедрены механизмы

- раскрытия информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;

- проведения публичных обсуждений подготавливаемых решений и общественной экспертизы социально значимых решений органов исполнительной власти;
- определения рейтингов органов исполнительной власти и органов местного самоуправления по критерию открытости;
- создания при органах исполнительной власти общественных советов с участием представителей гражданского общества и др.

Одновременно в стране продолжается реформа бюджетного процесса, предполагающая усиление ориентации бюджетных расходов на конечные общественно значимые результаты. Начало этому было положено Постановлением Правительства РФ от 22 мая 2004 г. «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов».

Поскольку важнейшей составляющей характеристики конечных результатов функционирования органов исполнительной власти являются оценки удовлетворенности населения действиями этих властных структур, естественным представляется соединить требования обеих реформ в категории общественного (или гражданского) аудита деятельности органов исполнительной власти.

Вероятно, первой попыткой разработки механизма такого аудита и его экспериментального опробования был проект, реализованный в 2006–2007 гг. Институтом национального проекта «Общественный договор» для Федеральной антимонопольной службы (ФАС). В ходе его реализации были сформулированы основные принципы общественного аудита органов исполнительной власти, подготовлены методики формирования необходимых организационных структур, методики проведения оценки различных сторон деятельности территориальных подразделений ФАС, а также в пилотном режиме была осуществлена соответствующая оценка в нескольких субъектах Российской Федерации.

Часть названных методик описывают процесс создания каналов взаимодействия (общественные советы, участие представителей общественных организаций в коллегиях и рабочих группах органов исполнительной власти), часть – процедуры общественной оценки результатов проведения антимонопольной политики и еще одна часть – процедуры общественной оценки характера действий органов исполнительной власти (доступность информации для посетителей, пред-

ставленность в средствах массовой информации, включая Интернет, и т.п.). Очевидно, методики первого и третьего «блоков» практически без изменений могут быть тиражированы для общественного мониторинга всех органов исполнительной власти и местного самоуправления, в то время как методики второго должны специально разрабатываться для каждого конкретного органа отдельно.

Одним из каналов взаимодействия органов власти и гражданского общества в Концепции административной реформы названы общественные советы при органах исполнительной власти. Общественный совет – не новый для органов исполнительной власти инструмент. Экспертные (консультативные, научные и др.) советы, которые высказывали свое мнение по отдельным направлениям деятельности органа, традиционно существовали еще при советских министерствах. В состав советов включались специалисты в профильной области знаний, а их решения имели рекомендательный характер. В последние годы довольно большое распространение получила практика создания экспертно-консультативных структур и при органах управления субъектов Федерации. Например, в 1995 г. был создан Совет по малому предпринимательству г. Санкт-Петербурга. Основными направлениями его деятельности являются согласование интересов власти и субъектов малого предпринимательства в формировании и реализации социально-экономической политики региона, разработка рекомендаций по защите интересов субъектов малого предпринимательства при реализации в городе экономической, градостроительной, имущественной и социальной политики. С этой целью Совет проводит исследования, анализирует эффективность мер государственной поддержки предпринимательства, готовит ежеквартальный доклад о состоянии дел и основных проблемах в малом предпринимательстве и т.д.

Общественные палаты как инструмент взаимодействия общественных объединений и власти стали создаваться в регионах в конце 90-х годов. Способы формирования палат очень разнообразны: от назначения главой региона до выборов общественными объединениями. Деятельность палат также сильно различается. Например, члены Общественной палаты Брянской области участвуют в формировании областного бюджета, в обсуждении основных законодательных актов, программ

социально-экономического развития региона. С их участием рассматриваются также вопросы военно-патриотического воспитания молодежи, повышения качества образования и др. В Общественной палате Воронежской области созданы комитеты практически по всем значимым направлениям деятельности. В палату входят представители более 300 общественных организаций, действующих в регионе. Палата не только участвует в обсуждении социально значимых для региона вопросов, но и реализует собственные благотворительные и социальные программы. Через созданные палатой механизмы осуществляется поддержка органами власти инициатив и проектов общественных организаций.

Отличие общественных советов, которые предлагается создавать в рамках административной реформы, состоит в отходе от профессионального принципа их формирования. Общественная оценка управленческой деятельности не может формироваться исключительно внутри профессионального сообщества. Фактически новые советы должны стать каналами связи между обществом и властью, выполняя одновременно и функцию общественного давления на органы исполнительной власти. Именно поэтому важно включать в состав совета представителей разных общественных групп, что позволит выявлять и согласовывать противоречивые позиции, а также учитывать специфические потребности отдельных социальных групп.

Так, в состав общественно-консультативных советов (ОКС), созданных при территориальных органах ФАС, вошли представители организаций, занимающихся вопросами защиты прав граждан, представители бизнес-ассоциаций, а также представители экспертного сообщества. Такой состав ОКС позволяет формировать достаточно репрезентативные общественные оценки как результатов, так и процесса деятельности упомянутых органов.

КОНЕЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Вопросы оценки результатов действий органов исполнительной власти являются наиболее сложными и неоднозначными в рамках обсуждаемой проблематики. Упомянувшиеся выше Постановление Пра-

вительства РФ «О мерах по повышению результативности бюджетных расходов» и Концепция административной реформы подчеркивают необходимость оценки конечных результатов этих действий. Однако более внимательный анализ показывает, что реализация такого подхода сопряжена со значительными методологическими трудностями.

Орган исполнительной власти, используя те или иные ресурсы, осуществляет управленческие действия, производящие некоторые изменения вне данного органа, но в рамках сферы его компетенции. Такие изменения представляют собой **непосредственные результаты** деятельности данного органа власти. Их содержание зависит только от того, какие ресурсы и как именно использовал этот орган, т.е. от компетентности государственных (или муниципальных) служащих, качества планирования и эффективности использования ограниченных ресурсов. Так, один из множества возможных непосредственных результатов действий региональных органов – школа, построенная в некотором населенном пункте, или дорога, проложенная между пунктами А и Б.

Однако граждан-налогоплательщиков, на чьи средства, собственно говоря, и возведена школа или построена дорога, интересуют не эти объекты как таковые, а те дополнительные выгоды (или издержки), которые они получают от их строительства. Региональное руководство также интересуют не сами эти объекты, а связанные с ними изменения (желательно позитивные) в оценках его деятельности со стороны граждан. Федеральные власти заинтересованы не в школе или дороге самих по себе, а в повышении у граждан доверия к власти, поддержке на выборах, росте человеческого потенциала населения, повышении конкурентоспособности экономики и т.д.

Совокупность разнообразных (и подчас противоречивых) последствий достижения непосредственных результатов и представляет собой **конечные результаты** действий органов исполнительной власти. Их отличительная черта заключается в том, что они зависят от действий не только органов исполнительной власти, но и многих других субъектов, отнюдь не согласовывающих свои действия с этими органами. Влияют на конечные результаты и события, вообще не являющиеся следствиями чьих-либо действий. Поэтому оценивать органы исполнительной власти по конечным результатам, не вычленив их

«вклад» из всего множества факторов, формирующих именно такую совокупность последствий, – значит ошибочно приписывать этим органам как положительные, так и отрицательные составляющие конечных результатов. Однако выделение подобного вклада, а тем более, его измерение – очень непростая задача, и издержки ее решения могут существенно превысить те положительные последствия, которые можно ожидать от самого факта оценивания органов исполнительной власти по конечным результатам их действий.

Вернемся к примеру с построенной школой. Если считать, что конечные результаты образования – это приращение человеческого и социального капитала выпускников, то для их достижения нужно не только (а может быть, и не столько) новое здание, но и подготовленные учителя, заинтересованные в формировании у учащихся современных компетенций, и соответствующие методики обучения, и учебные пособия, и заинтересованность учащихся в обретении компетенций, и поддержка этой заинтересованности родителями. Если ничего из перечисленного, кроме нового школьного здания, в месте его локализации нет, то и желаемый конечный результат просто не возникнет. Но ведь по крайней мере половина из названных факторов – вне сферы компетенции региональных властей. Разумно ли оценивать их действия по упомянутому конечному результату?

Необходимо заметить, что требования официальных документов относительно оценок по конечным результатам кроме отмеченных трудностей влекут за собой и ряд прямых негативных последствий. Во-первых, федеральные органы исполнительной власти, с 2004 г. разрабатывающие в экспериментальном порядке Доклады о результатах и основных направлениях деятельности и обязанные включать в эти доклады показатели конечных результатов расходования бюджетных средств, сплошь и рядом включают в них такие «конечные результаты» своих действий, которые лишь в незначительной степени зависят от этих действий*. Соответственно, при попытках оценить работу этих органов именно по конечным результатам вероятность

* В этом достаточно легко убедиться, если внимательно просмотреть доклады, вывешенные на Интернет-сайтах ряда федеральных министерств.

ошибочной оценки становится очень высокой – со всеми вытекающими последствиями.

Во-вторых, это попытки введения масштабных систем показателей, призванных оценить конечные результаты работы региональных органов власти. Здесь также значительное число показателей зависит не только и не столько от действий региональных властей, так что возможности для неадекватных оценок весьма широки.

Опираясь на высказанные общие соображения, перейдем к анализу проблем общественного аудита органов местного самоуправления.

ПРЕДМЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО АУДИТА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Что в действительности может быть предметом адекватной общественной оценки действий органов местного самоуправления, которая могла бы реально использоваться для улучшения форм и способов их работы? Общий ответ очевиден: те последствия (результаты) действий власти, которые непосредственно зависят от компетентности государственных служащих (и разумеется, от их ресурсных возможностей) и которые могут быть компетентно оценены гражданами. Под это общее определение подпадают две категории последствий: полнота отражения в действиях власти приоритетов населения и отношение представителей власти к гражданам, прямо или косвенно ее избравшим. Иными словами, то, что граждане могут оценить, не выполняя дорогостоящие процедуры по изучению действий властей, – это, во-первых, тем ли власть занимается, что действительно нужно гражданам, на правильных ли направлениях сосредоточены ее усилия и, во-вторых, как она относится к обращающимся к ней гражданам.

Основанием для положительной оценки по первому направлению может служить наличие очевидных положительных сдвигов в ситуации в какой-либо из сфер компетенции власти, по второму – улучшение условий предоставления гражданам различных административных услуг. Соответственно, оба этих типа оценок могут существенно различаться по разным сферам компетенции органа власти, и вопрос о том, нужно ли их как-то интегрировать, совсем не очевиден. Ведь

общую оценку деятельности органов власти граждане дают в ходе регулярных выборов, поэтому наиболее полезными для целей совершенствования деятельности органов местного самоуправления являются именно оценки отдельных направлений их деятельности.

Характеристика совокупности сфер компетенции различных типов органов местного самоуправления дана, как известно, в Главе 3 «Вопросы местного значения» Федерального закона от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 8 ноября 2007 г.). Среди обширных перечней соответствующих вопросов есть и такие, которые касаются каждого жителя муниципального образования, и такие, успешность решения которых гражданам без специального профессионального анализа просто не видна. Поэтому первый шаг в разработке методического обеспечения общественного аудита органов местного самоуправления – выделение тех функций и услуг этих органов, о результатах и качестве исполнения которых жители могут обоснованно судить исходя из наблюдения условий своей жизни в соответствующем населенном пункте и опыта получения тех или иных административных услуг.

Возьмем для определенности такой вид муниципальных образований, как муниципальный район. К вопросам местного значения для него ст. 15 упомянутого закона относит фактически 29 функций (без учета отложенных). Среди них, с нашей точки зрения, не могут быть предметом общественного аудита результаты осуществления следующих 14 функций (в скобках указан номер функции в ст. 15):

- формирование, утверждение, исполнение бюджета муниципального района, контроль за исполнением данного бюджета (1);
- владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности муниципального района (3);
- участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма и экстремизма на территории муниципального района (6.1);
- организация мероприятий межпоселенческого характера по охране окружающей среды (9);

- утверждение схем территориального планирования муниципального района, утверждение подготовленной на основе схемы территориального планирования муниципального района документации по планировке территории, ведение информационной системы обеспечения градостроительной деятельности, осуществляемой на территории муниципального района (15);
- создание условий для обеспечения поселений, входящих в состав муниципального района, услугами связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания (18);
- создание условий для обеспечения поселений, входящих в состав муниципального района, услугами по организации досуга и услугами учреждений культуры (19.1);
- создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества в поселениях, входящих в состав муниципального района (19.2);
- выравнивание уровня бюджетной обеспеченности поселений, входящих в состав муниципального района, за счет средств бюджета муниципального района (20);
- организация и осуществление мероприятий по гражданской обороне, защите населения и территории муниципального района от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (21);
- организация и осуществление мероприятий по мобилизационной подготовке муниципальных предприятий и учреждений, находящихся на межселенных территориях (23);
- создание условий для развития сельскохозяйственного производства в поселениях, расширения рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, содействие развитию малого и среднего предпринимательства (25);
- обеспечение условий для развития на территории муниципального района физической культуры и массового спорта, организация проведения в муниципальном районе официальных физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий (26);
- осуществление в пределах, установленных водным законодательством Российской Федерации, полномочий собственника водных объектов, установление правил использования водных объектов общего пользования для личных и бытовых нужд (28).

То есть общественному аудиту не могут быть подвергнуты результаты исполнения почти половины функций органов местного самоуправления муниципального района. Причины этого для перечисленных функций различные. Так, осуществление функций (1), (3), (6.1), (9), (15), (20), (21), (23) и (28) рядовые граждане попросту не могут наблюдать. Формулировки функций (18), (19.1), (19.2), (25) и (26) содержат выражение «создание (или обеспечение) условий для...», при этом речь идет об условиях для той или иной важной для жителей муниципального района деятельности, которая, однако, осуществляется не органами местного самоуправления, а другими хозяйствующими субъектами (коммерческими или некоммерческими организациями). Соответственно, ответить без специального исследования на вопрос о том, хорошо или плохо осуществляют органы местного самоуправления эту функцию, граждане не могут.

Рассмотрим в качестве примера функцию 19.1 – создание условий для обеспечения поселений, входящих в состав муниципального района, услугами по организации досуга и услугами учреждений культуры. Если в соответствующих поселениях предоставляются достаточно разнообразные культурно-досуговые услуги, это не означает, что органы местного самоуправления создали для этого необходимые условия: услуги могут предоставляться вопреки отсутствию условий, с преодолением сопротивления местных властей и т.п. Точно так же при наличии условий (предоставление помещений, наличие средств для оплаты и т.п.) может просто не найтись желающих вести какую-либо культурно-досуговую деятельность в соответствующих поселениях. Кроме того, гражданам вообще сложно ответить на вопрос, созданы ли условия для какой-то деятельности или же не созданы, ведь сами эти условия в нормативных документах нигде не определены.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО АУДИТА

Для функций, результаты исполнения которых могут стать предметом общественного аудита, определение конкретного инструментария оценки может происходить в рамках следующей логики.

На первом шаге определяется, в какие конкретные действия или типы действий муниципальных органов выливается исполнение этой функции. Ведь осуществление органами местного самоуправления той или иной из своих функций может требовать также действий со стороны других органов власти. Например, для дотационных муниципальных образований региональные органы могут как выделить, так и не выделить необходимые бюджетные средства. В последнем случае муниципальный орган будет не в состоянии осуществлять вмененную ему функцию в желательном для граждан объеме или с достаточным качеством.

На втором шаге выявляется, какие непосредственные результаты исполнения функции являются наблюдаемыми для населения. Очевидно, что таких результатов может быть несколько, так как формулировки функций в законе достаточно широкие. Соответственно, в качестве предмета общественной оценки могут быть выбраны как все такие результаты, так и лишь некоторые из них – в зависимости от сложности самой функции.

На третьем шаге для выбранных непосредственных результатов определяются те вопросы, ответы граждан на которые позволят сформировать ряд индикаторов качества исполнения функции. Одновременно устанавливаются контингенты опрашиваемых граждан, – это могут быть все жители населенного пункта (или репрезентативная выборка из данной генеральной совокупности), получатели тех или иных услуг (или выборка из таких получателей), представители некоммерческих гражданских организаций, осуществляющих мониторинг исполнения соответствующей функции (если таковые имеются в муниципальном образовании).

В качестве примера рассмотрим функцию 19 «организация библиотечного обслуживания населения межпоселенческими библиотеками, комплектование и обеспечение сохранности их библиотечных фондов». В компетенции местных органов при выполнении этой функции находятся такие вопросы, как выделение помещений для библиотек, выделение денег на формирование библиотечного фонда, обеспечение связи с библиотечным коллектором, стимулирование сотрудников библиотек, обеспечение возможностей предоставлять гражданам дополнительные услуги (ксерокс, Интернет и т.п.).

Предметом оценки могут стать: 1) наличие библиотек, удобство их расположения; 2) разнообразный библиотечный фонд, наличие в фонде периодических изданий; 3) возможность получения книг из других библиотек; 4) удобство режима работы библиотеки, доброжелательное обслуживание читателей; 5) наличие возможности получить в библиотеке дополнительные услуги.

Вопросы для оценки качества названных непосредственных результатов достаточно очевидны, поэтому нет необходимости приводить их здесь. Что же касается контингентов опрашиваемых, то такими здесь выступают посетители библиотек и, возможно, представители некоммерческих организаций (НКО), специализирующихся в культурно-досуговой сфере.

Характеризуя инструментарий общественного аудита деятельности органов местного самоуправления, важно подчеркнуть, что он не сводится к опросам тех или иных групп граждан. При наличии в муниципальном образовании активных НКО в рамках общественного аудита могут использоваться такие «гражданские технологии», как непосредственное «натурное» наблюдение и осуществление «контрольной закупки» (т.е. попытки получить ту или иную услугу с документальной фиксацией всех значимых моментов этого процесса). Если упомянутых НКО в муниципальном образовании достаточно много, вполне могут проводиться экспертные опросы и т.п.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО АУДИТА

В настоящее время отсутствуют какие-либо нормативные документы, обязывающие кого-либо осуществлять общественный аудит органов местного самоуправления. Поэтому его реальное проведение в том или ином муниципальном образовании может быть лишь результатом совместного и добровольного решения, принимаемого органом местного самоуправления и определенной совокупностью НКО, действующих на подведомственной ему территории. При этом инициатива относительно принятия такого решения может исходить как от НКО, так и от руководства органа местного самоуправления, заинтересованного в улучшении работы данного органа либо какого-то отдельного его подразделения.

В любом случае последующие (после принятия решения) шаги выстраиваются в очевидную логическую цепочку: разработка методики первичной оценки ситуации, разработка методики формирования заключения (выводов из данных первичной оценки), разработка методики формулирования рекомендаций, осуществление аудита, подготовка заключения и рекомендаций, учет рекомендаций в деятельности органа местного самоуправления.

Поскольку все перечисленные шаги требуют определенных издержек, прежде всего затрат времени участников НКО, постольку естественной представляется постановка вопроса об оплате общественного аудита органом местного самоуправления. С нашей точки зрения, требование такой оплаты в рамках экспериментального проведения общественного аудита со стороны НКО нецелесообразно. Руководитель органа местного самоуправления будет готов (хотя бы частично) оплачивать такой аудит, если только первый его опыт *докажет* ему *полезность* независимой оценки работы подведомственного ему органа власти.

Кроме того, необходимо учитывать и такой момент: в небольших населенных пунктах, где, как говорится, «все друг друга знают», использование формализованных процедур оценки типа очерченной здесь вряд ли позволит предоставить руководству органов местного самоуправления какую-либо *новую* информацию. Независимые оценки работы органов местного самоуправления в таких ситуациях формируются непосредственно гражданами и транслируются через неформальные социальные сети.

В то же время в средних и крупных городах, также являющихся муниципальными образованиями, в силу разнородности их населения непосредственные коммуникации через социальные сети могут нести противоречивую информацию. Поэтому, с нашей точки зрения, именно здесь (при наличии доброй воли сторон) в первую очередь существуют широкие перспективы для организации общественного аудита.

Авторы надеются, что изложенные в статье методические подходы могут оказаться полезными для организации и проведения такого аудита.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Е.В. Куратченко

Алтайская академия экономики и права

Аннотация

Описывается методика оценки эффективности управления социально-экономическим развитием муниципального образования, основанная на сравнительной оценке социально-экономического развития муниципальных образований в рамках одного субъекта Российской Федерации. Приводятся результаты оценки эффективности управления социально-экономическим развитием муниципальных образований Алтайского края. На основании этих оценок выявляется ряд проблем, характерных для муниципальных образований этого региона.

Ключевые слова: методика, рейтинг, эффективность, социальное и экономическое развитие, муниципальное образование, совершенствование управления

Оценка эффективности социально-экономического развития муниципальных образований выполнена на примере Алтайского края с использованием комплексного показателя, рассчитанного по 30 индикаторам, характеризующим уровень социально-экономического развития муниципальных образований региона за период 2004–2006 гг. Показатели сгруппированы в блоки: экономические, социальные и финансовые.

Экономический блок отражает экономический потенциал территории и уровень ее развития и включает такие показатели, как индекс

промышленного производства, объем инвестиций в основной капитал, объемы производства продукции сельскохозяйственного назначения и др.

Социальный блок характеризует демографический потенциал, уровень жизни людей и представлен такими показателями, как численность населения и ее рост, среднемесячная начисленная заработная плата на одного работника, обеспеченность населения жильем, уровень преступности и др.

Финансовый блок показывает бюджетные возможности территории, ее потенциал. Этот блок включает следующие показатели: динамика налоговых и неналоговых доходов бюджетов муниципальных образований, уровень дотационности бюджетов, доля первоочередных и капитальных расходов в общем объеме расходов местных бюджетов, динамика просроченной кредиторской задолженности бюджетных учреждений и др. Значение именно финансовых показателей, по нашему мнению, в первую очередь изменяется в результате смены стиля управления.

При расчетах нами применялся метод рейтинговой оценки. Величина каждого показателя определяла его место в представленной группе муниципальных образований с учетом достижения наилучших или наихудших значений. Далее рассчитывался сводный рейтинг каждой территории путем суммирования полученных рейтингов по каждому отдельному показателю. Исходя из расчета величины комплексной оценки производилась группировка муниципальных образований по уровню социально-экономического развития. На основе анализа результатов уровня социально-экономического развития муниципальных образований оценивалась эффективность принимаемых органами власти мер по реализации социально-экономической политики, выявлялись положительные и отрицательные тенденции в социально-экономическом развитии муниципальных образований.

Определив сводный рейтинг каждого муниципального образования на основе вышеперечисленных показателей, мы получили следующие выводы.

К территориям с высоким уровнем социально-экономического развития и, соответственно, эффективной системой управления относятся города Барнаул, Белокуриха, Новоалтайск, Заринск и Рубцовский район. Высокому уровню развития, в частности, способствуют большая доля трудоспособного населения, высокая среднемесячная начисленная заработная плата на одного работника, низкий уровень безработицы, низкая дотационность бюджета, высокий уровень доходов бюджета, направляемых на выполнение местных полномочий, в расчете на душу населения, низкая доля первоочередных расходов в общем объеме расходов бюджета, низкий процент расходов на содержание аппарата управления в общем объеме расходов бюджета, низкая доля кредитных ресурсов, используемых при исполнении бюджета. В Новоалтайске и Заринске помимо вышеперечисленных факторов на улучшение социально-экономического развития повлияло также отсутствие кредиторской задолженности по исполнению обязательств перед гражданами. В Рубцовском районе отмечаются такие положительные факторы, как достаточно высокий индекс промышленного производства, рост инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования, рост объема платных услуг на душу населения, рост численности населения (одна из немногих территорий, где он имеет место), а также стабильный рост среднемесячной начисленной заработной платы в расчете на душу населения.

Территориями с низким уровнем социально-экономического развития и неэффективной системой управления на протяжении последних трех лет являются Славгородский, Родинский, Бурлинский и Каменский районы. На неэффективность системы управления указывают низкий индекс промышленного производства, высокая доля убыточных предприятий, низкая среднемесячная начисленная заработная плата в расчете на одного работника, высокий уровень безработицы, высокий уровень расходов на содержание аппарата управления в расчете на душу населения, наличие кредиторской задолженности по обязательствам перед гражданами и, в конечном счете, высокая дотационность бюджета.

Следует также отметить ряд муниципальных образований, в которых система управления за период 2004–2006 гг. стала более эффективной. Это города Алейск, Камень-на-Оби и Рубцовск, Алейский, Косихинский, Кулундинский, Курьинский, Поспелихинский, Солонешенский, Солтонский, Троицкий, Угловский и Усть-Калманский районы. Повышению эффективности управления в основном способствовали рост инвестиционной активности на территории указанных муниципальных образований, увеличение объема платных услуг, оказываемых населению, снижение темпов роста безработицы, повышение налоговых и неналоговых доходов и в результате – увеличение объема доходов на выполнение местных полномочий, снижение уровня дотационности территорий, осуществление капитальных вложений, исполнение бюджетов с профицитом, а также снижение кредиторской задолженности бюджета.

Однако на некоторых территориях система управления за анализируемый период стала неэффективной. Это города Змеиногорск и Славгород, Баевский, Благовещенский, Ельцовский, Завьяловский, Заринский, Краснощековский, Крутихинский, Мамонтовский, Первомайский, Романовский, Советский, Суетский, Хабарский и Целинный районы. Данное явление объясняется снижением индекса промышленного производства, снижением инвестиционной активности на территориях указанных муниципальных образований, ростом безработицы, низкими темпами ввода в действие жилых помещений, высоким уровнем расходов на содержание аппарата управления, наличием кредиторской задолженности бюджетных учреждений, в том числе перед гражданами.

На основе проведенного анализа социально-экономического развития муниципальных образований Алтайского края и оценки уровня эффективности системы управления указанными территориями выявлены проблемы, которые должны разрешить органы государственной и муниципальной власти края:

- снижение индекса промышленного производства в ряде муниципальных образований, что указывает на спад экономической деятельности, осуществляемой на этих территориях. В резуль-

тате отмечаются снижение инвестиционной активности, сокращение количества хозяйствующих субъектов, а также крайне низкая доля прибыльных предприятий;

- сокращение численности населения, проживающего на территории практически всех муниципальных образований края;
- низкий размер среднемесячной начисленной заработной платы на одного работника; высокий уровень безработицы и его рост за период 2004–2006 гг.;
- снижение поступлений налоговых и неналоговых доходов на ряде территорий края за период 2004–2006 гг., что является следствием спада экономической деятельности. В результате в распоряжении бюджетов данных муниципальных образований остается минимум средств для исполнения местных полномочий;
- высокая дотационность муниципальных образований Алтайского края. Так, уровень дотационности муниципалитетов, попавших по результатам оценки социально-экономического развития в группу территорий с низким уровнем развития, достигает 70%. Это приводит к тому, что расходы бюджетов данных муниципалитетов обеспечивают только первоочередные потребности: выплату заработной платы работникам бюджетной сферы, начислений на оплату труда, оплату коммунальных услуг учреждениям бюджетной сферы, а также выплаты социального характера населению (от 74 до 96% расходов бюджетов). В результате средств на осуществление инвестиционных вложений, развитие инфраструктуры практически не остается;
- в муниципальных образованиях с низким уровнем социально-экономического развития высокий уровень расходов (по сравнению с другими территориями края) на содержание аппарата управления. Получается, что расходы на содержание аппарата растут, а уровень социально-экономического развития муниципалитетов падает или остается очень низким;
- наличие кредиторской задолженности бюджетных учреждений, а также задолженности по исполнению обязательств перед

гражданами, проживающими на территории муниципальных образований.

Результаты, полученные в нашем исследовании, позволяют сделать вывод, что для Алтайского края характерен высокий уровень различий в социально-экономическом положении муниципальных районов и городских округов, а также внутри групп муниципальных районов и городских округов. По таким важнейшим показателям, как размер среднемесячной начисленной заработной платы на одного работника, индекс промышленного производства, доля прибыльных предприятий на территории муниципального образования, уровень безработицы, уровень преступности, уровень дотационности бюджетов, и целому ряду других параметров положение муниципалитетов различается в разы.

Для того чтобы отслеживать изменения в социально-экономическом развитии муниципальных образований, в дифференциации его уровня, требуется создание постоянно действующей системы регионального и муниципального мониторинга. При этом для всех регионов и муниципалитетов необходима единая методика оценки эффективности системы управления, которая обеспечит сопоставимость результатов мониторинга.

В предлагаемой нами методике комплексной оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований определена оптимальная система показателей и представлен алгоритм оценки уровня социально-экономического развития муниципалитетов. При этом уровень социально-экономического развития муниципальных образований интерпретируется нами как комплексное выражение степени эффективности системы муниципального управления на основе потенциальных возможностей муниципалитетов, обеспечивающих достижение адекватных социальных результатов. Главной целью комплексной оценки эффективности системы муниципального управления является определение возможности выполнения текущих и долгосрочных задач социального и хозяйственного характера на основе имеющихся внутренних резервов и потенциальных возможностей экономического роста, а также определение эффективности мер по реализации социально-экономической политики, предприни-

маемых как федеральными и региональными, так и муниципальными органами власти.

Совершенствование механизма управления социально-экономическим развитием муниципального образования должно опираться на результаты оценки сложившейся в нем системы управления. На региональном уровне необходимо внедрять механизмы стимулирования деятельности органов муниципальной власти. Стимулирование может носить как материальный (финансовая помощь из вышестоящего бюджета), так и моральный (рейтинг муниципального образования) характер. При этом основными критериями оценки эффективности системы управления муниципальным образованием должны быть вклад местных органов власти в реализацию социально-экономического потенциала территории, их способность рационально использовать имеющиеся ресурсы, создавать благоприятную инвестиционную среду, взаимодействовать с юридическими и физическими лицами.

Для повышения уровня социально-экономического развития муниципальных образований необходимо участие прежде всего органов местного самоуправления в привлечении инвестиций, развитии производства, создании дополнительных рабочих мест, способствующих повышению собственных доходов местных бюджетов, улучшению качества жизни населения.

Муниципальные органы власти в первую очередь должны быть заинтересованы в повышении уровня социально-экономического развития собственной территории и качества жизни проживающего на ней населения. От решений, принятых на муниципальном уровне, зависит эффективность управления социально-экономическим развитием территории. Представители местных органов власти должны осознать, что для того чтобы территория стала «благополучной», ей необходимо обладать инвестиционной привлекательностью, иметь определенный социально-экономический потенциал и быть готовой его реализовать.

Муниципальные образования должны суметь заинтересовать потенциальных инвесторов

- наличием стратегии или программы социально-экономического развития своей территории, обеспечивающей рост уровня жизни населения и повышение собственных доходов бюджета;
- использованием местного потенциала для производства конкурентоспособных товаров, работ, услуг, наличием инновационного потенциала для активного включения в рыночную среду;
- созданием привлекательного имиджа территории, готовностью к участию в инвестиционных проектах на условиях долевого финансирования и т.д.

Кроме того, следует оптимизировать расходы местных бюджетов исходя из структуры затрат, заявленных в программах социально-экономического развития муниципальных образований. Для этого необходимо

- выявить и исключить расходы, потерявшие свою актуальность;
- привлечь предприятия частного сектора для оказания населению услуг, ныне предоставляемых организациями государственного сектора, упорядочить деятельность в сфере оказания услуг;
- ввести практику зарабатывания средств бюджетными учреждениями; коммерциализировать отдельные виды услуг;
- сократить сеть бюджетных учреждений, финансируемых за счет региональных и местных бюджетов, укрупнить некоторые учреждения;
- активно использовать систему государственного и муниципального заказа в целях сокращения бюджетных расходов и привлечения местных производителей товаров и услуг для удовлетворения потребностей бюджетных учреждений.

Очевидно, что все указанные направления совершенствования системы муниципального управления необходимо реализовывать в совокупности на основе использования системного подхода к повышению эффективности системы управления социально-экономическим развитием муниципальных образований.

Регион: экономика и социология, 2008, № 3, с. 241–254

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М.В. Лычагин, В.И. Суслов^{*}, А.М. Лычагин^{**}

*Новосибирский государственный университет,
*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
**Институт экономики и антикризисного управления*

Аннотация

Анализируются новые направления региональных исследований, отраженные в крупнейшей электронной экономической библиографии EconLit. В качестве критериев новизны приняты абсолютный и относительный приросты числа публикаций всех видов и появление новых направлений за счет «перекрещивания» 33 предметных областей, относящихся к собственно региональным исследованиям, с другими 724 предметными микрообластями. Предложена методика выявления новых направлений региональных исследований, основанная на анализе публикационной активности, использовании программных средств работы с библиографией и структурно-морфологическом анализе. Приведены примеры некоторых интересных работ.

Ключевые слова: региональные исследования, новые направления, публикации на английском языке, EconLit, региональная экономика, предметная классификация

Одной из задач журнала «Регион: экономика и социология» является ознакомление читателей с зарубежным опытом региональных исследований, реализации региональной политики и территориального развития. В настоящей статье представлен вариант подобного ознакомления, который основан на системном анализе публикаций в EconLit (www.econlit.org).

Электронная библиография EconLit создана и поддерживается Американской экономической ассоциацией (АЕА). В настоящее время это наиболее авторитетная, обширная и быстро обновляемая библиография англоязычных научных работ по экономике. В ней отражены книги, рецензии на книги, статьи в научных журналах и сборниках, диссертации и препринты, которые либо опубликованы на английском языке в любой стране мира, либо имеют библиографическое описание и аннотацию на английском языке. Важно отметить, что для включения в EconLit публикация на бумажном носителе должна поступить в АЕА, причем инициатива должна исходить от автора или издательства. В силу указанных особенностей EconLit охватывает не все публикации экономической направленности. В частности, в России и других странах СНГ издан ряд работ с аннотациями на английском языке, но они не были направлены в АЕА.

Необходимым элементом библиографического поиска при помощи EconLit является предметная классификация АЕА, которая постоянно обновляется. В 2005 г. в ней насчитывалось 757 предметных микрообластей экономических исследований. Эту классификацию используют все ведущие англоязычные экономические издания мира.

Выводы в настоящей статье основаны на анализе почти 500 тыс. публикаций, отраженных в EconLit за период 1992–2005 гг. Рамки одной статьи не позволяют охватить тысячи публикаций по разным аспектам региональных исследований, поэтому авторы остановились на тех направлениях, которые в указанный период продемонстрировали наибольший потенциал обновления с точки зрения прироста числа публикаций и появления новых взаимосвязей на границах разных направлений. Для этого была создана специальная методика, которая описана в статье.

Методика выявления новых направлений региональных исследований базируется на трех предпосылках.

Первая предпосылка – это **метод анализа публикационной активности**, который давно успешно применяется в научно-техническом прогнозировании, конструировании, инновационном менеджменте. Сущность его проста: если появляется новое перспективное направление, то оно стимулирует интерес исследователей и практиков, что находит свое выражение в росте числа публикаций по данному направлению. Для фиксации интересующей области исследования могут быть использованы ключевые слова, индексы библиотечно-библиогра-

фической классификации и т.д. Для экономики целесообразно использовать предметную классификацию публикаций, разработанную АЕА, которая является основой индексирования работ в реферативном журнале «The Journal of Economic Literature» (JEL), EconLit, других ведущих экономических журналах и электронных библиотеках. В период 1991–2005 гг. в классификации АЕА из 757 микрообластей (общее число) 33 предметные области имели региональную направленность.

Вторая предпосылка – это *электронная библиография EconLit и программные средства работы с ней*. Члены АЕА имеют право один раз в год получать компакт-диск с записями EconLit за последние несколько лет, которые можно воспроизводить при помощи специальной программы WinSPIRS 5.0. Эта программа дает возможность просматривать выбранные записи на экране компьютера и сохранять их на жестком диске в текстовом формате. При этом можно сохранить как все доступные поля, так и специально отобранные (например, только заглавия документов, опубликованных в конкретном году).

Однако эта программа не дает возможности ранжировать публикации, с тем чтобы найти разделы – «чемпионы» по каким-то критериям. Эти ограничения побудили создать *метасистему* EconLit¹. Метасистема EconLit представляет собой совокупность методов, программных средств и рекомендаций по их применению, которые на основе множества записей о публикациях в EconLit и DE (совокупность предметных дескрипторов для 20 макро-, 130 мезо- и 757 микрообластей экономических исследований) формируют по разным критериям массивы алфавитно-цифровой информации о публикациях, включенных в EconLit², представляют эти массивы в удобной для восприятия и последующей обработки форме, добавляют показатели и формы их представления, которые можно получить с помощью тех или иных методов обработки алфавитно-цифровой информации. Именно эта метасистема лежит в основе предлагаемой методики.

¹ Подробнее см.: Лычагин М.В., Лычагин А.М., Шевцов А.С. Атлас публикаций по экономике на основе EconLit. 1992–2005 гг. / Под ред. В.И. Суслова. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 400 с.

² Для анализа был использован вариант EconLit на компакт-дисках с записями за период 1992–2005 гг. Данные за 2006–2007 гг. были получены в режиме EconLit on-line.

Третья предпосылка – это **метод морфологического (структурно-морфологического) анализа**. Если использовать образное представление, то морфологический анализ – это получение нового за счет комбинирования свойств известных элементов (включая расширение числа этих элементов).

Применительно к выявлению новых направлений в региональных исследованиях сущность предлагаемой методики заключается в следующем.

Этап 1. Выбираются типы анализируемых документов. В EconLit представлены книги, рецензии на книги, диссертации, статьи в журналах и сборниках научных трудов, препринты. Мы рассматривали все типы в целом.

Этап 2. Весь период с 1992 по 2005 г. разбивается на два периода по семь лет с годовой разбивкой: 1992–1998 гг. и 1999–2005 гг.

Этап 3. Последовательно анализируются все микрообласти региональной направленности. Формируется список их наименований с указанием соответствующих предметных дескрипторов согласно классификации АЕА. Для каждой микрообласти определяются число публикаций за первый и второй семилетний периоды и значение D – прирост числа публикаций в период 1999–2005 гг. по сравнению с 1992–1998 гг. (первое число в круглых скобках после наименования микрообласти), а также показатель T – темп роста числа публикаций во второй период по отношению к числу публикаций в первый период (второе число в круглых скобках). Мы считаем, что явную региональную направленность в рассматриваемый период имела 31 микрообласть, входящая в макрообласть R «Экономика города, села и регионов». Она разбита на пять мезо- и две микрообласти.

R00 Экономика города, села и регионов: общее (13; 1,1).

R1 Региональная экономика в целом.

R10 Общее (72; 1,17).

R11 Региональная экономическая активность: рост, развитие и изменения (**1806; 1,69**).

R12 Распределение региональной экономической активности по масштабам и по территориям; межрегиональная торговля (экономическая география) (**1281; 1,79**).

R13 Общее равновесие и анализ экономики регионов с позиции благосостояния (18; 0,9).

R14 Способы использования земли (127; 1,42).

R15 Эконометрические модели и модели «вход – выход»; другие модели (218; 1,51).

R19 Другое (1; 0,95).

R2 Анализ домашних хозяйств.

R20 Общее (7; 0,9).

R21 Спрос на жилье (19; 1,04).

R22 Другой спрос (территориальный анализ) (27; 1,32).

R23 Региональные миграция и рынки рабочей силы; население (2635; 2,6).

R29 Другое (8; 0,27).

R3 Анализ производства и размещения предприятий.

R30 Общее (132; 1,62).

R31 Предложение и рынки жилья (371; 1,22).

R32 Другое производство и анализ ценообразования (решения по размещению фирм; индустриальные районы) (2080; 3,1).

R33 Рынки недвижимости несельскохозяйственного и нежилищного назначения (144; 1,37).

R34 Анализ спроса на ресурсы (территориальный аспект) (17; 0,45).

R38 Государственная политика; политики регулирования (контроль ренты) (487; 1,8).

R39 Другое (3; 0,5).

R4 Транспортные системы.

R40 Общее (157; 2,14).

R41 Транспорт: спрос, предложение, перегруженность, безопасность и аварии; транспортный шум (1433; 2,33).

R42 Государственный и частный инвестиционный анализ (172; 2,1).

R48 Государственное ценообразование; политики регулирования (647; 2,72).

R49 Другое (5; 0,69).

R5 Региональный правительственный анализ.

R50 Общее (214; 1,84).

R51 Финансы в городской и сельской экономиках (272; 2,08).

R52 Использование земли и другие регулятивные воздействия (518; 3,7).

R53 Анализ размещения общественных зданий и сооружений; государственные инвестиции и капитал (336; 3,51).

R58 Политика регионального развития (1826; 2,57).

R59 Другое (4; 0,82).

В приведенном перечне жирным шрифтом выделены значения D и T для микрообластей, в которых темп роста больше среднего по всей группе (1,63).

Кроме этого, региональную направленность в классификации АЕА имеют еще две микрообласти: O18 Экономическое развитие: региональные, городские и сельские исследования (**1977; 2**); P25 Социалистические системы и транзитивные экономики: экономика города, села и регионов; домашнее хозяйство; транспорт (**1821; 153**).

Этап 4. Проводится ранжирование микрообластей в порядке уменьшения D и T.

Микрообласти в порядке уменьшения прироста числа публикаций (D):

а) с положительным приростом (25 областей): R23, R32, O18, R58, P25, R11, R41, R12, R48, R52, R38, R31, R53, R51, R15, R50, R42, R40, R33, R30, R14, R10, R22, R21, R00;

б) с отрицательным приростом (8 областей): R19, R39, R59, R49, R20, R29, R34, R13.

Микрообласти в порядке уменьшения темпов роста числа публикаций (T):

а) с темпом роста выше среднего (1,63) (16 областей): P25, R52, R53, R32, R48, R23, R58, R41, R40, R42, R51, O18, R50, R38, R12, R11;

б) с темпом роста ниже среднего, но больше 1 (9 областей): R30, R15, R14, R33, R21, R31, R10, R21, R00;

в) с темпом роста меньше 1 (8 областей): R19, R20, R13, R59, R49, R39, R34, R29.

Таким образом, наибольшей новизной с точки зрения прироста числа публикаций отличались исследования, в которых рассматривались региональная миграция и рынки рабочей силы, влияние ценообразования на решения по размещению фирм, экономическое развитие регионов, городов и сел и связанные с этим политики, проблемы транспорта, а также региональное развитие в условиях транзитивных экономик. С позиции темпа прироста числа публикаций на первом месте находится микрообласть «Экономика города, села и регионов; домашнее хозяйство; транспорт (в транзитивной экономике)». За ней следуют «Использование земли и другие регулятивные воздействия» и «Анализ размещения общественных зданий и сооружений; государственные инвестиции и капитал».

Этап 5. Так как каждая публикация во многих случаях имеет кроме основного предметного дескриптора микродескрипторы других предметных областей, просматриваются все микрообласти, у которых

замечены связи с анализируемой микрообластью региональных исследований. Для каждой из них вычисляется, как и ранее, значение прироста D , а затем выбираются области, вклад которых в прирост публикаций с рассматриваемым дескриптором региональных исследований превышает некоторый уровень (например, 5%). Этот анализ целесообразно дополнить примерами публикаций по новым направлениям, которые, по экспертной оценке, могут представить наибольший интерес для отечественных специалистов.

Рассмотрим новые направления региональных исследований в порядке уменьшения приростов числа публикаций, используя прежнюю схему. После выделенного жирным шрифтом заглавия в алфавитном порядке и в порядке увеличения числовых частей дескрипторов будем приводить другие микрообласти, для которых был отмечен наиболее быстрый рост тесноты связей с рассматриваемой микрообластью региональных исследований. В тех случаях, когда значение T обращается в бесконечность по причине того, что знаменатель дроби равен нулю (в 1992–1998 гг. связей не было), в круглых скобках проставлен знак «*».

R23 Региональная миграция и рынки рабочей силы; население (2635; 2,6): I32 Измерение и анализ бедности (237; 7,8); I38 Политика правительства; предоставление и эффект социальных программ (222; 12,1); J11 Демографические тенденции и прогнозы; миграция в целом (251; 3,7); J15 Экономика национальных меньшинств и рас; дискриминация, не обусловленная трудом (338; 4,2); J24 Человеческий капитал; квалификация; выбор профессии; производительность труда (формальные программы подготовки; обучение на рабочем месте) (321; 7,4); J31 Уровень заработной платы и ее структура; различия в заработной плате в зависимости от квалификации, подготовки, вида деятельности и т.д. (270; 4,1); J61 Географическая мобильность рабочей силы; рабочие-иммигранты (424; 3,3); J64 Безработица: модели, продолжительность, сфера действия и поиск работы (159; 2,5); J68 Государственная политика (услуги по обеспечению занятости) (152; 9,4); O15 Человеческие ресурсы; развитие человека; распределение дохода; миграция (питание, здоровье, образование, фертильность, структура и формирование домашнего хозяйства, рынки труда) (649; 4,4); **O18** (601; 6); P23 Социалистические системы и транзитивные экономики: рынки факторов производства и продуктов; отраслевые

исследования; население (рабочая сила; капитал) (235; 10,8); **P25** (286; *); **R11** (644; 4,4); **R12** (425; 4,6); **R32** (285; 13,4); **R58** (372; 11,9).

В приведенном перечне жирным шрифтом выделены микродескрипторы областей, которые имеют региональную направленность и наименования которых даны в списке, приведенном выше.

Ранжирование связей с R23: 1) в порядке уменьшения D: O15, R11, O18, R12, J61, R58, J15, J24, P25, R32, J31, J11, I32, P23, I38, J64, J68; 2) в порядке уменьшения T: P25, R32, I38, R58, P23, J68, I32, J24, O18, R12, R11, O15, J15, J31, J11, J61, J64.

Представим некоторые **примеры публикаций** на «границах» R23 и других микрообластей.

Morone, Piergiuseppe. The Two Faces of Knowledge Diffusion: The Chilean Case // Journal of International Development. January 2006; 18(1): 29–50. В статье проводится анализ отдачи знаний для случая, когда они приобретаются посредством сочетания интерактивного и индивидуального обучения. Определено влияние подобного обучения на заработную плату чилийских рабочих-мужчин (резидентов) в городских районах в возрасте от 14 до 65 лет.

Kolenikov, Stanislav; Shorrocks, Anthony. A Decomposition Analysis of Regional Poverty in Russia // Review of Development Economics. February 2005; 9(1): 25–46. Рассматривается применение кооперативных игр для анализа уровней бедности по регионам России с учетом показателей: доход на душу населения, неравенства в доходах и уровнях цен в регионе.

Далее для краткости мы будем давать полную расшифровку только новых дескрипторов, а для тех, которые уже были раскрыты выше, проводить первые слова со ссылкой на микрообласть, где дано полное наименование соответствующего дескриптора.

R32 Анализ производства и размещения предприятий: другое производство и анализ ценообразования (решения по размещению фирм; индустриальные районы) (2080; 3,1): F21 Международные инвестиции; долгосрочные перемены капитала (105; 11,5); F23 Многонациональные фирмы; международный бизнес (международная конкурентоспособность) (382; 7,9); L14 Сделки (транзакционные отношения); контракты и репутация; сети (146; 49,7); L25 Эффективность деятельности фирмы: размер, диверсификация и масштаб, возраст, прибыль и продажи (261; *); L60 Отраслевые исследования: обрабатывающая промышленность: общее (203; 6); L63 Микроэлектроника; компьютеры; средства связи (109; 7,8); M13 Предприниматель-

ство (новые фирмы; начало деятельности) (199; 40,8); O14 Индустриализация; обрабатывающая промышленность и сфера услуг; выбор технологии (255; 37,4); **O18** (171; 10); O32 Управление технологическими инновациями; исследования и разработки (375; 16,6); O33 Технологические изменения: выборы и следствия; процессы распространения (включая влияние на производство, благосостояние, распределение дохода, международную конкурентоспособность, военную мощь, измерение и исследование отдельных случаев; международный трансфер технологий) (179; 11,5); O38 Государственная политика в сфере исследований и разработок (140; 71); **P25** (141; *); **R11** (344; 4,8); **R12** (396; 4,7); **R23** (285; 13,4); **R58** (283; 7,7).

Ранжирование связей с R32: 1) в порядке уменьшения D: R12, F23, O32, R11, R23, R58, L25, O14, L60, M13, O33, O18, L14, P25, O38, L63, F21; 2) в порядке уменьшения T: L25, P25, O38, L14, M13, O14, O32, R23, O33, F21, O18, F23, L63, R58, L60, R11, R12.

Примеры публикаций

Davies, Ronald B. State Tax Competition for Foreign Direct Investment: A Winnable War? // *Journal of International Economics*. December 2005; 67(2): 498–512. Для привлечения в страну инвестиций многонациональных фирм государства могут предлагать специальные налоговые льготы. В литературе идут дискуссии относительно эффективности такой меры и ее влияния на инвестиционные решения и национальное благосостояние. Автор полагает, что налоговая конкуренция не всегда ведет к снижению национального благосостояния.

Duranton, Gilles; Storper, Michael. Agglomeration and Growth: A Dialogue between Economists and Geographers // *Journal of Economic Geography*. January 2006; 6(1): 1–7. В работе предпринята попытка выявить «перекрытие» интересов экономистов и географов по вопросам агломерации и роста.

Все четыре дескриптора работы принадлежат к одной макрообласти R: R23, R32, R52, R12.

Armington, Catherine; Acs, Zoltan J. The Determinants of Regional Variation in New Firm Formation // *Regional Studies*. February 2002; 36(1): 33–45. Если в 80-е годы интерес исследователей к проблемам формирования новых фирм был мотивирован высокими уровнями безработицы, то в конце XX в. стали важны высокие технологии. Используя новые данные, автор исследует роль человеческого капитала, образования и условий предпринимательства в процессе создания новых предприятий. Региональные раз-

личия в «темпах рождения» зависят от насыщенности промышленностью, предложения трудовых ресурсов и роста дохода.

O18 Региональные, городские и сельские исследования (1977; 2): I32 Измерение и анализ бедности (159; 2,5); I38 Политика правительства; предоставление и эффект социальных программ (168; 13); J13 Рождаемость; планирование семьи; охрана детства; дети; молодежь (106; 8,1); J16 Экономика пола; дискриминация, не обусловленная трудом (160; 3,4); O12 Микроэкономический анализ экономического развития (175; 5,2); O13 Сельское хозяйство; природные ресурсы; энергия; окружающая среда; другие первичные продукты (448; 2,4); O14 Индустриализация... (см. R32) (170; 3,2); O15 Человеческие ресурсы; развитие человека... (см. R23) (1110; 3); O17 Формальные и неформальные сектора; теневая экономика; институциональные соглашения: юридические, социальные, экономические, политические (327; 3,7); O19 Международные связи и их влияние на развитие; роль международных организаций (включая международные программы помощи, торговлю и финансовые потоки; роль МВФ) (133; 3,4); O23 Фискальная и монетарная политика в развитии (134; 12,2); P23 Рынки факторов производства и продуктов (см. R23) (182; 13,1); **P25** (673; 225); Q15 Собственность на землю и аренда; земельная реформа; использование земли; ирригация (104; 2,9); **R11** (445; 2,4); **R12** (168; 1,9); **R23** (601; 6); **R32** (171; 10); **R58** (287; 4,3); Z13 Социальные нормы и социальный капитал; социальные сети; экономическая антропология (97; *).

Ранжирование связей с O18: 1) в порядке уменьшения D: O15, P25, R23, O13, R11, O17, R58, P23, O12, R32, O14, I38, R12, J16, I32, O23, O19, J13, Q15, Z13; 2) в порядке уменьшения T: Z13, P25, P23, I38, O23, R32, J13, R23, O12, R58, O17, O19, J16, O14, O15, Q15, I32, R11, O13, R12.

Примеры публикаций

Sabatini, Fabio. Social Capital, Public Spending and the Quality of Economic Development: The Case of Italy. Working-Paper, 2006 (<http://www.feem.it/NR/rdonlyres/48EFBBEF-AD78-4E21-9596-B9A4D112F231/1842/1406.pdf>). В работе на основе данных, собранных автором, анализируется взаимосвязь между социальным капиталом и качеством экономического развития в Италии. Качество развития измеряется через развитие человеческого капитала и показатели состояния городских экосистем, общественных услуг, равенства полов и рынков труда. Социальный капитал измеряется посредством

синтетических показателей, отражающих сильные семейные связи, слабые неформальные связи, участие в добровольных организациях и в политической деятельности. В частности, анализ показал: 1) качество развития имеет негативную корреляцию с сильными семейными связями; 2) социальное благополучие сильно зависит от неформальных связей; 3) общественные расходы на образование, здравоохранение и охрану окружающей среды слабо коррелированы с показателями социального капитала и развития.

Lai, Hsien Che; Chiu, Yi Chia; Leu, Horng Der. Innovation Capacity Comparison of China's Information Technology Industrial Clusters: The Case of Shanghai, Kunshan, Shenzhen and Dongguan // *Technology Analysis and Strategic Management*. September 2005; 17(3): 293–315. В статье исследуется влияние индустриальных кластеров (на примере информационных технологий) и региональной политики на способность к инновациям.

Wakasugi, Ryuhei. The Effects of Chinese Regional Conditions on the Location Choice of Japanese Affiliates // *Japanese-Economic-Review*. December 2005; 56(4): 390–407. В статье с помощью эконометрических методов анализируется влияние разных факторов на выбор мест размещения филиалов японских фирм в Китае. Вывод: факторы, связанные с трудовыми ресурсами оказались наиболее значимыми.

R58 Политика регионального развития (1826; 2,6): O15 Человеческие ресурсы; развитие человека... (см. R23) (89; 9,9); **O18** (288; 4,3); **P25 (R23)** (191; *); **R11 (R23)** (669; 3); **R12 (R23)** (209; 3,5); **R23** (372; 11,9); **R32** (283; 7,7); **R38** Анализ производства и размещения предприятий: государственная политика; политики регулирования (контроль ренты) (96; 5,4); **R52** Использование земли и другие регулятивные воздействия (249; 12,3).

Ранжирование связей с R58: 1) в порядке уменьшения D: R11, R23, O18, R32, R52, R12, P25, R38, O15; 2) в порядке уменьшения T: P25, R52, R23, O15, R32, R38, O18, R12, R11.

Примеры публикаций

Donnelly, Tom; Hyry, Martti. Urban and Regional High Technologies: The Case of Oulu // *Local-Economy*. May 2004; 19(2): 134–49. В статье исследуется феномен трансформации финского города Оулу, в котором на смену лесной и деревообрабатывающей промышленности пришли телекоммуникации, электроника, биотехнология, мультимедиа и технологии по охране окружающей среды. Особое внимание обращено на влияние государственной и региональной политик, высшего образования, органов местной власти и предпринимателей.

MacPherson, Alan; Ziolkowski, Michael. The Role of University-Based Industrial Extension Services in the Business Performance of Small Manufacturing Firms: Case-Study Evidence from Western New York // *Entrepreneurship and Regional Development*. November 2005; 17(6): 431–47. В статье анализируется опыт программы Университета Буффало и его Центра промышленной эффективности (Centre for Industrial Effectiveness, CIE), которые ориентированы на поддержку малых фирм в обрабатывающей промышленности в депрессивном регионе США (Западный Нью-Йорк). Основной вывод состоит в том, что услуги CIE в большей степени способствуют передаче предприятиям отработанных процедур, а в меньшей – принципиально новых технологий. Отмечена положительная корреляция между проектируемыми инвестициями и коммерческими результатами (рост продаж, сохранение рабочих мест и др.). Также рассмотрены некоторые слабые места, ограничивающие эффективность университетских центров типа CIE.

P25 Социалистические системы и транзитивные экономики: экономика города, села и регионов; домашнее хозяйство; транспорт (1821; 153): Н77 Взаимоотношения между органами власти; федерализм; выход (из Союза) (93; *); О13 Сельское хозяйство... (см. О18) (115; *); О14 Индустриализация... (см. R32) (93; 94); О15 Человеческие ресурсы; развитие человека... (см. R23) (323; *); **О18** (673; 225); О19 Международные связи и их влияние на развитие... (см. О18) (90; 91); **P2 Социалистические системы и транзитивные экономики:** P21 Планирование, координация и реформы (128; 43,7); P23 Рынки факторов производства и продуктов; отраслевые исследования; население (рабочая сила; капитал) (376; 126); P24 Национальный доход, продукт и расходы; деньги; инфляция (99; 25,7); **P3 Социалистические институты и их трансформация:** P31 Социалистические предприятия и их трансформация (134; 45,7); P32 Колхозы; коммуны; сельское хозяйство (173; *); P33 Международная торговля, финансы, инвестиции и помощь (221; 56); P35 Экономика общественного сектора (116; *); P36 Экономика потребителя; здоровье, образование и подготовка кадров, благосостояние и бедность (174; *); **R11** (423; 85,6); **R12** (222; *); **R23** (285; *); **R31** (93; 94); **R32** (141, *); **R58** (191; *).

Ранжирование связей с P25: 1) в порядке уменьшения D: О18, R11, P23, О15, R23, R12, P33, R58, P36, P32, R32, P31, P21, P35, О13, P24, Н77, О14, R31, О19; 2) в порядке уменьшения T: О15, R23, R12, R58, P36, P32, R32, P35, О13, Н77, О18, P23, О14, R31, О19, R11, P33, P31, P21, P24.

Примеры публикаций

Wu, Fulong. The (Post-) Socialist Entrepreneurial City as a State Project: Shanghai's Reglobalisation in Question // *Urban-Studies*. August 2003; 40(9): 1673–98. В статье предпринята попытка применить понятие «предпринимательский город», которое включает в себя такие три элемента, как предпринимательские стратегии, стиль и коммуникации, к Шанхаю. Показано, что в постсоциалистической экономике формирование территориального предпринимательства является делом государства, при этом в него также вовлечены глобализация и развитие рынка.

Определенный интерес представляют микродескрипторы данной статьи: кроме рассматриваемого P25 указаны R58 и O18. Но нет собственно предпринимательского дескриптора M13.

Направления исследований с дескриптором P25 в сочетании с другими региональными дескрипторами чрезвычайно разнообразны: субсидии сельскому хозяйству в Хорватии; определение границ между муниципальными образованиями в Македонии; тенденции в развитии наземного и морского транспорта между Западной и Восточной Европой; влияние культуры (на примере Будапешта); преобразование сельскохозяйственных районов в Центральной Европе; развитие провинций, особых экономических зон, инновационных центров, региональных инновационных систем в небольших регионах, промышленных кластеров, рынков трудовых ресурсов и недвижимости в Китае; миграция из постсоциалистических стран; эволюция федерализма, экономических реформ и глобализации; взаимодействие центральных и местных властей; моделирование поведения пешеходов в городах Китая и др. Что касается стран, то преобладает освещение китайского опыта. Иногда мелькает и Россия благодаря статьям, опубликованным зарубежными и отечественными специалистами в англоязычных изданиях.

R11 Региональная экономическая активность: рост, развитие и изменения (1806; 1,69): O15 Человеческие ресурсы... (см. R23) (186; 4,1); **O18** (445; 2,4); O32 Управление технологическими инновациями; исследования и разработки (121; 2,7); O47 Измерение экономического роста; совокупная производительность; сближение стран по уровню производства (дохода) (121; 2,9); **P25** (423; 85,6); **R12** (466; 2,8); **R15** (109; 3); **R23** (644; 4,4); **R32** (344; 4,8); **R58** (669; 3).

Ранжирование связей с R11: 1) в порядке уменьшения D: R58, R23, R12, O18, P25, R32, O15, O32, O47, R15; 2) в порядке уменьшения T: P25, O32, R32, R23, O15, R58, R15, O47, R12, O18.

Примеры публикаций

Davis, Charles H.; Sun, Elaine. Business Development Capabilities in Information Technology SMEs in a Regional Economy: An Exploratory Study // Journal of Technology Transfer. January 2006; 31(1): 145–61. В статье исследуются функции развития бизнеса применительно к малым и средним предприятиям в отрасли информационных технологий в Восточной Канаде. Среди важнейших указываются такие функции, как нахождение возможностей получения прибыли, развитие и поддержание партнерских отношений, предоставление поддержки новым продуктам, а также выявление и удовлетворение потребностей клиентов. Вместе с тем особенности региональных рынков могут требовать от предпринимателей различных способностей к развитию бизнеса.

Moreno, Rosina; Paci, Raffaele; Usai, Stefano. Geographical and Sectoral Clusters of Innovation in Europe // Annals of Regional Science. December 2005; 39(4): 715–39. В работе предпринята попытка на основе эмпирического материала оценить, имеются ли факторы, которые поддерживают развитие технологически специализированных региональных кластеров в Европе. Показано, что специализация в инновационной активности в значительной степени зависит от специализации производства.

* * *

В период 1992–2005 гг. в мировых академических исследованиях, отраженных в англоязычных публикациях (в том числе и на языках оригиналов, но с аннотацией на английском языке) и представленных в электронной библиографической базе EconLit, в целом региональная тематика занимала достойное место, и прирост числа публикаций за 1999–2005 гг. по сравнению с 1992–1998 гг. составил 63%. Предложенная методика позволила выявить 25 микрообластей региональных исследований, в которых произошел прирост числа публикаций, и восьми микрообластей с отрицательным приростом. Выявлен также ряд направлений исследований, возникших в последние годы на границах разных микрообластей. Можно с большой степенью уверенности сделать вывод, что в будущем процесс взаимного обогащения подобластей региональных исследований продолжится и это приведет к появлению новых интересных работ.

НАШИ АВТОРЫ

Новоселов Александр Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН, Новосибирск, asnov@ieie/nsc.ru

Мартышенко Сергей Николаевич, кандидат экономических наук, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (ВГУЭС), Владивосток, sergey.martishenko@vvsu.ru

Мартышенко Наталья Степановна, кандидат экономических наук, доцент ВГУЭС, Владивосток, natalya.martysenko@vvsu.ru

Клисторин Владимир Ильич, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, klistorin@mail.ru

Воронов Юрий Петрович, кандидат экономических наук, генеральный директор консультационной фирмы «Корпус», Новосибирск, wrn@online.nsk.su

Алексейчук Мария Сергеевна, аспирант Самарского государственного экономического университета, Самара, masha345@mail.ru

Фридман Юрий Абрамович, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией ИЭОПП СО РАН, Кемерово, rgn.vt@kuzstu.ru

Речко Галина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Кемерово, rgn.vt@kuzstu.ru

Бияков Олег Анатольевич, доктор экономических наук, профессор Кузбасского государственного технического университета, Кемерово

Блам Юрий Шабсович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, blam@ieie.nsc.ru

Цветкова Светлана Николаевна, кандидат экономических наук, профессор Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса, Шахты Ростовской области, tsvetcova_six@mail.ru

Липин Андрей Станиславович, аспирант ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, lipin@ieie.nsc.ru

Гайдук Егор Александрович, аспирант ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, egornso@ngs.ru

Бессонова Ольга Эрнестовна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, beol@mail.nsk.ru

Соболева Светлана Владимировна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, soboleva@ieie.nsc.ru

Чудаева Ольга Владимировна, научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск

Басарева Вера Гавриловна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, vbas@mail.nsk.ru

Кисельников Александр Андреевич, доктор экономических наук, профессор, руководитель Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области, Новосибирск, oblstat@novosibstat.ru

Курцев Иосиф Владимирович, академик РАСХН, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства СО РАСХН, Новосибирск

Шипилина Анна Ивановна, аспирант Сибирского государственного университета путей сообщения, Новосибирск,

Гальперова Елена Васильевна, кандидат технических наук, старший научный сотрудник Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева (ИСЭМ) СО РАН, Иркутск, galper@isem.sei.irk.ru

Кононов Юрий Дмитриевич, доктор экономических наук, заведующий лабораторией ИСЭМ, Иркутск, kononov@isem.sei.irk.ru

Мазурова Ольга Васильевна, кандидат технических наук, научный сотрудник ИСЭМ, Иркутск, mazyrova@isem.sei.irk.ru

Тамбовцев Виталий Леонидович, доктор экономических наук, профессор Московского государственного университета (МГУ), Москва, tambovtsev@econ.msu.ru

Баснина Татьяна Дмитриевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник МГУ, Москва

Вигушина Елена Павловна, младший научный сотрудник МГУ, Москва

Иванова Светлана Анатольевна, младший научный сотрудник МГУ, Москва

Маньков Владимир Станиславович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник МГУ, Москва

Полянская Елена Евгеньевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник МГУ, Москва

Суханова Наталия Виленовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник МГУ, Москва

Сысоев Александр Петрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник МГУ, Москва

Куратченко Елизавета Валериевна, аспирант Алтайской академии экономики и права, Барнаул, elkur@bk.ru

Лычагин Михаил Васильевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой Новосибирского государственного университета, Новосибирск, lychagin@nsu.ru

Суслов Виктор Иванович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора ИЭОПП СО РАН, Новосибирск, suslov@ieie.nsc.ru

Лычагин Антон Михайлович, кандидат экономических наук, доцент Института экономики и антикризисного управления, Москва, anton@lychagin.ru

SUMMARY

Novoselov, A.S. The paper analyzes methodological issues of how regional markets develop, the role which they play in regional economy as well as spatial, institutional and reproduction aspects of the structures of such markets. The author, having analyzed different theories of regional markets, validates the approaches to a concept of the regional market development which allows coordinating interests of governments and businesses.

Martysenko, S.N. and N.S. Martysenko. The paper considers an optimization model of planning the investments made into a regional touristic complex. A criterion for choosing an effective plan is based on synergistic effect. One of the advantages of such model is the fact that a criterion function and a set of constraints are represented as linear functions that allows solving a problem of rather high dimensionality.

Klistorin, V.I. The paper analyzes major opinions and evaluations of Russian experts in regional policy and federate relations concerning the issue of what model of federalism would be appropriate to Russia and what impact it would have on the spatial development of the country. As the analysis shows, the experts' opinions are mostly defined by their evaluations of how advanced the political institutions of federalism are and to what extent they are effective. Most experts consider essential, and even inevitable, the decision making to be decentralized and the independence of regions, and municipal units to be extended.

Voronov, Yu.P. The paper considers methodical issues of how to assess regional ratings. To illustrate this problem, the ratings of the regions of the Siberian Federal District are presented. The author proves his choice of a two-phase and two-criterion technique to assess ratings as well as to make «soft», i.e. grouped ratings. However a basic argument is beyond the technique and consists in idea to apply more flexible criteria to assess the quality of governance in RF units.

Alekseychuk M.S. The paper is devoted to the question of whether a true-savings index – a sustainable development indicator – well

known in western scientific publications, could be applied to assessing the sustainability of regional development. The author made an effort, through a case-study for the Samara Oblast, to measure a real speed of national saving after deduction of human investments, depletion of physical capital, natural resources and diseconomies of environment pollution.

Fridman, Yu.A., G.N. Rechko, O.A. Biyakov and Yu. Sh. Blam. The paper analyzes how and to what degree the economic interests of regional governments and businesses are coordinated in a region. We showed the necessity to develop instruments for quantitative estimation of regional economic interests, and proposed the approach based on the mathematical tools of rank statistics and a data base provided by regional bodies of federal statistics. As well we presented a technique to assess to what degree the economic interests of subjects of regional industrial policy are coordinated.

Tsvetkova, S.N. The paper considers what brought to economic crisis of the coal industry in the eastern part of the Donets Basin, and describes major ways of restructuring this industry. The development trends of such depressed region and the factors providing socio-economic stabilization are also shown.

Basareva, V.G. The paper shows theoretically and empirically that in Russia there is a linkage between formation of new small enterprises and level of living of people. A system of simultaneous equations is validated, built and estimated. In these equations, small enterprise development and level of living are endogenous variables and regional social-economic characteristics are exogenous ones. The model is estimated with the help of two procedures: 2SLS (Two Stage Least Squares) and FIML (Full-Information Maximum Likelihood). The evidence of linkage existing between these processes may help policy-makers elaborate new strategies in reformation.

Lipin, A.S. and E.A. Gayduk. The paper analyzes how the changes in Russian foreign trade policy influence on the situation in a forestry complex of a macroregion (a case-study for Siberia). We focused on the market of China considered as a major trade partner of Siberia. We also analyzed the supply-and-demand equilibrium of Chinese lumber market and the relatively static influence of tariff rates on the volume of forestry export, and showed the effective and in-

effective mechanisms for the lumber export management. We present the assessment of one of the housing industries – industry of wooden houses, and consider its development as a promising variant for Russia if the protectionist trade policy continues.

Bessonova, O.E. The author analyzes how the role which governmental authorities play in national economy recently changed that resulted in emergence of a new institutional system. The theory of institutional transformations provides for the ideas that economic efficiency is in balance with principles of social justice and this balance is based on such institutional system where market mechanisms are combined with distributing ones that allows higher development of human potential of the country and which has shaped dually: the western market economy modified into «social market» since 20th century and Russian distributing economy – into «a liberal distributing system» since 2000.

Soboleva, S.V. and O.V. Chudaeva. The paper shows how the analysis of demographic safety could help in identifying the conditions necessary to neutralize present demographic threats and to prevent new ones. We presented here a classification of demographic threats for Russia, most crucial impacts of such threats, indicators and their threshold levels which could be computed on the base of federal regional statistics both for Russia or any region. Such indicators allow diagnosing the demographic sphere and could be considered as benchmarks in the development and implementation of federal or regional demographic policies.

Kiselnikov, A.A. and I.V. Kurtsev. The paper considers the agricultural development in Siberia over long time horizon. We used the archival data of the agricultural censuses of 1917 and 1920 for Siberia, current statistics and preliminary data of the Russian Agricultural Census 2006. This allowed us to show positive and destructive periods in the development of agriculture in Siberia. Our special focus was the reforms of the 1990th when Siberian communities had suffered the greatest damage ever seen in the history of this sector. We also formulated present problems of rural communities and quantified them.

Shipilina, A.I. The paper discusses the issues of construction of the Circumpolar Trunk Railway. The urgency of this project is caused by the necessity to develop the Russian North Pacific Shelf. The alter-

native transportation variants are also considered. Applying the theory of the decision making under uncertainty and an indefinite sets technique, we proved that the construction of the trunk railway is a preferable variant.

Galperova, E.V., Yu.D. Kononov and O.V. Mazurova. The paper gives a methodical approach to assessment of the demand for fuel and energy made within the framework of the development of long-term strategies for the fuel and energy complex in Russia and its macroregions. Special attention is given to the price elasticity of demand for energy sources since it is vital to be included in strategies as a price and demand do depend on each other in any market economy. This approach was applied to assessment of the demand for gas in eastern regions of the country.

Tambovtsev, V.L., T.D. Basnina, E.P. Vigushina, S.A. Ivanova, V.S. Man'kov, E.E. Polyanskaya, N.V. Sukhanova and A.P. Sysoev. The paper analyzes the principles and approaches to organization of the public audit of local governments being made by applying such criteria as the resulting effect indices and public opinions on quality of services these local governments provide.

Kuratchenko, E.V. The paper describes a technique to evaluate how efficient the socio-economic development management is in a municipal unit. The technique is based on comparative estimations of the socio-economic development management in different municipal unit within a region. A case-study for the Altai Krai made by applying this technique, and the results obtained are presented in the paper.

Lychagin, M.V., V.I. Suslov and A.M. Lychagin. We analyze what new has been observed in the regional studies bibliography compiled in the EconLit Internet-catalogue. The novelty criteria applied are the absolute and comparative growths of publications of all kinds and the number of new interdisciplinary publications concerning regional issues. We proposed a technique to identify new areas of regional studies through the analysis of intensity of the publication activity and of how often the software utilities were applied to textual-morphological analysis or works with bibliographic data bases.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Представленные в журнал научные статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты исследований по проблемам региональной экономики.

2. Рукопись статьи должна быть подписана автором (авторами) с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), ученой степени, звания, должности, места работы, почтового адреса, телефона, электронного адреса.

3. Автор высылает в редакцию текст (допустима архивация zip) статьи (не более 15 стр.), аннотацию (10–12 строк) и ключевые слова (8–10 слов) **на диске в формате Microsoft Office Word версии не выше 11 (2003 г.) и идентичный текст в печатном виде** со следующими параметрами: **размер шрифта** – 12 кегль, без переносов, **межстрочный интервал** – 1,5, **горизонтальные таблицы** размером не более 110 знаков в строке, **рисунки** размером не более 110 × 165 мм.

4. **Таблицы и рисунки сохранять отдельным файлом и распечатывать отдельно.** Рисунки высылать в программном средстве изготовления.

5. Список литературы дается в конце статьи и оформляется в порядке ссылок на источники.

6. Примечания оформляются подстрочными ссылками.

7. Рукописи рецензируются, а не отвечающие данным правилам не рассматриваются.

Рекомендуемый вариант описания статей, представляемых в журнал

ББК 78.34

Регион: экономика и социология, 2008, № 2, с. 101–120

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ СООРУЖЕНИЯ СЕВЕРОСИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ МАГИСТРАЛИ

Е.Б. Кибалов, А.А. Кин, К.Л. Комаров*

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,

* Сибирский государственный университет путей сообщения

Аннотация (не более 12 строк)

Анализируется концепция строительства Северосибирской железнодорожной магистрали. Показано, что концепция не содержит обязательных элементов, которые делают ее научно обоснованным документом, предваряющим реализацию проекта и адекватно учитывающим фактор неопределенности при осуществлении уникального по масштабам и сложности проекта. Указывается

на непроработанность институционального аспекта концепции и обосновывающих технико-экономических показателей проекта.

Ключевые слова: концепция, неопределенность, ожидаемая эффективность, второй индустриальный пояс, Сибирь, управляющая компания, Севсиб, БАМ, TVA, ТПК-подход, Аппалачи

Оформление пристатейных ссылок

Монографии, авторефераты, диссертации:

Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.:ИНФРА-М, 2006. – 494 с.

Статьи из журналов и сборников:

Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопр. философии. – 1992. – № 10. – С. 76–86.

Интернет-документы:

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения 08.04.2008).

Рукописи направлять по адресу:

**630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17,
ИЭОПП СО РАН, комн. 338**

E-mail: region@ieie.nsc.ru, тел./факс (383)3302438

Всероссийский научный журнал
«Регион: экономика и социология»,
журнал Сибирского отделения РАН

Включен в перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикации работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Содержание журнала и аннотации статей публикуются на сайте
<http://region.socionet.ru>.

Адрес редакции:
630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП, комн. 338
Тел./факс: (383)3302438
E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через АО «Роспечать», АО «Международная книга-периодика» и редакцию. В розничную продажу не поступает.
Условия подписки см. на сайте <http://region.socionet.ru>.

Редактор *Е.Б. Артемова*
Перевод *И.М. Кисториной*
Компьютерная верстка *Т.Г. Чувовой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.
Подписано к печати 15 августа 2008 г. Формат бумаги 60 × 84 1/16.
Офсетная печать. Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 16,5.
Уч.-изд. л. 16,0. Заказ № 83. Цена договорная.

Отпечатано на участке оперативной печати Института экономики
и организации промышленного производства СО РАН,
630090 Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17